

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

Человек. Культура. Образование **Human. Culture. Education**

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications
of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 1 (59) 2026

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, г. Томск);

Большаков Сергей Николаевич, доктор политических наук, доктор экономических наук, доктор религиоведения (Scd.), Российский государственный социальный университет; Невский институт языка и культуры (Россия, Москва, Санкт-Петербург);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Россия, Санкт-Петербург);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, профессор, председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Россия, г. Сыктывкар);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Россия, г. Якутск);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета Россия (Россия, г. Архангельск);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, г. Сыктывкар);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург);

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики Мурманского арктического университета (Россия, г. Мурманск);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамент философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, г. Челябинск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Россия, Санкт-Петербург);

Лю Лэй, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар);

Смолик Александр Иванович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой искусствоведения и педагогики искусства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург);

Тое Скотт, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург» (Россия, г. Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург);

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, г. Сыктывкар);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, руководитель НОЦ «Междисциплинарные исследования развития человека» Забайкальского государственного университета; профессор Департамента педагогики и психологии развития, руководитель программы аспирантуры «Методология и технология профессионального образования» Дальневосточного федерального университета (Россия, г. Чита, г. Владивосток).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Пашкова Марина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, начальник редакционно-издательского отдела Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: pce@syktsu.ru

Периодическое издание

**Научно-образовательный и методический журнал
“Человек. Культура. Образование”**

№ 1 (59) 2026

Редактор *О. В. Габова*
Корректор *Е. М. Насирова*
Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*
Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 11.03.2026. Дата выхода в свет 01.04.2026.
Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 11,6. Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81
Сайт: komitip.ru

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Sergey N. Bolshakov, Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Religious Studies (Scd.), Russian State Social University; Nevsky Institute of Language and Culture (Russia, Moscow, St. Petersburg);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Professor of the Faculty of World Languages and Cultures of the Russian State Christian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, Associate Professor of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philology, Intercultural Communication and Journalism, Murmansk Arctic University (Russia, Murmansk);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Levi, Professor, Shandong University (China);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Belarusian State University of Culture and Arts (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Alexander I. Smolik, Doctor of Culture-study, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Belarusian State University of Culture and Arts (Republic of Belarus, Minsk);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor, Head of the Department of Art History and Art Pedagogy, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Bodo Nord University, Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Applied Political Science, National Research University "Higher School of Economics – St. Petersburg" (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center "Interdisciplinary Studies of Human Development" at the Trans-Baikal State University; Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Head of the Postgraduate Program "Methodology and Technology of Professional Education" at the Far Eastern Federal University (Russia, Chita, Vladivostok).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science end Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Marina M. Pashkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department of the Institute of Foreign Languages,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2026.

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Бешкарев А. А., Пыстина О. В. Журнал «Арт» как медиатор региональной культуры: история и жанрово-тематическое пространство.....	10
Горбани Х. Аллегория тени в пещере Платона и «фонарь воображения» в рубаи Омара Хайяма.....	26
Гринько Е. Н. Российские традиции в жизни студенческой молодежи.....	46
Мальшина Н. А. Бинарность как базовая характеристика современной индустрии культуры.....	66

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Большаков С. Н. Аврелий Августин о «Граде Божьем» и «Граде земном» и политическом устройстве общества. О «нев्यученном уроке» политического и социального значения принципа субсидиарности.....	84
--	----

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Барышникова Ю. Ю., Чупрова Н. В. ВКР-стартап как эффективный формат методической подготовки будущих учителей иностранного языка.....	110
Вилисов Д. В. Формирование профессиональной субъектной позиции курсантов военного вуза: теоретико-методологический и эмпирический аспекты.....	127
Пензина Д. Е., Евсеева А. Н. Повышение жизнестойкости и адаптивности людей пожилого возраста в отделениях дневного пребывания учреждений социального обслуживания.....	145
Санников М. А. Педагогическая функция приходской среды как воспитательной системы: от наблюдения к интеграции.....	168
Сердюк Е. В. О некоторых аспектах работы со студентами поколения Z в языковом педагогическом институте.....	191

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Beshkarev A. A., Pystina O. V. Art Magazine as a mediator of regional culture: history and genre-thematic space.....	10
Ghorbani H. Allegory of the Shadow in Plato's Cave and the «Lantern of Imagination» in the Rubai of Omar Khayyam.....	26
Grinko E. N. Russian traditions in the life of students.....	46
Malshina N. A. Binary as a basic characteristic of the modern cultural industry.....	66

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGION STUDIES

Bolshakov S. N. Aurelius Augustine on the "City God" and the "Earthly city" and the political structure of society. On the "unlearned lesson" of the political and social significance of the subsidiarity principle.....	84
--	----

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Baryshnikova Yu. Yu., Chuprova N. V. A final qualification work-startup as an effective format for methodological training of future foreign language teachers.....	110
Vilisov D. V. Formation of the professional subject position of military university cadets: theoretical, methodological and empirical aspects.....	127
Penzina D. E., Evseeva A. N. Improving the Resilience and Adaptability of Elderly People in the Day Care Departments of Social Service Institutions.....	145
Sannikov M. A. The pedagogical function of the parish environment as an educational system: from observation to integration.....	168
Serdyuk E. V. Specifics of Working with Generation Z Students in a Linguistic Pedagogical Institute.....	191

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 070

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-10>

**Журнал «Арт» как медиатор региональной культуры:
история и жанрово-тематическое пространство**

**Алексей Александрович Бешкарев¹,
Ольга Владимировна Пыстина²**

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет имени
Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹ beshi@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6731-4712>

² olga-pystina@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0001-6148-5070>

***Аннотация.** Целью статьи является исследование истории, жанрового своеобразия и тематического пространства регионального литературно-публицистического журнала «Арт», который издается в Республике Коми на русском и коми языках. Анализ проводится с учетом роли журнала как медиатора региональной культуры, отражающего исторические, этнические и культурные особенности территории через многообразие жанров — от художественной литературы до научно-популярных и публицистических материалов. Особое внимание уделяется темам, связанным с литературой, искусством, фольклором, историей и современными культурными процессами региона. Исследо-*

© Бешкарев А. А., Пыстина О. В., 2026

вание опирается на жанрово-тематическую классификацию журнального контента, а также использует культурологический подход, что позволяет выявить своеобразие регионального СМИ как основы для сохранения и развития культурной идентичности. Выводы показывают, что журнал «Арт» выступает значимым медиафеноменом, объединяющим творческие и научные усилия в регионе и способствующим формированию культурного диалога между поколениями и этносами.

Ключевые слова: региональные медиа, литературно-публицистический журнал, культура коми, жанрово-тематический анализ, культурная идентичность, фольклор, этнография

Для цитирования: Бешкарев А. А., Пыстина О. В. Журнал «Арт» как медиатор региональной культуры: история и жанрово-тематическое пространство // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 10–26. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-10>

Art Magazine as a mediator of regional culture: history and genre-thematic space

Alexey A. Beshkarev¹, Olga V. Pystina²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ beshi@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6731-4712>

² olga-pystina@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0001-6148-5070>

Abstract. *The article is devoted to the study of the history, genre identity and thematic space of the regional literary and journalistic magazine “Art”, which has been published in the Komi Republic since 1997 in Russian and Komi languages. The analysis is carried out taking into account the role of the magazine as a mediator of regional culture, reflecting the historical, ethnic and cultural characteristics of the territory through a variety of genres — from fiction to popular science and journalistic materials. Special attention is paid to the topics related to literature, art, folklore, history and modern cultural processes of the region. The research is based on the genre-thematic classification of magazine content, and also uses a cultural approach, which allows us to identify the uniqueness of the regional media as the basis for the preservation and development of cultural identity. The findings show that Art magazine is a significant media phenomenon that unites creative and scientific efforts in the region and contributes to the formation of a cultural dialogue between generations and nationalities.*

Keywords: *regional media, literary and journalistic magazine, Komi culture, genre and thematic analysis, cultural identity, folklore, ethnography*

For citation: Beshkarev A. A., Pystina O. V. Art Magazine as a mediator of regional culture: history and genre-thematic space. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 10–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-10>

Введение. В настоящее время возрастает интерес к сохранению и развитию культурной идентичности народов России. При этом особое значение приобретает изучение специализированных изданий, отражающих локальные культурные процессы. Журнал «Арт», выходящий с 1997 г. в Республике Коми на русском и коми языках, представляет собой пример литературно-публицистического медиа, объединяющего художественное творчество, научно-популярные и публицистические материалы, посвященные культуре, истории и этнографии региона. Несмотря на значимость подобных изданий для формирования и поддержки культурного пространства региона, их жанрово-тематическое своеобразие и роль в медиасфере остаются недостаточно исследованными в отечественной науке.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления роли региональных СМИ в развитии и сохранении культурного наследия народов России. Изучение журнала «Арт» позволяет выявить пути взаимодействия медиа с локальной культурой, а также специфику жанров и тем, способствующих сохранению и трансляции местных традиций. В научном поле традиционно преобладают исследования федеральных СМИ, в то время как анализ регионального литературно-публицистического, историко-культурологического, художественного журнала способен расширить представление о медиа как инструменте культурной политики.

Методы исследования, теоретическая база. «Арт» уже становился объектом научного исследования, например в работах Т. А. Снигиревой, посвященных соотношению традиции и современности, а также социокультурной стратегии журнала¹. Однако современный этап его развития еще не получил достаточного научного освещения, а жанрово-тематическая составляющая издания не являлась предметом специального изучения.

Изучение тематического своеобразия и жанровой структуры журнала «Арт» проводилось согласно методическим прин-

¹ Снигирева Т. А. Социокультурная стратегия журнала «Арт (Лад)» // Арт. 2012. № 4. С. 6–12.

ципам, изложенным в трудах А. И. Акопова (предложившего методику типологического исследования применительно к специальным журналам) [1], А. А. Тертычного (разработавшего современную концепцию жанров периодической печати) [2], коллектива авторов пособия «Типология периодической печати» (исследовавших состояние и развитие типологической структуры печатных СМИ) [3].

Ю. А. Головин предлагает следующее определение российского «толстого» литературно-художественного журнала: «Это издание массовое, объединяющее в себе эстетическую, общественно-политическую и научно-образовательную сферы, выражающее и консолидирующее общественное сознание, удовлетворяющее культурные, социальные, духовные, эстетические, этические, а сегодня, в значительной мере, и профессиональные запросы личности» [4, с. 29–30].

Т. Ф. Дедкова выделяет следующие типы культурологических изданий: 1) журналы по философии культуры, истории культуры, искусствознанию; 2) «журналы для интеллектуалов» о социокультуре, политической культуре, моральному дискурсу в политике, истории русской гуманитарной мысли и проблемам интеллектуальной свободы; 3) журналы-обозрения российских и зарубежных изданий по философии, политологии, социологии, психологии, этнографии; 4) культурологические журналы о кино, театре, музыке, живописи, об архитектуре и других видах искусства; 5) новый тип изданий — корпоративные: журнал одного музея, культурного центра, посвященный творчеству одного писателя, философа и т. д.; 6) традиционные и новые литературно-художественные, литературно-критические, литературно-исторические, литературоведческие и публицистические журналы; 7) историко-краеведческие, просветительские журналы; 8) журналы академические, научные, по гуманитарным областям знаний [5, с. 93]. Согласно предложенной классификации, «Арт» можно отнести к шестому типу.

Как подчеркивает В. Б. Смирнов, «толстый» журнал представляет собой эстетически структурированное целое и оттого обладает особым рода поэтикой, обусловленной в первую очередь тем, что журнал «существует одновременно в двух социокультурных сферах (журналистика и литература), обладает многоуровневой текстовой структурой, полидискурсивностью... многообразием функциональных стилей» [6, с. 385]. Еще

один фактор, существенно дифференцирующий журнальный контекст, отмечает О. Г. Шильникова: составляющие его публикации являются продуктом различных типов авторской креативной деятельности — художественной, публицистической, научной, документальной, что и от реципиента требует специальных усилий по удержанию единства впечатления от журнального номера [7, с. 65].

В литературно-публицистических журналах происходит синтез двух видов отношений: образных и понятийных элементов в пределах системы текста. О таком взаимодействующем процессе пишет Г. С. Прохоров: «Публицистика осваивает возможности языка изящной словесности, в результате чего происходит утончение риторической изысканности публицистических форм и возникает часть из тех произведений, которые принято называть "художественной публицистикой". Художественная литература пробует схватить эмпирическую действительность и рассмотреть ее, как если бы эмпирические события имели эстетическую природу» [8, с. 19].

Результаты исследования и их обсуждение. Идея создания журнала «Арт» оформилась в 1994 г. (в переводе с английского, французского и некоторых других европейских языков art значит «искусство». В коми языке слово «арт» — «порядок, лад» — восходит к финно-угорскому «понимать», «мыслить»). Автором проекта журнала выступил ученый-фольклорист П. Ф. Лимеров, составивший его обоснование. Как отмечал исследователь, полем для создания нового журнала было полное отсутствие в широкой печати республики научных и научно-популярных работ, освещающих литературный процесс, искусства, достижения фольклористики, этнографии, истории. Журнал задумывался как издание, интегрирующее творческие усилия литераторов, ученых, художников, мыслящих глубоко, неординарно¹. Первым редактором издания в 1997–2015 гг. была коми писатель, переводчик, журналист Г. В. Бутырева. В интервью «Живу на своей земле...» Галина Васильевна рассказала о самобытности и будущем коми литературы и ее значении для мировой культуры в целом, а также о значении журнала для культуры Республики Коми: *«И придут исследователи эпохи перемен,*

¹ Лимеров П. Журнал «Арт» (Лад) — 13 лет издательской деятельности: итоги и перспективы. URL: <https://rospisatel.ru/konferenzija/limerov.htm?ysclid=mc6j64iyng141894982> (дата обращения: 21.06.2025).

90-х, 2000-х годов в жизни нашей республики и обязательно напишут о феномене этих лет — о литературно-художественном журнале «Арт» (Лад), как о высочайшем примере бурной литературной и общественной жизни нашего края, как об одном из самых достоверных документов нашего времени»¹.

Учредителями (соучредителями) издания выступили администрация Главы Республики Коми, Министерство национальной политики Республики Коми, МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт». Тираж составляет 1200 экземпляров, периодичность 4 раза в год.

Традиционными рубриками журнала являются «Проза. Поэзия. Литературная критика», «Обзоры. Рецензии», «Точка зрения» (материалы о современной литературе), «Арт-факт» (статьи об искусстве), «Штудии» (исследования в области языка и культуры, фольклора, истории, этнографии), «Артпьян» (художественные произведения, написанные детьми), «bI» (литературный молодежный журнал)².

Большое количество публикаций принадлежит главному редактору П. Ф. Лимерову. Значительная их часть публикуется в разделе «Акценты», в котором анонсируется содержание номера. Как правило, темами публикаций П. Лимерова являются различные аспекты изучения коми и русского этноса, истории, фольклора, религии. Например, в статье «Шипича-Суханов: легендарное начало усть-сысольской истории»³ автор исследует историю появления столицы Республики Коми, опираясь не только на архивные документы, но и на местные предания, сосредотачивая свое внимание на легенде о первопоселенце Усть-Сысольска — Шыпиче. Автор проводит параллели между исследованиями В. П. Налимова «Зырянская легенда о паме Шипиче», К. Ф. Жакова «Под шум северного ветра» и новеллой М. Н. Лебедева «Атаман Суханов». В основе каждого произведения лежит один сюжет, связанный с персонажем Шыпича. Благодаря сравнению и изучению архивных записей П. Лимеров выдвигает предположение, что прототипом сказочного Шыпичи является купец Иван Суханов.

¹ Бутырева Г. «Живу на своей земле...»: интервью // Арт. 2014. № 3. С. 30.

² О журнале // Арт. URL: <https://www.artlad.ru/page/about> (дата обращения: 21.06.2025).

³ Лимеров П. Шипича-Суханов: легендарное начало усть-сысольской истории // Арт. 2018. № 2. С. 6–8.

В другой статье, «*Коми-русский варталай: о встрече языков в коми анекдотах*»¹, автор исследует взаимодействие русского и коми языков на материале народных анекдотов. Анализ взаимодействия русского и коми языков в народных анекдотах раскрывает процессы языкового и культурного контакта, подчеркивая важность медиа для сохранения и трансляции этнокультурных особенностей.

Помимо подобных исследовательских статей П. Лимеров публикует интервью, например «*И. Ильина: «Колдуньей я не стала...»*»², а также (под псевдонимом П. Артемьев) материалы других жанров, таких как портретный очерк («*Юность Ивана Куратова*») ³ и рассказ («*Жили-были...*») ⁴. Таким образом, творчество П. Лимерова в журнале «Арт» выступает примером интеграции научного и художественного дискурсов, способствующей укреплению региональной культурной самобытности и межъязыкового диалога.

Список авторов издания постоянно обновляется. Так, целью молодого писателя, блогера Генриха Немчинова, является расширение кругозора современной молодежи, ее знаний о коми культуре, традициях и быте. Автор пишет преимущественно в жанре литературной сказки на коми языке⁵. Его произведения начали публиковаться в новой рубрике журнала «Арт» — «Ы». Этот раздел дает возможность молодым авторам публиковаться, искать художественные формы и оттачивать мастерство.

Результаты исследования и их обсуждение. *Тематическое пространство* журнала «Арт» отличается широтой, что позволяет изданию играть роль литературной, культурологической, просветительской и общественной платформы для региона. На его страницах сочетаются материалы, посвященные истории, искусству, литературе, этнографии, фольклору, современным социальным и культурным процессам, а также вопросам сохранения и развития коми языка и традиций. Журнал объединяет разные поколения, предоставляя возможность для самовыражения как признанным, так и молодым авторам, что спо-

¹ Лимеров П. Коми-русский варталай: о встрече языков в коми анекдотах // Арт. 2019. № 1. С. 121–127.

² Лимеров П. И. Ильина: «Колдуньей я не стала...» // Арт. 2019. № 3. С. 126–129.

³ Артемьев П. Юность Ивана Куратова // Арт. 2018. № 3. С. 24–34.

⁴ Артемьев П. Жили-были... Рассказы // Арт. 2019. № 1. С. 62–70.

⁵ Немчинов Г. Вöвлöмторъяс // Арт. 2017. № 4. С. 178–179.

способствует преемственности культурных традиций и обновлению литературного процесса.

На страницах журнала активно освещается *тема искусства*. В качестве примера можно привести публикацию о графике XIX в., изображавшей Северный Урал и Припечорье¹. В другом номере журнала рассказывается о выставке пермского звериного стиля из коллекции Эрмитажа, где все артефакты найдены археологами на территории Республики Коми². Еще в одном номере журнала размещена статья об истории финно-угорского этнофутуризма от зарождения идеи до нынешнего состояния³.

Немаловажна тема *истории* Коми края, его традиций и обычаев, а также устного народного творчества. В этой связи можно выделить материал М. Рогачева «*Усть-Сысольские зарисовки: что писали о «столице Зырянского края» в XVIII–XIX вв.*», который позволяет познакомиться со многими фактами из жизни Усть-Сысольска⁴.

Очерки и интервью знакомят читательскую аудиторию с *жителями* республики, которые внесли свой вклад в развитие Коми края. Так, раздел номера, который посвящен 75-летию победы в Великой Отечественной войне, открывается материалом о воспоминаниях Евгении Генталь, пережившей блокаду и всю жизнь служившей зубным врачом в Печорской городской поликлинике⁵.

Журналы посвящены определенной теме («Усть-Вымь», «Ижма», «Удора», «Сыктывкар», «Экосфера культуры», «Интерпретация» и т. п.), что, как правило, подчеркивается в редакторской колонке. Например:

- в № 2 от 2017 г., посвященном экологии, первый раздел «Экология природы» открывает статья Е. Шубницыной о природных заповедниках Республики Коми: Печоро-Ильчском заповеднике и национальном парке «Югыд ва», включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО⁶.

¹ Шубницына Е. Образы Печорского Приуралья в изображениях XIX — начала XX в. // Арт. 2017. № 4. С. 144–151.

² Бандура С., Туркина Т. Люди. Звери. Боги // Арт. 2017. № 2. С. 147–155.

³ Крюгер А. Этнофутуризм: опираясь на прошлое, работать на будущее // Арт. 2017. № 3. С. 142–176.

⁴ Рогачев М. Усть-Сысольские зарисовки: что писали о «столице Зырянского края» в XVIII–XIX вв. // Арт. 2018. № 2. С. 73–80.

⁵ Генталь Е. Блокадница // Арт. 2020. № 1. С. 132–144.

⁶ Шубницына Е. Заповедный Урал — территория красоты // Арт. 2017. № 2. С. 4–8.

- № 3 от 2018 г. поднимает тему молодежи и предлагает читателям материалы, характеризующие современное поколение с его представлениями о мире, субкультурами, атрибутикой, песнями и т. д. В литературный раздел журнала вошли произведения таких молодых авторов, как В. Науменко, Н. Катрук, Т. Ярышкина, Е. Цуммер, А. Кортелев, М. Игонина, М. Лютых, О. Кориэлл, В. Сушков¹.

- Так как 2019 г. был объявлен годом театра, в № 4 опубликованы материалы, связанные с историей театра в регионе. Из этого номера мы можем узнать, например, что своей первой постановкой Усть-Сысольск обязан А. О. Ишимовой, будущей русской детской писательнице, дочери сосланного сюда петербуржца О. Ф. Ишимова².

- В № 1 2020 г. в честь 100-летия женского движения писатель и журналист Г. Спичак опубликовал статью об истории женского движения в республике³.

- № 2 за 2024 г. посвящен 90-летнему юбилею Союза писателей Республики Коми. Соответствующий раздел открывает приветственное слово председателя правления Союза писателей Республики Коми Андрея Попова о значении региональной литературы, о бережном отношении к словесности⁴.

Ряд тем являются для издания сквозными и освещаются с разной степенью регулярности с первых дней его существования. Среди них тема Стефана Пермского и коми письменности. Так, в первом номере, вышедшем в 1997 г., публикации таких известных ученых, как А. Н. Власов, А. И. Терюков, М. Б. Рогачев, В. И. Шаронов, Р. Бартенс, были посвящены стефановскому наследию. Художественное отображение эта тема впоследствии нашла в романе московской писательницы Л. Прошак «И посетителя посетила смерть»⁵.

Другими подобными ключевыми темами выступают биография и творчество таких знаменитых уроженцев Коми, внесших значительный вклад в ее культуру, как К. Ф. Жаков, П. А. Со-

¹ Родается блюз... Стихотворения // Арт. 2018. № 3. С. 73–88.

² Козлова Д. Театральная культура Коми в первой трети XX века // Арт. 2019. № 4. С. 10–26.

³ Спичак Г. Женское движение за 100 лет // Арт. 2020. № 1. С. 92–111.

⁴ Попов А. Союзу писателей Республики Коми — 90 лет! // Арт. 2024. № 2. С. 4–5.

⁵ Прошак Л. И посетителя посетила смерть. Исторический роман // Арт. 2022. № 2. С. 11–59; 2023. № 1. С. 38–94.

рокин, И. А. Куратов и др. В различных номерах публиковались неизвестные ранее тексты этих писателей и статьи, анализирующие их наследие. В частности, в журнале впервые был опубликован роман П. Сорокина «Предтеча» (публикация М. И. Ломоносовой)¹.

Анализируя **жанровый состав** публикаций исследуемого издания, следует отметить, что в нем представлены как научные и журналистские жанры, так и жанры художественной литературы.

Научная часть представлена жанрами *научной и научно-популярной статьи*, их авторами зачастую являются ведущие российские и зарубежные ученые, среди которых доктора наук. Можно отметить, например, публикации, касающиеся темы первобытного искусства Северного Приуралья,² традиционного уклада коми³, истории городов Коми края⁴ и др.

Поскольку задача «Арта» состоит не в оперативности подачи информации, а в ее цикличности, аналитические и художественно-публицистические **журналистские** жанры в количественном отношении доминируют над информационными. Стоит выделить жанр *интервью*, героями публикаций которых являются представители сферы искусства: музыки (сыктывкарский рэп-исполнитель Гио Пика⁵), театра (художник-постановщик Эрих Вильсон⁶), фотографии (С. Зиновьев⁷), а также известные писатели Республики Коми (Г. Юшков, А. Ванеев, В. Тимин и др.). Помимо этого, встречаются и интервью с деятелями науки, политики и религии (патриарх Кирилл). На стра-

¹ Сорокин П. А. Предтеча // Арт. 2014. № 3. С. 104–149; 2015. № 1. С. 25–85.

² Бандура С., Туркина Т. Люди. Звери. Боги // Арт. 2017. № 2. С. 147–155.

³ Савельева Э. Истоки народа коми // Арт. 2018. № 1. С. 122–128.

⁴ Жеребцов И., Колегов Б. Улицы Усть-Сысольска — Сыктывкара. Страницы истории «деревянного века» // Арт. 2018. № 2. С. 108–127.

⁵ Фетисов А. Гио Пика: «Субкультурная музыка — это в целом уличный посыл, и разделять ее не стоит» // Арт. 2018. № 3. С. 55–61.

⁶ Леготина Ю. Эрих Вильсон: «В творчестве без политики никуда» // Арт. 2019. № 4. С. 154–176.

⁷ Фетисов А. Зиновьев С. «Не стоит эта фотография спокойствия людей...» // Арт. 2018. № 2. С. 130–141.

ницах издания встречаются *рецензии*, например Н. Новиковой «...А зал чѳв оліс»¹ и А. Максова «Три дня тулыс-фестиваля»².

Довольно частым на страницах издания художественно-публицистическим жанром является *очерк*. В журнале преобладает портретный вид очерка. Как правило, он касается творчества деятелей искусства. Так, очерк искусствоведа Л. Ширшовой посвящен знаменитому русскому художнику Ефрему Зверькову, прошедшему войну и писавшему в послевоенные годы картины о Севере и Коми крае³. Л. Рощевская является автором очерка о режиссере и драматурге Евтихии Карпове, который в 1883–1884 гг. отбывал ссылку в Усть-Сысольске и поставил в местном театре пять спектаклей⁴. Героями очерков становились разные творческие личности, такие как рок-музыканты, писатели-переводчики, большое место занимают очерки о коми писателях. В одном из них автор проводит анализ юности первого коми поэта Ивана Куратова⁵.

Такой информационный жанр, как *репортаж*, также нашел свое место на страницах издания. Как правило, подобные материалы посвящены искусству, например «Живая музыка над Вычегдой»⁶.

Таким образом, в жанровой структуре журнала представлены научные и научно-популярные статьи, очерки, интервью, что позволяет всесторонне раскрывать персоналии и актуальные темы культурной жизни Республики Коми. Специфика журналистских жанров в «Арте» определяется типом издания: приоритет отдается не оперативной информации, а аналитическому и художественно-публицистическому осмыслению культурных, исторических и социальных процессов региона. Информационные жанры, такие как репортаж, также находят свое место на страницах журнала, однако их количество значительно уступает доле аналитических и публицистических материалов. Та-

¹ Новикова Н. ...А зал чѳв оліс // Арт. 2017. № 1. С. 184–189.

² Максов А. Три дня тулыс-фестиваля // Арт. 2017. № 3. С. 136–141.

³ Ширшова Л. Е. И. Зверьков — художник и воин // Арт. 2020. № 1. С. 157–176.

⁴ Рощевская Л. Евтихий Карпов — режиссер, драматург, пропагандист // Арт. 2019. № 4. С. 27–34.

⁵ Артемьев П. Юность Ивана Куратова // Арт. 2018. № 3. С. 24–34.

⁶ Камбалова Л. Живая музыка над Вычегдой // Арт. 2018. № 3. С. 67–70.

кое жанровое распределение способствует формированию медиапространства, ориентированного на сохранение и развитие региональной идентичности, а также на популяризацию культурного наследия через призму журналистского анализа.

Говоря о жанрах **художественной литературы**, стоит отметить, что на страницах журнала печатаются произведения таких известных современных писателей, как Е. Козлов, Г. Бутырева, О. Уляшев, Е. Козлова, А. Попов, Е. Афанасьева, А. Ельцова, Н. Мирошниченко, А. Суворов, А. Попов, Г. Спичак и др.

В журнале публикуются произведения поэтов республики на русском и коми языках, созданные в жанре *лирического стихотворения*. Это, например, стихи Л. Втюриной¹ и С. Попова² из посвященного Сыктывкару тематического номера, поднимающие тему родного для поэтов города. Л. Втюрина является одним из постоянных авторов журнала, и подборки ее стихотворений выходят начиная с 2002 г. В журнале печатались стихи многих коми и русских поэтов, как известных (Г. Юшков, А. Шебырев, Н. Мирошниченко, А. Расторгуев, А. Попов и др.), так и начинающих (А. Герасименко, Д. Попов и др.). Находил свое место и такой поэтический жанр, как *поэма*. Так, в произведении Е. Афанасьевой ключевой метафорой выступает традиционный мифологический образ птицы как символа времени³.

Значительное место на страницах исследуемого издания занимают *рассказы*. В них авторы повествуют о бытовых ситуациях, делая героями произведений простых сельских и городских жителей. В качестве примера можно привести произведения «Главный вопрос», «Хулиган», «Рождество», «Верность» из сборника «Рождество» С. Рулева,⁴ «Болтыш и жаба», «Конверт без обратного адреса» из сборника Ф. Ошевнева⁵.

Тексты в жанре *литературной сказки*, преимущественно малого объема, обычно имеют определенный морально-этический вывод. К ним можно отнести сказки А. Шомысовой⁶,

¹ Втюрина Л. Тэ меным муса, Сыктывкар... // Арт. 2018. № 2. С. 92.

² Попов С. Миян Сыктывкар // Арт. 2018. № 2. С. 92.

³ Афанасьева Е. Лэбач. Ичот поэма // Арт. 2018. № 4. С. 6–10.

⁴ Рулев С. Рождество. Рассказы // Арт. 2017. № 2. С. 39–70.

⁵ Ошевнев Ф. Болтыш и Жаба. Рассказы // Арт. 2018. № 1. С. 4–26.

⁶ Шомысова А. Сюмодпöльяс. Мойд // Арт. 2017. № 1. С. 178.

Е. Чугаевой¹, А. Луппина², В. Игушевой³ и др. В разные годы в «Арте» выходили произведения более крупной формы, например *повести* Г. Спичака «Цитала. Резонансы»⁴, Ф. Конева «Ивия»⁵ и «Отчий берег»⁶, И. Бобракова «Театральная повесть»⁷, Е. Габовой «Ворона»⁸, Т. Плосковой «Я сама»⁹ и др. В одном из номеров размещен отрывок крупного автобиографического *романа* философа, литературоведа и писателя коми-зырянского происхождения К. Жакова «Сквозь строй жизни». Роман построен в форме его воспоминаний, которые воспроизводят жизненный путь автора, начиная с раннего детства и заканчивая зрелым возрастом¹⁰. Небольшой фрагмент из этого романа был опубликован в связи с включением его в контекст тематического блока «Украина и Коми».

На страницах журнала представлены произведения в жанре эссе, где авторы не только анализируют литературу, но и выражают личную философию и мироощущение. Например, поэт Сергей Носов, доктор филологических наук и кандидат исторических наук, многолетний сотрудник Пушкинского Дома Российской академии наук в эссе «Поэзия и магия» подчеркивает: «Для того, чтобы поэтическое таинство подействовало, нужна вовлеченность в магию поэтического слова, способность и желание «читать» отраженные в этом слове магические символы и таинственные знаки мира, его созвучий и диссонансов, его скрытых соответствий и его изломов, которым глубоко сопричастны жизнь и сознание человека»¹¹.

¹ Чугаева Е. Войвыв дзоридз. Мойд // Арт. 2017. № 2. С. 138–142.

² Луппина А. Дедко // Арт. 2017. № 4. С. 180–189.

³ Игушева В. Куим почлӧн быдтанторъяс. Висьт-мойд // Арт. 2019. № 1. С. 171–173.

⁴ Спичак Г. Цитала. Резонансы: Фантастическая повесть // Арт. 2017. № 1. С. 22–79.

⁵ Конев Ф. Ивия. Повесть // Арт. 2018. № 4. С. 11–44.

⁶ Конев Ф. Отчий берег. Повесть // Арт. 2024. № 1. С. 14–42.

⁷ Бобраков И. Театральная повесть // Арт. 2019. № 4. С. 58–123.

⁸ Габова Е. Ворона. Повесть // Арт. 2020. № 1. С. 13–54.

⁹ Плоскова Т. Я сама. Повесть // Арт. 2024. № 2. С. 79–99.

¹⁰ Жаков К. Киев (отрывок из романа «Сквозь строй жизни») // Арт. 2018. № 1. С. 35–42.

¹¹ Носов С. Поэзия и магия. Эссе // Арт. 2018. № 4. С. 53–59.

Такое понимание поэзии раскрывает авторское видение искусства как особого способа соприкосновения с глубинной структурой мира и человеческой души. Произведение С. Носова служит примером того, как современное эссе продолжает традиции философского осмысления литературы, сочетая строгий научный подход с поэтической интуицией.

Реже встречаются *пьесы*, например драма Н. Фролова¹, в которой автор объединяет историческую реальность и фольклор.

Итак, жанры художественной литературы в журнале «Арт» отличаются значительным разнообразием и отражают специфику литературного процесса в регионе. Особое место в структуре издания занимает лирика, которая позволяет авторам выразить переживания, связанные с родным краем, природой, историей и культурой Коми. Рассказы и повести часто обращаются к бытовым и социальным темам, изображая жизнь простых жителей, что способствует формированию аутентичного образа действительности. Жанр литературной сказки, представленный преимущественно молодыми авторами, выполняет важную функцию сохранения и трансляции морально-этических ценностей, а также способствует развитию национальной словесности. Пьесы и поэмы, хоть и встречаются реже, вносят вклад в жанровое многообразие и расширяют художественные горизонты издания. Эссеистические тексты позволяют авторам рефлексировать над феноменами культуры и искусства. Таким образом, художественная составляющая журнала «Арт» демонстрирует богатство литературных форм, способствует поддержанию преемственности традиций и стимулирует развитие современной коми литературы. Внимание к локальным сюжетам, этнокультурным особенностям и межъязыковому диалогу делает «Арт» уникальным медиатором региональной идентичности.

Заключение. Журнал «Арт» занимает важное место в медиакультурном пространстве Республики Коми, выступая как значимое литературно-художественное, культурологическое и просветительское издание. Тематику и жанровое своеобразие исследуемого СМИ во многом определяет региональный аспект. Тематическое разнообразие литературно-публицистического издания зависит и от задачи определенного номера. На его страницах сочетаются материалы по истории, этнографии, фолькло-

¹ Фролов Н. Пемыд пармаын. Драма // Арт. 2018. № 2. С. 18–63.

ру, искусству, литературе, а также биографии известных жителей Республики Коми. Особое внимание уделяется популяризации культурного наследия региона, а также сохранению и развитию коми языка и традиций. «Арту» свойственно сочетание научных, журналистских и художественных жанров, что обеспечивает глубокое осмысление культурных процессов и формирует интеллектуальное медиапространство.

Таким образом, журнал «Арт» не только отражает текущую культурную ситуацию, но и служит площадкой для диалога поколений и этносов, а также способствует интеграции научного, художественного и публицистического начал в едином медиапространстве.

Список источников

1. Акопов А. И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. 96 с.
2. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2014. 350 с.
3. Типология периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009. 236 с.
4. Головин Ю. А. Российские литературно-художественные журналы в системе культурной политики: содействие, компромисс, противостояние : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2010. 47 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004931999.pdf (дата обращения: 26.06.2025).
5. Дедкова Т. Ф. Культурологические журналы // Типология периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 93–103.
6. Смирнов В. Б. Поэтика русского литературно-художественного журнала как проблема комплексного изучения // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы II Междунар. науч. конф. Волгоград, 2007. С. 385.
7. Шильникова О. Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX веков // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 65–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskij-algoritm-tolstogo-zhurnala-v-rossii-xix-xx-vekov> (дата обращения: 27.06.2025).
8. Прохоров Г. С. Феномен художественно-публицистического текста в журналистике («Наша общественная жизнь» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (102).

C. 18–25. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21160/1/iurg-2012-102-02.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

References

1. Akopov A. I. *Metodika tipologicheskogo issledovaniya periodicheskikh izdaniy (na primere special'nykh zhurnalov)* [The methodology of typological research of periodicals (using the example of special journals)]. Irkutsk: Irkutsk University Press, 1985. 96 p. (In Russ.)
2. Tertychnyj A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie* [Genres of periodical press : textbook]. Moscow: Aspect Press, 2014. 350 p. (In Russ.)
3. *Tipologiya periodicheskoy pechati : ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Typology of periodical press : textbook for university students]. Moscow: Aspect Press, 2009. 236 p. (In Russ.)
4. Golovin Yu. A. *Rossijskie literaturno-hudozhestvennye zhurnaly v sisteme kul'turnoj politiki : sodejstvie, kompromiss, protivostoyanie : avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii* [Russian literary and art journals in the system of cultural policy: assistance, compromise, confrontation : the abstract. diss. ... Dr. of Cultural Studies]. Moscow, 2010. 47 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004931999.pdf (accessed: 26.06.2025). (In Russ.)
5. Dedkova T. F. Cultural journals. *Tipologiya periodicheskoy pechati* [Typology of periodicals]. Edited by M. V. Shkondin, L. L. Resnyanskaya. Moscow: Aspect Press, 2009. Pp. 93–103 (In Russ.)
6. Smirnov V. B. Poetics of the Russian literary and artistic journal as a problem of comprehensive study. *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integracionnykh processov : materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes : Proceedings of the 2nd International Scientific Conference]. Volgograd, 2007. Pp. 385. (In Russ.)
7. Shil'nikova O. G. The typological algorithm of the «Tolstoy» journal in Russia of the XIX–XX centuries. *Vestnik VolGU. Seriya 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Volga. Series 8. Literary Criticism. Journalism]. 2008. No 7. Pp. 65–77. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskij-algoritm-tolstogo-zhurnala-v-rossii-xix-xx-vekov> (accessed: 27.06.2025). (In Russ.)
8. Prohorov G. S. The phenomenon of artistic and journalistic text in journalism («Our Social Life» by M. E. Saltykov-Shchedrin and «Diary of a Writer» by F. M. Dostoevsky). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities]. 2012. No 2 (102). Pp. 18–25. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21160/1/iurg-2012-102-02.pdf> (accessed: 26.06.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах

Бешкарев Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55)

Пыстина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55)

Information about the authors

Alexey A. Beshkarev, Candidate of Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Olga V. Pystina, Candidate of Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 11.11.2025

Научная статья / Article

УДК 792.97(55)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-26>

**Аллегория тени в пещере Платона
и «фонарь воображения» в рубаи Омара Хайяма**

Хамидреза Горбани

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,

Санкт-Петербург, Россия

hampuppets@gmail.com

Аннотация. *Феномен образа тени вызывает интерес во многих культурах с древних времен. На протяжении истории тень наделялась различными значениями, ее семантика обогащалась противоположными смыслами, получая выражение через специфические образы, аналогии и метафоры. Например, в указанном вопросе обращают на себя внимание знаковые аспекты тени и практики работы с ней в иранском традиционном театре. Порой семантика тени заключала в себе значи-*

мые мировоззренческие идеи, которые получали воплощение в философии, мифологии, религии, искусстве. В ряде работ, посвященных знаковой стороне тени, выделяются две концепции, созданные в рамках философии и поэзии. Первую из них представляет трактовка тени в «Государстве» Платона. Вторую — образ «фонаря воображения» в рубаи Омара Хайяма, использовавшего в качестве метафоры описание технического театрального средства, самые поздние упоминания которого относятся к периоду двухсотлетней давности.

В статье осуществляется описание и сравнительный анализ указанных концепций. Цель исследования состоит в выявлении особенностей восприятия феномена тени как символа взаимодействия иллюзии и реальности, а также в сопоставлении философской и поэтической традиции. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный подход, включающий элементы сравнительного анализа, культурологической интерпретации и герменевтического метода. Научная новизна заключается в постановке проблемы символики тени и «фонаря воображения» в едином исследовательском ракурсе. Полученные результаты позволяют уточнить значение данных образов для понимания противоречивой природы человеческой личности. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов статьи в курсах по философии, культурологии и истории литературы.

Ключевые слова: тень, аллегория пещеры, Платон, рубаи, «фонарь воображения», Омар Хайям

Для цитирования: Горбани Х. Аллегория тени в пещере Платона и «фонарь воображения» в рубаи Омара Хайяма // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 26–46. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-26>

Allegory of the Shadow in Plato's Cave and the «Lantern of Imagination» in the Rubai of Omar Khayyam

Hamidreza Ghorbani

Saint Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia
hampuppets@gmail.com

Abstract. *The phenomenon of the shadow has attracted the attention of many cultures since ancient times. Throughout history, the shadow has been endowed with diverse and often contradictory meanings, expressed through specific images, analogies, and metaphors. One of the remarkable aspects of this phenomenon can be observed in the symbolic role of the shadow and its*

*practical application in traditional Iranian theater. In many cases, the semantics of the shadow embodied significant worldview concepts that found expression in philosophy, mythology, religion, and art. Among the numerous works devoted to the symbolic dimension of the shadow, two concepts stand out, formed within the frameworks of philosophy and poetry. The first is represented by Plato's interpretation of the shadow in *The Republic*. The second is the image of the "lantern of imagination" in the rubaiyat of Omar Khayyam, who employed this metaphor to describe a theatrical technical device, the last known mentions of which date back about two centuries.*

The article presents a description and comparative analysis of these two concepts. The aim of the research is to identify the features of perceiving the phenomenon of the shadow as a symbol of the interaction between illusion and reality, as well as to compare the philosophical and poetic traditions. The methodological basis of the work is an interdisciplinary approach that combines elements of comparative analysis, cultural interpretation, and the hermeneutical method. The scientific novelty lies in formulating the problem of the symbolism of the shadow and the "lantern of imagination" within a single research perspective. The obtained results make it possible to clarify the significance of these images for understanding the contradictory nature of human personality. The practical relevance of the study is manifested in the possibility of using its materials in courses on philosophy, cultural studies, and the history of literature.

Keywords: shadow, allegory of the cave, Plato, rubai, «lantern of imagination», Omar Khayyam

For citation: Ghorbani H. Allegory of the Shadow in Plato's Cave and the «Lantern of Imagination» in the Rubai of Omar Khayyam. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 26–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-26>

Введение. В современных гуманитарных науках до сих пор не до конца изучено, какое значение имеет «тень» в культуре и как она воспринимается в двух разных контекстах — мифологическом и философском. В мифах и обрядах тень чаще всего выступает посредником между священным и демоническим, а также символом цикла жизни и смерти. В традиционных представлениях, таких как театр теней или «фанус-е-хяль», эта символика также проявляется. В философии же тень становится скорее метафорой познания, показывающей границу между «иллюзией» и «истиной».

Цель данного исследования двоякая: во-первых, показать различия между мифологически-обрядовым и философско-познавательным пониманием тени; во-вторых, рассмотреть эти различия на примере двух ключевых образов — аллегории пещеры Платона и «фонаря воображения» в рубаи Омара Хайяма.

Актуальность темы заключается в том, что современные философские, и психологические, и культурологические исследования продолжают рассматривать тень как символ, соединяющий мир реальности и мир иллюзий. Сопоставление идей Платона и Хайяма помогает лучше понять, почему образ тени остаётся важным для осмысления человека и его места в мире.

Методы исследования, теоретическая база. Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном подходе, что позволяет рассматривать феномен тени одновременно в философском и культурологическом измерении. Основным методом является сравнительный анализ, направленный на сопоставление трактовки тени в «Государстве» Платона и образа «фонаря воображения» в рубаи Омара Хайяма. Данный метод позволяет выявить сходства и различия в понимании символа тени в рамках западной философской традиции и восточной поэтической культуры.

Культурологическая интерпретация используется для анализа возникновения и функционирования образа тени в иранском традиционном театре и в практике «фанус-е-хэаль». Этот метод помогает раскрыть контекст, историко-культурные корни образа и показать его связь с художественными и религиозными представлениями. Герменевтический анализ применяется к текстам — платоновской аллегории пещеры и рубаи Хайяма. Такой подход позволяет глубже понять смысловые уровни используемых метафор и выявить, каким образом они отражают философские идеи о соотношении иллюзии и реальности.

Корпус источников исследования включает философские тексты (Платон), поэтическое наследие (Омар Хайям). Выбор методов и источников обусловлен необходимостью комплексного рассмотрения темы, соединяющей ее философский и культурологический, в частности историко-контекстуальный, уровни.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ платоновской аллегории пещеры показывает, что тени трактуют-

ся как образы явлений, производные от мира идей. Для Платона они являются не самостоятельной реальностью, а лишь искажённым отражением подлинного бытия. Познание истины мыслится как путь движения «от тени к сущему», то есть от иллюзорных представлений к миру идей и абсолютного знания. Таким образом, оптика аллегории пещеры строится на противопоставлении иллюзии и истины, где тень символизирует заблуждение, а свет — истину. В рубаи Омара Хайяма образ «фонаря воображения» функционирует как метафора проекционного устройства, где мир уподобляется экрану или фонарю, а человек — теням или картинкам, возникающим благодаря источнику света. В отличие от платоновской модели, здесь делается акцент не на преодолении иллюзии, а на принятии неопределённости человеческого существования. Мир изображается как игра образов, в которой человек вынужден жить, осознавая её временность и условность. Сопоставление этих концепций позволяет выделить их общую медиальную функцию: дихотомия «свет / тень» выступает в качестве модели познания. Однако установка авторов различна: для Платона важно преодоление иллюзии и выход к истине, тогда как для Хайяма значимым становится проживание самой иллюзии и её философское осмысление. Эти различия можно объяснить культурно-историческим контекстом. В греческой философии тень воплощает эпистемологическую проблему соотношения видимости и знания, а в иранской поэтической традиции — часть образного мира, связанного с театром теней (*хейял-бази*) и феноменом «фанус-е-хяэль». Сходные технические и художественные решения впоследствии нашли отражение и в Европе в форме «волшебного фонаря», что указывает на общую символическую ценность теневых образов в различных культурах.

Феномен тени вызывал интерес во многих культурах с древних времен. Этот образ чрезвычайно устойчив и имеет архетипический характер. В ходе истории тень стала трактоваться не как простое физическое явление, а как символ, отражающий внутренние конфликты и аспекты человеческой сущности, обретая как позитивные, так и негативные коннотации. Тень, олицетворяя скрытость и защиту от внешнего воздействия, часто ассоциировалась с духовным и представлялась местом огромной энергии и божественной силы. В некоторых тра-

дициях тень считалась священным местом, которое являлось домом богов и духов. С другой стороны, тень рассматривалась как символ темного и сокрытого (в его негативной интерпретации) в человеке, которое он не хочет замечать или понимать. В мифах и легендах она нередко символизирует зло и враждебность: персонажи, связанные с тенью, часто играют роль злодеев и демонов. В некоторых народных преданиях тень связывается с обликом дьявола, искусностью лжи и трагедией. В таком ракурсе тень ассоциировалась со страхом, агрессией, жадностью. Кроме того, во многих культурах тень стала символом цикличности жизни и смерти, вечного баланса света и тьмы. Тень выступала, с одной стороны, как напоминание о непостоянстве всего живого и о важности принятия светлой стороны, а с другой — ассоциировалась с тайнами и неопределенностью, сокрытием информации от посторонних глаз, стала символом неизвестного и т. д.

С древних времен тень использовалась в различных традициях как мощный символ дихотомии света и тьмы, добра и зла. В философии и мифологии она представляет собой метафору взаимодействия иллюзии и реальности, позволяя глубже осмыслить вопросы истины, знания и морали. Тень символизирует целостность двух миров — мира иллюзии и мира реальности. В этом смысле тень становится универсальным знаком, помогающим человеку проникнуть в глубины своего бытия и мышления.

Во многих верованиях тень воспринимается как священная и мистическая сфера, связанная с миром духов. В восточной философии она символизирует неведение и иллюзию, преодоление которой ведет к просветлению. В христианской культуре тень может ассоциироваться с грехом и злом, от которых необходимо избавиться для спасения души. В мистицизме тень исследуется как символ подсознания, скрытых аспектов личности и отрицательных эмоций (страха, ревности, злости). Она рассматривается как ключ к духовному прогрессу и трансформации.

Тень стала мощным инструментом передачи эмоций и состояний, и особенно ярко это проявляется в художественной культуре: она может символизировать страх, предчувствие, упадок, социальную изоляцию или внутренние конфликты. Тень стала средством создания напряженности, предвкушения и дра-

матической глубины сюжета, а игра света и тени помогает создавать объем, атмосферу и смысловые проекции.

Тень получила метафоричные отражения и в научном знании, например, в аналитической психологии тень символизирует скрытые аспекты личности. В работах К. Г. Юнга тень — это бессознательные стороны личности, которые человек либо подавляет, либо не осознает, но которые оказывают влияние на его поведение. В таком ракурсе тень может рождать чувство обездоленности, неприятия и внутреннего конфликта.

На протяжении истории интерпретации тени дополнялись и преобразовывались, образуя сложное семантическое пространство. Приведем краткий семантический обзор, как в ходе истории обогатились коннотации рассматриваемого феномена.

В Древнем Египте тень была соотносима с «ка» — частью души человека, существующей даже после его смерти, частью, которая имела возможность общения с богами. Подобные представления можно найти и в древнекитайской философии, где тень символизировала женское начало Инь, а также была связана с загробным миром и предсказанием будущего. В Японии тень играла важную роль, например в архитектуре и традиционном восприятии пространства, о чем писал Танидзаки Дзюньитиро, подчеркивая гармонию света и тени.

В иранской культуре тень часто воспринималась как метафора духовных уровней существования: например, в зороастризме она символизировала борьбу света и тьмы, добра и зла. Современный исследователь Дариуш Рахими́нья в своем эссе о концепции тени в древнеиранской мифологии отмечает, что в Древнем Иране существовала особая взаимосвязь между концепцией тени и двойной природой добра и зла, а также представлением о божественных существах [1, р. 59–60]. В зороастризме эта двойственность проявляется в борьбе между Ахурамаздой и Ахриманом (дьяволом), что является своего рода символом вечной борьбы между светом и тьмой. Тем не менее в традиции зороастризма тень более ассоциируется со злом, темными и злыми силами, противостоящими божественному свету, олицетворением которого является Ахурамазда. В древнеиранской культуре двойственность света и тьмы нашла отражение во многих обычаях, религиозных практиках, в искусстве и других сферах, сформировав достаточно сложную семантическую структуру.

Дальнейшее усложнение семантики тени связано с приходом в Иран ислама. Мулла Садра использовал концепцию тени для объяснения природы бытия, а Шамс Магриби сравнивал человека с тенью Бога. Таким образом, тень оказалась сложным культурным и философским символом, объединяющим религию, искусство и науку. В целом в исламской культуре тень олицетворяла тленность материального мира, а потому изображения предметов, отбрасывающих тень, считались нежелательными. В исследовании истоков театра теней в исламском мире, особенно в Иране, приводятся многочисленные свидетельства, указывающие на существование и развитие этой формы представления в различных культурных контекстах. Бахрам Бейзай в своём фундаментальном труде «Театр в Иране», изданном на персидском языке, ссылается на ряд работ. В частности, на труд турецкого исследователя Сабри Эсат Сиявушгила (Sabri Esat Siavuşgil), предоставляющего ценные сведения о традиции театра теней в мусульманском мире. Так, Сиявушгил в своём труде о кукольной драме «Карагёз» указывает, что ещё до появления трактата «Тайф аль-хейаль» персидского поэта и драматурга Ибн Данияля аль-Мосули, написанного во времена султана Бейбарса (1260–1277 гг.), упоминания о театре теней встречаются у ряда раннеисламских авторов. В арабской и персидской литературе использовались термины «зиль аль-хейаль», «хейаль аз-зиль» и «хейаль ас-ситара», указывающие на театральные формы с использованием теней. Среди таких авторов упоминаются Ибн Хазм, Ала ад-Дин Аззули, Мухйи ад-Дин Ибн Араби и Ибн Фарид. Особое внимание, согласно Сиявушгилу, заслуживает рассказ Аззули «Муталья аль-будур», в котором описывается случай участия султана Салах ад-Дина Айюби в представлении театра теней. Несмотря на то что религиозный судья, присутствовавший при этом, хотел покинуть мероприятие из-за своей строгости, он остался до конца из уважения к султану, а затем высоко оценил увиденное [См.: 2, р. 87–88].

Кроме того, имеются свидетельства о существовании театра теней у тюркских народов Средней Азии, где эта форма представления была известна под названиями «курчак» или «кавурак». Позднее эти термины трансформировались в форму «кил курчак» на одном из среднеазиатских тюркских диалектов и стали обозначать разновидность кукольного театра. В бо-

лее позднее время, как отмечают Бейзаи, а также исследователь А. Н. Самойлович в своей работе о народных ремёслах Туркестана, театр теней продолжал существовать в регионе под названием «палатка фантазий» («чадор хейаль») [2; 4].

Бейзаи подчёркивает, что регион Туркестана в разные исторические периоды входил в культурное пространство Ирана, и до сих пор в некоторых районах, особенно вблизи Хорасана, местное население говорит на смешанном диалекте, сочетающем персидские и тюркские элементы. Этот лингвистический и культурный синтез служит подтверждением глубоких исторических связей, способствовавших трансформации и локализации театральных форм в ирано-исламской традиции (см. [2, p. 87–88]).

В отличие от Востока, где рождались в том числе и позитивные коннотации тени, на Западе тень в основном ассоциировалась с чем-то нежелательным и даже зловещим. В Древней Греции она символизировала подземный мир, в Риме — неотделимую часть души, способную к путешествиям. Средневековая европейская культура воспринимала тень как метафору тьмы, тайных знаний и потустороннего мира, что затем нашло отражение в аналитической психологии, где тень стала символом взаимодействия сознания и бессознательного. В эпоху Просвещения образ тени дополнился научным взглядом. Физика рассматривает тень как пространственное оптическое явление, связанное с агрегатным состоянием вещества и принципами оптики. В психологии восприятия цвета и в физиологии зрения тень также играет важную роль. В аналитической психологии ее называют «переводчиком между мирами сознательного и бессознательного».

Таким образом, феномен тени, проявляясь в семантическом пространстве древних культур, устойчиво сохранялся и усложнялся на протяжении истории, оставаясь важным инструментом осмысления реальности и в наши дни.

В ряду знаковых работ, посвященных семантике тени, обращают на себя внимание две концепции, созданные в разных культурах и сферах — в греческой философии и иранской поэзии. Первую из них представляет трактовка тени в «Государстве» Платона, вторую — образ «фонаря воображения» в рубаи Омара Хайяма. Данные концепции объединяет язык мета-

фор, который строится на оптических свойствах тени как некой проекции, отражающей реальность. Омар Хайям при этом использует в качестве метафоры техническое театральное средство — «фонарь воображения», самые поздние упоминания которого относятся к периоду двухсотлетней давности. Соответственно, характеристику указанных концепций уместно начать с рассмотрения древних и средневековых практик и устройств, которые создавали специальные эффекты, посредством тени и проекции. В Европе такое устройство известно как «волшебный фонарь», в Иране — как «фанус-е-хэаль».

Театр теней нашел проявление в Китае, Индии, Индонезии, Турции и других культурах, обретая уникальные формы. В Иране театр теней появился и стал распространяться еще в X веке под влиянием индийских традиций и распространился на Ирак и Египет. Среди разновидностей иранского театра теней выделяются *хэаль-бази* (игра воображения), *хейме сайе гярдан* (ширма играющих теней) и *фанус-е-хэаль*. Одним из наиболее известных направлений был *хэаль-бази*, в котором игра кукол отражалась на экране. Этот вид театра также упоминается в «Хамсэ» Низами (XII в.) и в стихах поэмы Асади Туси «Гершасп-намэ» (XI в.):

«Он подобен искуснику, придумавшему забавы,

Который умеет на занавеси показывать видения» [3, с. 16].

Образы театра теней (или «силуэтного театра») относились к типу плоских изображений, «каждый персонаж вырезан отдельно и в виде самостоятельной куклы движется в сценическом пространстве независимо от других» [4, с. 94]. Представления проходили в темное время суток: за экраном находился кукловод и источник света (лампа или костер), а зрители видели на занавесе только тени персонажей. По мнению Г. К. Крыжицкого, персидский *хэаль-бази* технически близок турецкому силуэтному театру с главным героем Карагёзом: «куклы приводятся в движение при помощи большой палки, воткнутой в дыру, сделанную в животе <куклы>. Представления проходят под аккомпанемент оркестра из трех инструментов, главную роль в котором играет двойной кожаный барабан. О переменах места действия объявляет директор» [5, с. 56].

Согласно сведениям Бахрама Бейзаи, в работе Маджида Резвани «Le Théâtre et la Danse en Iran» (Париж, 1962) на основе полевых наблюдений и историко-культурного анализа, приводят-

ся ценные сведения о традиционной форме театра теней в Иране, известной как «Бази-е хиял» («игра фантазии»). По словам Резвани, «игра фантазии» представляла собой тип театра теней, исполнявшийся преимущественно в палатках (чаще всего у кочевников и бродячих артистов). Куклы вырезались из кожи (чаще всего верблюжьей) или других плотных полупрозрачных материалов. В центре палатки разводили огонь, и тени кукол проецировались на внутренние стены — таким образом, сами стены становились экраном для теневого спектакля. Эта форма народного театра сохранялась в Иране вплоть до середины XX века и была особенно распространена среди кочевых племён (см. [2, p. 103–104]).

Другим вариантом театра теней являлся так называемый «шатёр теней» («хайма-йе сахье гардан»), использовавшийся как в закрытых помещениях, так и на открытом воздухе. В закрытом пространстве белую простыню или занавес крепили на три стены, а за ней размещали источник света. Кукловод находился позади занавеса и с помощью деревянных палочек приводил в движение кукол, создавая выразительные тени. В случае уличных представлений белая ткань натягивалась перед входом в палатку, а лампа или свеча устанавливалась позади. Перед палаткой обычно размещались два или три музыканта, которые с песнями и речитативом сопровождали развитие сюжета. Куклы имели примерную длину одной ладони и изготавливались из отполированной, прозрачной и окрашенной верблюжьей кожи. В верхней части каждой куклы делалось отверстие для крепления к тонкой палочке, позволявшей легко двигать ее головой. Если нужно было задействовать руки и ноги, добавлялись дополнительные отверстия и палочки. Благодаря освещению сверху зритель не видел ни кукловода, ни механизмы управления, что усиливало иллюзию живой тени [2].

Бейзаи отмечает, что в настоящее время данная форма театра практически исчезла и может быть обнаружена лишь в удалённых уголках Ирана. Это свидетельствует о вытеснении традиционных форм народного театра под влиянием модернизации и урбанизации в иранском обществе.

В истории изобразительных и театральных искусств Ирана встречаются редкие, но значимые упоминания о необычных устройствах, которые можно рассматривать как предвестники

технологий движущегося изображения, — таких как волшебный фонарь, проекционные устройства и даже прообразы киноаппаратов. Одним из самых загадочных примеров считается инструмент под названием «шише-е сй у до пеше» («стекло тридцати двух ремесел»), о котором в народной памяти сохранились лишь фрагментарные и легендарные сведения, а материальные или документальные образцы полностью утрачены.

Согласно единственному литературному источнику, упомянутому Бейзаи [2], этот аппарат был продемонстрирован в 869 году хиджры (1464 г. н. э.) при дворе султана Саида Гурагани в Дар аль-Мульк Хорасане, где присутствовали учёные и инженеры. Как сообщается, устройство под названием «стекло тридцати двух» представил Ходжа Али Ардагар Исфакхани. Посредством этого устройства он показал тридцать две фигуры ремесленников, занятых в своих мастерских. Описание утверждает, что эти фигуры были не только изображены, но и приведены в движение — так, например, портной, плотник, кузнец и другие мастера были показаны в процессе работы. Движения этих фигур были воссозданы с такой точностью, что их динамика передавалась через «чертёж пера» и казалась живой, как «в зеркале воображения, где не могло быть ничего прекраснее». Несмотря на художественную силу описания, ни физическое устройство, ни точный механизм действия этого инструмента не сохранились. Также остаётся неясным, каким образом достигался эффект движения — через вращающиеся изображения, тени, механические рычаги или оптические иллюзии. Возможно, устройство сочетало элементы рисунка, света и механики, что делает его отдалённым аналогом волшебного фонаря или даже театральных машин эпохи барокко.

Интересно отметить, что в народной традиции изобретение этого аппарата приписывается мастеру по имени Остад Мохаммад, тогда как в упомянутом литературном источнике авторство приписано Ходже Али Ардагару Исфакхани. Это расхождение может быть объяснено трансформацией устной традиции или народной мифологизацией.

Таким образом, «Шише-е сй у до пеше» можно считать одним из малоизученных и почти забытых явлений в истории визуальных и сценических искусств Ирана, которое требует даль-

нейшего исследования и сравнительного анализа с аналогичными явлениями в других культурах (см. [2, p. 114–115]).

Театр теней в исламском мире приобрел не только художественное, но и философское значение. Он отражал религиозные воззрения, идею эфемерности материального мира и важность духовного просветления. Эти представления сформировали основу для дальнейшего развития театра теней, включая такие формы, как *фанус-е-хэяль*, которые впоследствии повлияли на европейские проекционные технологии и театральные практики.

Самостоятельным видом театра теней и одним из самых древних считается «фанус-е-хэяль», упоминания о котором встречаются начиная с XI–XII вв. Одноименное «фонарю воображения» техническое устройство представляло собой нечто вроде панорамы, «внутри которого вокруг светильника укреплялись на карусели вырезанные из бумаги фигуры. Карусель приводилась в движение силой нагретого воздуха, и движущиеся фигуры отражались на стекле фонаря» [6, с. 55].

Сегодня, к сожалению, традиционный «фанус-е-хэяль» не встречается. Автором одной из самых содержательных статей о данном феномене, опубликованной в 1964 г., является Яхья Зока. Исследователь описывает позднюю форму «фанус-е-хэяль», которую он видел в детстве, на празднике Чахаршанбе-Сури в Тегризе около 1930 года. По воспоминаниям Зока, этот фонарь представлял собой кусочек спирального картона, который был слегка открыт, а в центре его круга находилась игла, на которой вверху на проволоке была прикреплена лампа. Когда лампа горела и воздух проходил через край спирали, картон двигался и вращался [7, с. 18]. Это весьма ценное свидетельство, потому что в Тегеране в 1925–1928 гг. Р. А. Галунов, целенаправленно собиравший сведения о традиционных видах иранского театра кукол, не смог увидеть «фанус-е-хэяль», из чего сделал вывод, что таких фонарей в Иране уже не осталось [6, с. 55].

«Фанус-е-хэяль», будучи широко известным до конца XVIII в., нашел отражение в стихах и сочинениях иранских поэтов, включая объяснения и описания того, как он устроен. Из этих стихов и сочинений нам также раскрывается структура и принцип действия фонаря воображения.

Яхья Зока, раскрывая значение «фанус-е-хэяль», опирается на разные словари. Так, в словаре «Борхан-и гаты» (составлен в

1684 г.) есть определение «Фанус-е-гардан» («вращающийся фонарь»), который отождествляется с «Фанус-е-хэяль». Оно звучит следующим образом: «Это фонарь, в котором они рисуют, и эти рисунки ходят вокруг с дымом лампы». В словаре «Борхан Джамэ» (составленном в 1828 г.) написано: «Известно, что это фонарь воображения и фонарь вращения, фонарь, в котором образы циркулируют с воздухом огня лампы». Но самое точное описание «Фанус-е-хэяль» дано в словаре «Гиас аль-Логат» (составленном в 1663 г.): «„Фанус-е-хэяль“ и „Фанус-е-Гардан“ — это фонарь, внутри которого вокруг свечи или вокруг лампы на круглом предмете прикрепляют изображения из обрезков бумаги и вращают его» [7, с. 17].

«Фанус-е-хэяль» — это нечто вроде панорамы, «внутри которой вокруг светильника укреплялись на карусели вырезанные из бумаги фигуры. Карусель приводилась в движение силой нагретого воздуха, и движущиеся фигуры отражались на стекле фонаря» [6, с. 55].

В XIV–XV вв. «фонарь воображения» как яркий многозначный образ встречается в поэзии Хафеза и Аттара, в поэме Асади Туси «Гаршасб Намэ», в стихах Омара Хайяма. В XIX веке Э. Фицджеральд, переводчик рубаи Омара Хайяма, назвал этот фонарь *Magic shadow show* («Волшебное шоу теней»), подчеркивая его мистическую природу.

В Европе появление подобного устройства восходит к XVII в. и связано с немецким монахом, физиком и математиком по имени П. Афанасий Кершер, который в 1640 г. изобрел первый проектор — «волшебный фонарь». В этом аппарате использовалась свеча и вырезанные изображения, которые создавали теневые проекции [8, с. 40].

Далее, рассмотрев специфику устройства «фонаря воображения», уместно вернуться к основной теме представленной статьи, а именно к сопоставлению образов тени в аллегории пещеры Платона и «фонаря воображения» в рубаи Омара Хайяма.

Образ пещеры из седьмой книги «Государства» Платона является одним из наиболее ярких и запоминающихся в античной философии. Согласно Платону, все люди живут в «пещере» и никогда не получают четкого представления о реальности, а вместо этого видят тени, которые проецируются на стены пещеры. То есть люди видят лишь изображения, оттиски реальности, ко-

торами выступают тени, но не сама реальность [9, с. 743]. Таким образом, тень символизирует искаженную реальность, воспринимаемую человеком. Узники пещеры видят только тени предметов, отбрасываемые огнем на стену, и принимают их за истину. Эта метафора отражает платоновское представление о мире чувственных восприятий как о несовершенной копии мира идей [10, с. 160].

Согласно этой аллегории, чтобы понимать истину, нужно совершить определённые действия — движение по направлению от «тени» к сути самих вещей. Таким образом, Платон рассуждал о ступенях человеческого познания, которое начиналось с чувственного восприятия и переживания как необходимого этапа, с которого возможен переход к познанию идей, переход от видимости к знанию [11, с. 87]. Тени на стене — это не просто иллюзии, а отражения материального мира, который сам является отражением мира идей. Таким образом, процесс познания — это постепенный переход от сенсорного восприятия к истинному знанию [12, с. 10].

Если Платон видел тени как символ обмана и искаженного восприятия, то Омар Хайям, живший на тысячу лет позже, видел их как неизбежную часть бытия, порожденную неведомыми законами мироздания. В отличие от платоновского стремления к миру идей, Хайям сосредоточился на земном существовании, принимая его неопределенность как данность. В творчестве Омара Хайяма также был выражен акцент на тайны вечности и существования, тайны творения и бытия и другие вопросы, которые относятся к философским. Размышления Хайяма в области философии вращаются вокруг проблем, загадок и неизвестного, и он пытается объяснить истины простым и понятным языком и предоставить логичные и приемлемые решения проблем. Омар Хайям сумел выразить в небольшом количестве рубаи глубокие философские идеи. Его рубаи — это не просто поэзия, а философия, выраженная через лаконичные четверостишия. Как отмечал Мохаммед Али Форуги, собравший 178 подлинных рубаи Омара Хайяма, в этих стихах заключены скептицизм, размышления о бренности бытия, критика суеверий и глубокий поиск смысла.

Хайям не отрицал существования высших сил, и его сомнения не превращались в простое отрицание — он подходил к во-

просам мироздания с точки зрения логики и науки. Его научные труды по астрономии и алгебре не уступают его поэтическому наследию: календарь Джалали, созданный Хайямом, до сих пор остается одним из самых точных в мире. Его труд «Аль-Джабр и Аль-Мукабала» оказал огромное влияние на развитие алгебры и математики.

В своих четверостишиях Хайям затрагивал вечные вопросы, которые остаются актуальными и сегодня: тайну существования, природу времени, смысл жизни и неизбежность смерти. Он стремился не только сформулировать вопросы, но и дать на них доступные, логически обоснованные ответы. В этом его философия во многом перекликается с Платоном. Но если у Платона освобождение от иллюзий требует познания мира идей, то у Хайяма — принятия неопределенности мира и мудрого наслаждения жизнью.

Хайям использовал образ «фанус-е-хяэль», чтобы описать иллюзорность человеческого существования. С точки зрения Хайяма, любое представление о мире есть не более чем изображение и конец жизни тоже неизвестен. Возможно, использование метафоры фонаря и тени связано с тем, что Омар Хайям был знаком с работой Платона... Книга Платона «Республика» была доступна при жизни Хайяма, и, как объяснялось ранее, Хайям был не просто поэтом, но и занимался философией, и можно допустить, что она вдохновила его на использование тени как метафоры истины.

В одном из рубаи Омар Хайям пишет:

«Всё обсудив без страха, мы истину найдём, —
Небесный свод представим волшебным фонарём:
Источник света — солнце, наш мир — сквозной экран,
А мы — смешные тени и пляшем пред огнём» [13].

(Перевод Л. С. Некоры)

Если сделать не поэтический, а буквальный перевод, это стихотворение будет звучать так:

*«Мир — карусель, в которой мы затерялись.
Она похожа на «фонарь воображения».
Солнце — свет, а мир — фонарь.
Мы вращаемся вокруг, как созвездия (картинки)».*

Это рубаи Хайяма во многом перекликается с аллегорией пещеры Платона. Как и у Платона, тени становятся метафорой иллюзий.

люзорности существования. Однако, в отличие от платоновского стремления вырваться из мира теней, Хайям предлагает принять эту иллюзию и научиться жить в ней, находя радость и мудрость даже в самых загадочных проявлениях бытия. Тень у Платона — это символ заблуждения, а у Хайяма — неизбежность жизни, которую стоит прожить с осознанием ее красоты и скоротечности. Чтобы лучше понять эту тему, мы отдельно проанализируем строки рубаи и сравним их с аллегорией пещеры Платона:

«Мир — карусель (небосвод), в которой мы затерялись».

В этом стихе карусель соотносится со структурой мира, в котором человек запутан и сбит с толку. Эта путаница возникает из-за неспособности человека понять высшую истину. В аллегории пещеры это замешательство соответствует положению заключенных, которые оказались заперты внутри пещеры и видят только тени. Они не осознают, что тени — это несовершенное отражение реальности, и именно это сбивает их с толку.

«Она похожа на “фонарь воображения”»

«Фонарь воображения» выступает как метафора, символ мира, представленного как воображаемое отражение реальности. В аллегории пещеры тени на стене играют точно такую же роль, как и в фонаре воображения. Тени — это неполное и воображаемое изображение реальности, созданное светом огня (источника истины) в пещере. Тень в «фонаре воображения», это всего лишь отражение, как и в аллегории пещеры тени не более чем отражение сути вещей.

«Солнце — свет, а мир — фонарь»

Солнце в этом стихе является символом абсолютной истины, освещающей материальный мир (мир фонаря). В аллегории пещеры свет символизирует высшую истину, абсолютное знание и мир идей. Когда узник выходит из пещеры и смотрит на солнечный свет, он понимает, что солнце является источником всего света (знания) и жизни. В рубаи солнце действует так же, как в аллегории пещеры, а мир фонаря (материальный мир) является лишь отражением этой истины.

«Мы вращаемся вокруг как созвездия (картинки)»

В этом стихе картинки относятся к воображаемым образам, которые появляются в фонаре и не имеют независимого существования. Человек в этом мире, как и эти образы, погружен в мысли и размышления. В аллегории пещеры заключенные в ней

люди видят только безжизненные тени и не понимают правды. Воспринимая эти воображаемые образы, они живут только отражениями, не осознавая, что это лишь оттиски реальности.

Анализируя сходства и различия между поэтической концепцией «фонаря воображения» и платоновской аллегорией пещеры, можно прийти к выводу, что обе системы рассматривают материальный мир как ограниченное пространство, не способное полностью отразить истину. В обоих случаях человек пребывает в иллюзорной реальности, принимая образы за подлинную сущность вещей, а движение к свету символизирует путь к познанию. Поэзия Хайяма и философия Платона сходятся в том, что истина представлена светом, к которому человек должен стремиться, освобождаясь от заблуждений.

Однако ключевое различие заключается в отношении к самой иллюзии. В рубаи она рассматривается как неотъемлемая часть человеческого существования, тогда как в философии Платона — как препятствие, которое необходимо преодолеть. В поэзии истина недостижима, а ее поиск бесконечен, тогда как Платон утверждает, что истина может быть познана через мышления и философский путь.

Источники иллюзии также различны: в поэзии это «фонарь воображения», создающий игру света и теней, тогда как в аллегории пещеры иллюзия обусловлена ограниченным светом внутри замкнутого пространства. Кроме того, роль человека трактуется по-разному: в поэзии человек остается в мире, воспринимая жизнь как игру образов, а у Платона он должен освободиться и стремиться к истине. Таким образом, поэзия Хайяма и философия Платона представляют два разных взгляда на восприятие реальности: первая акцентирует неизбежность иллюзорности мира, вторая — возможность его преодоления ради познания истины. Обе концепции описывают мир как иллюзорный, но если Платон предлагает путь к высшему знанию через освобождение, то поэзия воспринимает материальный мир как бесконечную игру теней, в которой человек остается пленником иллюзий.

Заключение. Таким образом, Платон предлагает рационалистический путь выхода к истине, тогда как Хайям выражает сомнение в возможности такого выхода. В этом проявляется различие западной и восточной философских традиций: первая стремится к абсолютизму знания, вторая принимает мир таким, какой он есть, с его неопределенностью и изменчивостью.

Подводя итог, напомним, что феномен тени занимает важное место в философской, культурной и художественной традициях различных народов, выступая в качестве универсального символа иллюзии, неведения и поисков истины. Символ тени выступает важнейшим философским концептом, объединяющим традиции Востока и Запада. Платоновская интерпретация и аллегория Хайяма, несмотря на различия в трактовке реальности, показывают, что образ тени выступает значимой метафорой в понимании человека и его места в мире. Дальнейшее изучение данной темы может быть продолжено в рамках более широкого анализа тени как концепта в психологии, религии, литературе и других областях.

Список источников

1. Rahiminia D. L'ombra di Ahriman. La contraddittoriale essenza del male, dalla mitologia persiana alla cultura occidentale // IM@GO. A Journal of the Social Imaginary. 2017. No 9. Pp. 57–71.
2. بیضایی ب. نمایش در ایران. تهران: کویان 1965. 242 ص.
(Бейзаи Б. Театр в Иране. Тегеран: Кавиан, 1965. 242 с.).
3. Asadî Tûsî. LeLivredeGerchâsp: poèmemersand'Asadî juniordeToûs, publié et traduit par Clément Huart. Paris: Paul Geuthner, 1926. VIII + 215 p. (Книга Дершаспа, персидская поэма Асади, младшего из всех, опубликованная и переведенная К. Хуартом).
4. Самойлович А. Н. Традиционный театр кукол Востока. Основные виды театра плоских изображений. М.: Наука: глав. ред. восточной лит-ры, 1983. 184 с.
5. Крыжицкий Г. К. Экзотический театр. Л.: Академия, 1927. 80 с.
6. Галунов Р. А. Народный театр Ирана // Советская этнография. 1936. № 4–5. С. 55–83.
7. هنر و مردم، شماره ۲۲، مرداد ۱۳۴۳، صص. «ذکاء، یحیی». «هنر و مردم» (Зока Я. Фанус хэяль // Искусство и народ. 1964. № 22. С. 12–19).
8. Вученович А. Взаимодействие света и тени как проекции в процессе создания теневого спектакля, фотографии и фильма // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. № 2 (46). С. 36–42.
9. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2018. 1311 с.
10. Романов А. Возвращение в пещеру: о методе «более долгого пути» в Государстве VI–VII // Платоновский сборник / ред.: И. А. Протопопова, О. В. Алиева, А. В. Гараджа, А. А. Глухов, А. В. Михайловский, Р. В. Светлов. М.; СПб.: РГГУ-РХГА, 2014. Т. I. С. 160–193.

11. Ильин В. В. История философии. СПб.: Питер, 2005. 732 с.
12. Равочкин Н. Н. Идеи как философские основания: онтологический аспект // Якутский философский журнал. 2019. № 4. С. 4–13.
13. Омар Хайям. Рубаи // Союз писателей. URL: <https://soyuz-pisatelei.ru/forum/38-512-1> (дата обращения: 20.05.2025).

References

1. Rahiminia D. L'ombra di Ahriman. La contraddittoria essenza del male, dalla mitologia persiana alla cultura occidentale. *IM@GO. A Journal of the Social Imaginary*. 2017. No 9. Pp. 57–71. (In Ital.)
2. Beyzaie B. *Teatr v Irane*. Tegeran. 1965. 242 s. (In Pers.)
3. Asadī Ṭūsī. *Le Livre de Gerchâsp: poème persan d'Asadī junior de Toûs, publié et traduit par Clément Huart*. Paris: Paul Geuthner, 1926. VIII + 215 p.
4. Samoilovich A. N. *Tradicionnyj teatr kukol Vostoka. Osnovnye vidy teatra ploskih izobrazhenij* [Traditional Eastern Puppet Theater. Main Types of Flat Image Theater]. Moscow: Glav. red. vostochnoj lit-ry izd-va «Nauka», 1983. 184 p. (In Russ.)
5. Kryzhickij G. K. *Ekzoticheskij teatr* [Exotic Theater]. Leningrad: Akademiya, 1927. 80 s. (In Russ.)
6. Galunov R. A. Folk Theatre of Iran. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1936. No 4–5. Pp. 55–83. (In Russ.)
7. Zoka Ya. Fhanus kheyal. *Iskustvo I narod* [Art and People]. 1964. No 22. Pp. 12–19. (In Pers.)
8. Vuchenovich A. The Interaction of Light and Shadow as Projections in the Process of Creating Shadow Performances, Photography, and Film. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences]. 2022. No 2 (46). Pp. 36–42. (In Russ.)
9. Platon. *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow: Al'fa-kniga, 2018. 1311 p. (In Russ.)
10. Romanov A. Return to the Cave: On the Method of the «Longer Journey» in Republic VI–VII. *Platonovskij sbornik* [Plato's Collection.]. Red.: I. A. Protopopova, O. V. Alieva, A. V. Garadzha, A. A. Gluhov, A. V. Mihajlovskij, R. V. Svetlov. Moscow; St. Petersburg: RGGU-RHGA, 2014. Vol. I. Pp. 160–193. (In Russ.)
11. Il'in V. V. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. St. Petersburg: Piter, 2005. 732 p. (In Russ.)
12. Ravochkin N. N. Ideas as philosophical foundations: ontological aspect. *Yakutskij filosofskij zhurnal* [Yakut philosophical journal]. 2019. No 4. Pp. 4–13. (In Russ.)
13. Omar Hajyam. Rubai. *Soyuz. Pisatelej* [Union writers]. Available at: <https://soyuz-pisatelei.ru/forum/38-512-1> (accessed: 20.05.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе

Горбани Хамидреза, аспирант кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Миллионная, 1)

Information about author

Hamidreza Ghorbani, Postgraduate student of the Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State Institute of Culture (1, Millionnaya St., St. Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.06.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.10.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 19.12.2025

Научная статья / Article

УДК 008:304.2.378

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-46>

Российские традиции в жизни студенческой молодёжи

Елена Николаевна Гринько

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Владивосток, Россия
en-grinko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению российских традиций, знакомых студентам и существующих в их семьях (цель исследования). Теоретическое внимание было обращено прежде всего на традицию, которая определяется как способ воспроизводства социального и культурного наследия, как «нечто постоянное внутри перемен». В статье приведены и проанализированы результаты эмпирического исследования, направленного на выявление знания студентами старых и новых традиций российского общества и наличия этих традиций в семье. Было проведено анкетирование, респондентами выступили студенты в основном первого-второго курсов стоматологического и лечебного факультетов ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации в количестве 244 человек, что позволило сделать соответствующие вы-

воды. В работе применялись системный подход, описательный метод и методы анализа и синтеза.

Проведённое исследование показало, что студенты в большинстве своём понимают и знают традицию прежде всего как праздник с определённым набором элементов, среди которых довольно много знакомых и сохраняемых российских праздников разных эпох от Древней Руси до современной России. Часть праздников имеет официальный, в том числе и государственный характер разного уровня — от федерального до муниципального, часть бытовой, по преимуществу семейный, нередко объединяющий всех членов семьи. Наибольшее количество респондентов среди бытовых семейных отметили традиции и праздники, связанные с важными вехами в жизни человека. Наряду с сугубо российскими традициями отмечены также новые, заимствованные, хотя и в небольшом количестве. Проведённое анкетирование дало возможность сделать вывод о существовании важнейших российских традиций в жизни студенческой молодёжи и о серьёзной роли семьи в их сохранении. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе вуза и в курсах истории России и культурологии при рассмотрении вопросов инкультурации личности.

Ключевые слова: традиция, инновация, ценность, традиционные ценности, семья

Для цитирования: Гринько Е. Н. Российские традиции в жизни студенческой молодёжи // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 46–66. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-46>

Russian traditions in the life of students

Elena N. Grinko

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
en-grinko@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to identifying Russian traditions that students are familiar with and that exist in their families (the purpose of the study). The theoretical focus was primarily on tradition, which is defined as a way of reproducing social and cultural heritage, as “something constant within change.” The article presents and analyzes the results of an empirical study aimed at identifying students’ knowledge of old and new traditions of Russian society and the presence of these traditions in their families. A questionnaire was conducted, and the respondents were mostly first- and second-year students from the Faculty of Dentistry and the Faculty of Medicine at the Pacific State*

Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, with a total of 244 participants. The study used a systematic approach, a descriptive method, and methods of analysis and synthesis.

The study showed that most students understand and know the tradition primarily as a holiday with a specific set of elements, including many familiar and preserved Russian holidays from different eras, from Ancient Rus to modern Russia. Some of these holidays are official, including state holidays at various levels, from federal to municipal, while others are more personal and family-oriented, often bringing together all family members. The largest number of respondents among household family traditions noted traditions and holidays associated with important milestones in a person's life. Along with purely Russian traditions, new, borrowed traditions were also noted, albeit in a small number. The conducted survey made it possible to conclude that there are many important Russian traditions in the life of students and that the family plays a significant role in preserving them despite the existing changes. The data obtained during the study can be used in the educational process at the university and in courses on Russian history and cultural studies when considering the issues of individual inculturation.

Keywords: *tradition, innovation, value, traditional values, family*

For citation: Grinko Elena N. Russian traditions in the life of students. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2026; 1: 46–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-46>

Введение. Обращение к данной теме связано прежде всего с её актуальностью. Традиция является важнейшим способом наследования, а значит, и сохранения любой культуры, любой социокультурной общности, даже самой инновационной. При всех трансформациях, происходящих в культуре, необходимым элементом её ядра является традиция, коренные изменения в ней ведут к серьёзным переменам в системе ценностей и в конечном счёте к разрушению культурного фундамента, утрате идентичности самой культуры и её субъектов. Особую остроту приобретает вопрос о сохранении традиций в связи с процессами глобализации, которые, по мнению учёных, несут угрозу национальной идентичности и могут повлечь за собой исчезновение традиционных связей, непоправимую трансформацию традиционных ценностей [1]. Современная социокультурная ситуация в России является критически важной именно с точки зрения устойчивости культуры и общества, сохранения ценностно-ядра российской культуры при смене поколений. Не случай-

но в связи с этим появление Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. В этом процессе сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей серьёзная роль принадлежит самим традициям, и семье как хранителю этих традиций, и молодёжи, принимающей или отвергающей их. Как справедливо указывает Л. Баева, «традиция оказывается воплощением связей человека с миром, обществом, предками, этносом, семьёй» [2].

Говоря о степени разработанности вопроса, отметим, что традиция была и остаётся на сегодняшний день одной из проблемных и актуальных тем, исследуемых во многих научных областях: этнографии, культурной антропологии, социологии, истории, культурологии, философии, и не только по отношению к так называемым традиционным обществам, но и к современным, разнообразным по степени соотношения в них традиций и инноваций. Изучаются и проблемы трансформации традиций, роль семьи и молодёжи в их сохранении, в том числе в современной российской ситуации. Так, Д. Д. Тулегенова приводит результаты исследования, проведённого в разных регионах России в 2022 г. с участием 2550 молодых людей, в которых констатирует склонность молодежи к переосмыслению традиций и их модернизации, противоречивость и фрагментарность в представлениях о традициях и сожаление из-за их исчезновения в обществе [3]. А, например, А. Ю. Микитинец и О. И. Микитенец, проводя культурно-антропологический анализ традиции как социокультурного феномена, приходят к выводу, что её роль будет объективно уменьшаться, но при этом «уменьшение, в первую очередь, экономической важности традиции не повлечёт за собой существенного ослабления символической значимости, так как для определённых сообществ (этнических, религиозных и др.) она всё равно будет являться важным инструментом передачи коллективного опыта» [4, с. 179].

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mld16ex5qw5452400> (дата обращения: 14.08.2025)

Методы исследования, теоретическая база. Методологию исследования определил системный культурологический подход.

При теоретическом осмыслении темы внимание было обращено в первую очередь на современное понимание традиции (основное понятие данного исследования). Словари дают схожие определения. Новая философская энциклопедия определяет традицию (от лат. *traditio* — передача, предание) как «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох» и обращает внимание на её комплексный характер, включающий ценности, нормы поведения и формы сознания¹.

А. Я. Флиер называет традиции «основными накопителями и трансляторами стандартизированного социального опыта сообщества», осуществляющими регуляцию межличностных и межгрупповых отношений. Автор говорит об устойчивости и даже автоматизме традиций, но не исключает их трансформации в силу адаптации общества к меняющимся условиям, однако предпочитает не революционную смену, а осторожное «втягивание» необходимой новации в систему традиционных стереотипов [5, с. 243–244].

Б. И. Кононенко в Большом толковом словаре по культурологии трактует традиции как «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени», но подчёркивает творческий характер обращения с традициями новых поколений, не механически их перенимающих у предыдущих поколений, а осуществляющих собственную интерпретацию и выбор, выбирая тем самым своё будущее [6].

Вместе с тем при всей схожести определений в разных областях науки существуют различные точки зрения и подходы к пониманию традиций и их роли в культуре, что требует от исследователя выбора определённой позиции. На выборе позиции настаивает, например, А. В. Захаров, разграничивающий субстанциональный (содержательный) и функциональный подхо-

¹ Новая философская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy-encyclopedia/> (дата обращения: 20.08.2025)

ды, при которых на первый план выходят либо сами образцы, элементы культуры, либо способ их трансляции [7].

Теоретическая база нашего исследования, во-первых, опирается на современное философское понимание традиции: «Суть понятия традиции — это, конечно, не изменение само по себе, но и не сохранение как таковое... это нечто постоянное внутри перемен, константное в развитии, абсолютное в относительном, вечное во временном... Традиции разворачиваются и трансформируются в соответствии с переменной обстоятельств, они не прошлое, ими обозначается не то, что «позади нас», а то, что непрерывно существует в мире и нас самих» [8, с. 182–183]. Философы трактуют традицию не как «внешнюю социальность», а как «...дух и тело культуры, язык бытия, сущность человеческой онтологии» [9, с. 103–14].

Во-вторых, мы придерживаемся современного культурологического подхода, выраженного Э. С. Маркаряном. Признавая культуру самоорганизующейся системой, автор утверждает динамику взаимодействия традиций и инноваций, при которой инновация сама становится традицией. Традиции при этом задают общую направленность «в качестве необходимых предпосылок креативных (продуцирующих новые формы) процессов того фонда, путем отбора и комбинации элементов которого во многом и осуществляются эти процессы» [10].

В тесной связи с данным понятием оказываются понятия «ценность» и «традиционная ценность».

В исследовании использовались методы анализа и синтеза, описательный метод и метод анкетирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Исходя из актуальности традиции как фактора сохранения культуры было проведено анкетирование среди молодых людей как преемников культурных традиций и ценностей. Респондентами выступили студенты в основном первого-второго курсов Тихоокеанского государственного медицинского университета (ТГМУ) по преимуществу стоматологического и лечебного факультетов в возрасте от 18 до 23 лет, всего 244 человека, граждане России (без уточнения национальности). Анкета содержала четыре вопроса открытого типа, ориентированных на периоды в развитии культуры России: от Древней Руси (с учётом принятия христианства в X веке) до 1917 года, Советская Россия (1917–1991 гг.), современная Россия (с 1991 г. по настоящее время). Це-

лью анкетирования было выявить, прежде всего, знание молодыми людьми традиций разных периодов в истории России и их присутствие в семье, а также по возможности определить, каким российским традициям присуща в большей степени устойчивость, а каким — изменчивость. При обработке результатов были применены методы статистического и содержательного анализа.

Результаты исследования оказались следующими.

Обратимся к рассмотрению **первого вопроса**: Какие самые разные традиции, распространённые в России от Древней Руси (X век) до 1917 года, Вы можете назвать?

Среди ответов были традиции языческого и христианского (православного) характера, а также связанные с семьёй и бытом, в основном крестьянским и гораздо реже — светским, государственным, что вполне понятно. Несколько ответов о языческих традициях носили обобщённый характер: русские народные праздники; календарные праздники, связанные со сменой времён года; языческие обряды — поклонение природным богам; весенние обряды; языческие праздники, переплетённые с христианскими традициями; крестьянские обряды сева и жатвы, обряды на благополучие и плодородие. Были также названы праздник урожая, кликанье весны (5 чел.), день зимнего солнцестояния и день весеннего равноденствия. Среди подобных традиционных праздников наибольшее число ответов пришлось на Масленицу — всего 199 (80 %), при этом часть респондентов дополняла ответ указаниями на действия, которые сопровождают праздник: приготовление и поедание блинов, сожжение чучела как символа зимы, залезание на столб, взятие снежного городка, катание на санях; игры, кулачные бои, народные гуляния.

На втором месте по количеству ответов День Ивана Купалы — 135 (55 %), также некоторые из них были дополнены подробностями: венки на воде, прыжки через костёр, купание в реке, спуск бочки с горы.

На следующем месте Новый год — 58 (23,7 %), несколько человек отметили обычай наряжать ёлку, лепить снежную бабу, один из респондентов уточнил, что традиция отмечать Новый год с 1 января и наряжать ёлку берёт начало от Указа Петра I. Как известно, до этого времени Новый год несколько раз менял свою дату, поначалу совпадал именно с Масленицей, приходом весны. Как зимний праздник назывался Святки — святые дни

между Рождеством и Крещением Господним. Респонденты указали Святки как традиционный праздник — 16 ответов, а также вместе с ним или отдельно Сочельник — 5, колядование — 71, гадание — 41 и ряжение — 3. Всего 131 ответ (54 %).

Христианские традиции были указаны в пяти случаях просто как церковные и православные праздники, но все остальные ответы носили конкретный характер. Прежде всего, была указана Пасха — 141 ответ (48 %), некоторые ответы были с уточнениями (красить яйца, бить яйца, печь и есть куличи). На втором месте Рождество — 87 (35,5 %), далее Крещение — 70 (28,5 %), Троица — 18 (7 %), Вербное воскресенье — 5, чистый четверг и прощёное воскресенье по одному ответу. Отдельно были отмечены традиции соблюдения постов — 15 ответов, купания в проруби на Крещение — 12 и паломничество — 1, а также праздники: Яблочный спас — 6, медовый спас — 3, День святого Николая и Ильин день — по одному ответу.

Интерес представляет ошибка: один респондент назвал Тыквенный Спас среди древних праздников, однако этот праздник, приуроченный к 31 октября, вполне современный, он состоялся уже в 2023–24 гг. в некоторых регионах России как противопоставление Хэллоуину. Однако Церковь категорически возражает против подобного наименования, поскольку Яблочный и Медовый Спасы посвящены Спасителю и к осеннему урожаю не имеют отношения.

Другая ошибка связана со Старым Новым годом, помещённым одним из участников опроса в традиционные дореволюционные праздники, хотя традиция отмечать Старый Новый год возникла после введения в 1918 г. григорианского календаря вместо юлианского.

Среди светских традиций два респондента назвали императорские и дворянские балы, а среди государственных традиций были указаны трижды венчание на царство (коронация) и единойды как праздник — День восшествия на престол. Пять студентов не забыли упомянуть Татьянин день.

Необходимо сказать об особенных праздниках: один праздник, названный респондентом, — это День медведя, отмечаемый на Сахалине коренными народами, другой — языческий праздник якутов Ысыах.

Большое количество ответов было связано с бытовыми, прежде всего с семейными традициями. Среди семейных тра-

диций первое место занимает свадьба (свадебные традиции, свадебные обряды), всего ответов 114 (46,7 %). Среди них названы и различные обряды предсвадебного и свадебного действия: сватовство, обручение, помолвка, смотрины невесты, выкуп невесты, проводы невесты, плач по девушке, выходящей замуж, приданое, встреча хлебом-солью (караваем) молодых, свадебный пир (гулянья), похищение невесты, обычай переносить невесту на руках через порог. Два респондента отметили «расплетение косы»: до замужества девушка заплетала одну косу, а после — две. Один из респондентов написал: «К приходу сватов потенциальная невеста готовила обед своими руками». Другой дал целое описание: «На помолвке присутствовали близкие родственники, родители благословляли жениха и невесту иконой, а затем происходил обмен хлебом-солью». Отдельно 32 респондента (13 %) отметили венчание в церкви.

На втором месте — похороны (погребальные обряды, тризна) — 65 (26,6 %) ответов. Среди них конкретные обряды и обычаи: погребение, поминки, на которых принято подавать блины и кутью, отпевание, посещение кладбищ на родительский день с уборкой могил и с обычаем оставлять еду на могилах. Респонденты указали также обычай отмечать 9-й и 40-й дни.

Особенности жизни в семье отметили 58 респондентов, в доме — 17, всего 75 (30 %). Жизнь в семье: по одному-два ответа — это наличие семейных обрядов, важность семейных традиций и ценностей рода, уважение (почитание) старших, жизнь нескольких поколений вместе (жизнь вместе с родителями), крепкие родственные связи, обычай собираться на застолье во время праздника, ужины всей семьёй, молитвы перед сном, обряды новоселья, роль отца как главы семьи, патриархальность, многодетность. Обычай отмечать дни рождения членов семьи — 7 ответов, крещение младенцев — 23 ответа, именины и имянаречение — 11, по одному-два ответа о рождении ребёнка и о детях: обряд перерезания пуповины; обычай пугать женщину во время родов, если роды затягивались; убаюкивание и кормление детей хлебом и молоком через марлю наподобие соски, срезание первых волос ребёнка, обычай садить детей в печь, чтобы были здоровы.

К ним близки бытовые, домашние традиции, единично отмеченные респондентами: обряды на благополучие и плодородие, различные обычаи и поверья, связанные с защитой от злых

духов (был назван даже веник-оберег); задабривание домового, наличие традиций в одежде, гостеприимство и обычай встречать гостей хлебом-солью, по три ответа получили чаепитие и кулинарные традиции; русская баня — 5 ответов.

Некоторое количество ответов — 21 (9 %) — связано с традиционным народным искусством и народными промыслами и ремёслами: гончарное дело (3 ответа), вышивка (2), роспись посуды, гжель, хохлома, резьба по дереву (по одному ответу), традиционные танцы (3), фольклор, народные сказки, песни (7), по одному ответу — традиционные народные инструменты, частушки.

Один из респондентов описал традиции народной медицины: использование лекарственных трав и природных средств; баню как место очищения и лечения; заговоры и обереги как часть народной медицины. Один из респондентов упомянул мышку — «древнерусскую зубную фею». Один из респондентов указал в качестве традиционных явлений народные приметы, например «после возвращения домой посмотреть в зеркало». Единичные ответы называют в качестве традиционных народные гуляния, ярмарки, игры, качели.

Второй вопрос анкеты звучал так: Какие самые разные традиции (государственные и бытовые, религиозные и светские) современной России Вы можете назвать:

- а) возникшие ещё до 1917 г.;
- б) возникшие в Советской России (1917–1991 гг.) и ныне существующие;
- в) возникшие в Советской России, но ушедшие;
- г) возникшие в новой России (1991–2024 гг.)?

Среди старинных религиозных (языческих и христианских) традиций (до 1917 г.) респонденты назвали большое количество тех, что связаны с праздниками: Масленица (с блинами и сжиганием чучела) — 89, Прощёное воскресенье — 6, всего 95 (39 %), Пасха (с куличами и крашеными яйцами) — 81, чистый четверг 2, Вербное воскресенье — 4, всего 87 (35 %), Рождество — 60 (25 %), Крещение — 24, купание в проруби 6, всего 30 (12 %), Ивана Купала — 16 (6,5 %), святки, колядки и гадание на суженого — 17 (6 %), Троица — 4 (1,6 %), просто «религиозные традиции» — 12 (5 %).

Новый год утратил свой языческий контекст, стал официально признанным традиционным всенародным праздником,

его назвали 164 респондента (67 %), при этом некоторые указали на обычай дарить подарки, покупать мандарины, готовить салат оливье, запускать фейерверки, смобреть «Иронию судьбы» и слушать поздравление президента.

Государственные праздники современной России, доставшиеся в наследство от советского времени, знают многие, некоторые из них несколько изменили своё название. Так, на первом месте праздник 9 мая или День Победы (возложение цветов к Вечному огню) — 169 (68 %), на втором — 1 Мая (День весны и труда) — 125 ответов (51 %), на третьем месте 8 Марта (Международный женский день) — 95 (39 %), далее — 23 февраля (День защитника Отечества) — 91 ответ (37 %), далее День защиты детей — 39 (16 %). Среди официальных, но более частных праздников респонденты назвали также 1 сентября (День знаний) — 45 ответов (18 %), День космонавтики — 20 ответов (8,4 %), День студента (Татьянин день) — 20 (8,4 %), День учителя — 16 (6,5 %), День города — 10 (4 %), День молодёжи — 8 ответов, а также профессиональные праздники. Просто обозначили именно как профессиональные праздники 6 человек. День медицинского работника указали 9 (3,7 %). По несколько ответов относятся к таким праздникам, как день ВДВ, День Военно-морского флота и один ответ ко Дню рыбака.

Знают студенты, хотя и в меньшей степени, советские государственные традиции и праздники, утратившие своё значение. Среди них 7 Ноября — 55 ответов (22,5 %), на втором месте традиция субботников — 68 (27,9 %), на третьем — праздники и традиции, связанные с пионерией и комсомолом: День комсомола, День пионерии и принятие в пионеры (комсомольские собрания и съезды, пионерские линейки) — 36 (14,7 %), День рождения Ленина — 3, участие в демонстрациях — 4 ответа. Ушедшей традицией два респондента назвали культ личности с почитанием вождей и борьбу с религией.

Среди новых официальных государственных традиций и праздников, появившихся в современной России, на первом месте День народного единства (4 ноября) — 85 ответов (35 %), на втором — День России (12 июня) — 80 (33,6 %), Бессмертный полк — 39 (16 %), День Конституции — 26 (10,6 %), День семьи, любви и верности и День матери — по 22 (9 %), День российского флага — 16 (6,4 %), День отца — 4, День науки, Крымская весна — по 2 ответа, волонтерское движение — 1 ответ. Названы

традиции, характерные для г. Владивостока: День тигра — 14 ответов, открытие байкерского сезона — 3, Восточный экономический форум — 2, марафон по мостам — 1 ответ. День стоматолога назвали 6 студентов.

Интерес представляют ответы, связанные с частной жизнью людей, трудовыми, бытовыми, семейными традициями и обычаями, как унаследованными, так и новыми, в том числе характерными для молодёжи.

Среди старых (дореволюционных) сохранившихся традиций большая роль принадлежит тем, что связаны с важнейшими событиями в жизни людей. На первом месте свадьба и обряды: сватовство, помолвка, обручение, девичник и мальчишник, выкуп невесты, приданое, белое платье невесты, посыпание молодых рисом, встреча хлебом-солью, откусывание каравая, 5 человек упомянули также венчание, всего 75 ответов (30 %).

На втором месте традиции, связанные с рождением члена семьи. Отмечать день рождения членов семьи и юбилеи (34), крестить ребёнка (6), встречать из роддома, срезать первые волосы ребёнку (по одному), всего 43 ответа (17,6 %).

На третьем — похороны и поминки (11), 40-й дней (1), посещение кладбищ в родительский день (14), всего — 29 ответов (12 %).

Среди сохранившихся старых бытовых традиций от 1 до 3 ответов получили традиции народных промыслов, гуляний, исполнения песен и танцев, кулинарных традиций русской кухни и семейного застолья, исполнения домашних обязанностей, ритуалов приветствия и прощания, семейных советов, уважения к старшим и духа коллективизма, всего — 21. Были указаны также разнообразные приметы: задабривать домового; впускать кошку в дом, а потом заходить самому на новоселье; посыпать сахаром, если просыпал соль; присесть на дорожку, завешивать зеркало, если в доме покойник; всего — 6. Итог: 27 ответов (10,8 %).

Сохранившихся в современной России бытовых, трудовых и семейных советских традиций немного. Это последний звонок в школе — 39 ответов (16 %), выпускной школьный вечер (бал) — 26 (10,8 %), встреча выпускников — 3 ответа. Указано участие в общественных работах (сажать деревья, убирать территорию) — 9 ответов. Среди семейных выделены просто «семейные традиции» — 14 ответов, а также традиции: лепка пель-

меней всей семьёй, выезды на природу (на шашлыки); семейные выходы на праздник в кино и театр, в гости; отдых на курортах, чаепитие, просмотр телевизора старшим поколением, посещение бани; всего 45 ответов (18 %).

Среди утраченных бытовых и семейных советских традиций названы больше всего сдача стеклотары — 13 ответов, сбор макулатуры и металлолома — 7, отдых в пионерских лагерях — 6 ответов. По одному-два ответа получили культ здоровья и физической культуры (утренняя гимнастика), сдача норм ГТО, проводы в армию, смотр строя и песни, наличие у каждого парня значка «Ворошиловский стрелок», трудовые династии, посещение библиотеки, чтение и обсуждение литературы, обмен книгами и вещами между друзьями, душевные беседы, привычка посылать письма и открытки, а также садить много картошки. Всего — 20 ответов (8 %). Среди утраченных предметов-примет времени назвали бочки с квасом, патефоны, семейные фотоальбомы, чайный гриб на кухне.

Возникшие в современной России бытовые, трудовые, семейные традиции студенты также чаще всего связывают с праздниками. «Алые паруса» назвали 11 человек (5 %). Указали новые праздники, пришедшие с Запада, — День Святого Валентина и Хэллоуин, их назвали по 25 респондентов (10 %), игру Тайный Санта — 7 человек, вечеринку Гендер-пати — 4 человека и Тыквенный Спас — 5 человек.

По несколько ответов получили следующие тенденции и события: 6 ответов — новые культурные фестивали, концерты и конкурсы; по два ответа — флешмобы и массовые спортивные мероприятия, активное использование Интернета, путешествия по странам, киберспорт; по одному ответу — социальные сети, экоакции, а также новые семейные ценности («свобода в выборе семейной модели»), популярность западной культуры, участие отца в воспитании детей. Всего — 19 ответов (7,9 %).

Третий вопрос анкеты: Какие российские традиции, принятые и поддерживаемые в вашей семье, Вы можете назвать?

Респонденты указали значительное количество дореволюционных праздничных традиций. Так, Пасху указали 141 человек и близкие к ней Вербное воскресенье — 3, чистый четверг — 2, пост — 1, всего 147 (60 %), Масленицу — 112 (46 %) и Прощёное воскресенье — 3, всего 115 (43 %); Рождество — 56 (23 %); Крещение — 18 (7 %), из них 2 ответа звучали как «ку-

паемся в проруби»; Ивана Купалы — 7 (3 %); Троицу — 2 ответа. А также мусульманские: Навруз, Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, месяц поста Рамадан (всего 5 ответов); татарский и башкирский праздник Сабантуй — 1 ответ.

Но больше всего ответов собрал Новый год — 178 (73 %).

Из старых и новых официальных традиций в виде праздников (общих и более частных) на первом месте День Победы (9 Мая) — 73 и связанный с ним Бессмертный полк — 14, всего 91 (37 %), 5 человек уточнили «ходим на парады». Празднуют в семье 8 Марта 60 человек (24 %), День защитника Отечества (23 февраля) — 51 (21 %), День знаний — 20 (8 %), День матери — 18 (7 %), 1 Мая — 16 (6,5 %), некоторые уточнили: «ходим на мероприятия», «выезжаем на природу»; День России — 12 (5 %), День медицинского работника — 11 (4,55 %), День народного единства — 10 (4 %), День защиты детей и День отца по 9 ответов (3,6 %), День города — 5 (один из них День Владивостока — (2 %)), День студента — 4, по три ответа получили День учителя, День Военно-морского флота, по 2 ответа — посвящение в студенты и День пионерии, по одному ответу — День Конституции, День тигра, День пограничника, открытие байкерского сезона, а также волонтерство.

Среди бытовых поддерживаемых традиций на первом месте День рождения (родных, членов семьи) — 109 ответов, и близкие к нему именины (День ангела) — 3, крестины — 4, крещение детей — 2, всего 118 (48 %). На втором месте свадьба — 26 ответов, а также близкие к этому событию годовщина свадьбы родителей — 4, дарение помолвочного кольца — 1, венчание — 3, всего 34 ответа (13,8 %). На третьем месте похороны (поминки, отпевание, почитание памяти умерших, посещение кладбища в Родительский день — 27 (11 %).

Отмечены и неофициальные, бытовые, семейные праздники и традиции: ужины (обеда, чаепития) всей семьёй ежедневно или по субботам (воскресеньям) — 19; по большим праздникам — большие семейные застолья — 6, всего 27 (11%); в разное время года — совместные действия, мероприятия: путешествия, посадка картошки — по 3 ответа; поездки на дачу, поездки каждое лето к морю, лепка пельменей — по 2 ответа; посещение церкви, семейный совет, чтение в кругу семьи, разговорные вечера с друзьями, посещение музеев и театров, сбор грибов в лесу, поход в баню — по 1 ответу, всего — 19 (7,7 %); последний звонок — 9

(3,6 %), выпускной вечер (Алые паруса) — 8 (3,2 %), День Святого Валентина — 6 (2,4 %), соблюдение кулинарных традиций — 4; по одному ответу получили праздники 1 Апреля, Тайный Санта и Тыквенный Спас, а также празднование новоселья.

В качестве традиций респонденты назвали определённое поведение: уважение к старшим — 3; следование приметам: по сидеть на дорожку и отряхивать человека пачкой купюр, чтобы водились деньги, — 2 ответа.

Не ответили на вопрос анкеты 6 человек.

Четвёртый вопрос анкеты: Какие особенные традиции вашей семьи можете описать?

Не дали ответа или дали отрицательный ответ 31 человек (12,5 %). «Все типичные» сказали трое, повторили многие ответы предыдущего вопроса или обозначили в качестве особенных традиций распространённые — 75, всего 78 (32 %). Назвали именно особенные — 135 (55,5 %).

Среди этих ответов подавляющее большинство связано с совместными семейными делами и событиями: подготовка и проведение праздников, путешествия и выезд на море, на природу, на дачу для отдыха и для посадки картофеля, семейные встречи на юбилеи и дни рождения, просмотр фильмов, обмен подарками, вечернее чаепитие и рассказы о прошедшем дне, походы в театр, кино, кафе; встречи с родственниками, всего 62 ответа (80 %).

Обратимся к ответам с более конкретными традициями. Они также преимущественно связаны с совместными семейными делами и событиями, но полны нюансов. Так, указаны, например, как ежегодные: участие в акции Бессмертный полк; путешествия зимой на горнолыжный курорт, на остров Ольхон; путешествия летом на курорт, в разные страны, в Москву, на Байкал, в родной город Ачинск к родным, в Андреевку, в одно и то же излюбленное место, на катере на острова Рейнеке и Рикорда с палатками и гитарой, подъём на вулкан Горелый в День вулканов в Петропавловске-Камчатском, сплав по реке, поездки на природу и сбор мусора в лесу, сбор и заготовка грибов, совместная рыбалка с отцом, проведение каникул в деревне, ежегодные забеги, участие в спортивных мероприятиях, ежегодная семейная фотосессия в июне; зимой катания на лыжах, всей семьёй купание в проруби на Крещение, умывание святой водой; ежегодные семейные собрания.

Новогодние дни у многих респондентов имеют свою специфику: «на Новый год топить баньку — а потом в снег», «готовить трубочки со сгущённой по рецепту прабабушки», «сжигать записку с желанием и выпить с шампанским под бой курантов», «папа готовит всегда гуся, фаршированного яблоками»; указаны также письма Деду Морозу, игра в Тайного Санту, колядование в зимние праздники, гадание на святки, 1 января — выход в кино всей семьёй; поход к бабушке и дедушке на пельмени; 2 января — выезд на зимнюю рыбалку, лепка пельменей и вареников.

Дни рождения также специфичны: огромное родственное застолье, изготовление подарков своими руками, выбор особо ценных подарков, запекание курицы со сливами, изготовление торта «Черепаша», дарение золота на золотой день рождения, рисование морского пейзажа на заказ у художника в день рождения членов семьи, покупка любимого торта на день рождения, запуск в небо бумажных фонариков. Отмечается и день рождения «нашей собаки», «наших животных».

Как особенные названы некоторые даты и праздники: 21 января — День инженерных войск; 25 апреля — общение всей семьёй с родственниками, в том числе живущими в других городах России; 1 Мая — посадка лука; на Пасху — посещение церкви с куличами, указаны также празднование китайского Нового года, проводы в море и встреча из плавания, празднование приезда отца из командировки. Интересны ответы «каждый третий год в нашем доме «за тех, кто не с нами», т. е. в море, в дороге»; «на крестины каждый год меня поздравляют и дарят что-нибудь белое».

Студенты как особенные назвали и отмечаемые мусульманские праздники и обычаи: Курбан-байрам, Ураза-байрам, Рамадан; якутский праздник Ысыах; буддийский Новый год (Сагаалган); корейские: Чеса (поминки), Асянди — праздник первого дня рождения ребёнка; Чусок — праздник урожая; празднование «девятки»: в возрасте 9, 19, 29 лет и т. д.; армянские традиции: свадебные, когда невеста танцует два танца; Вардавар (Преображение Господне) — праздник, на котором выпускают голубей и обливаются водой, Атамхатик — традиционный обряд, который отмечается после появления первого зубика у ребёнка.

Среди бытовых, как правило, еженедельных традиций респонденты указали: по пятницам — заказ еды домой; по субботам и воскресеньям — воскресный завтрак (день бутерброда); приготовление сладостей с младшим братом; совместный просмотр телепрограмм, слушание музыки по вечерам, езда на велосипеде, семейный поход в бассейн, на зарядку на стадион; игра в лото, в настольные игры, творческие проекты, творческие вечера, совместное чтение книг, посещение библиотек. Раз в месяц — проведение кулинарных вечеров; приготовление время от времени блюд по старинным рецептам (вместе с бабушкой). Покупка торта за экзамен — периодически. Раз в полгода — вынос старых и ненужных вещей.

В качестве многолетних традиций названы: крещение детей; занятие благотворительностью; передача по наследству новорождённому имени кровного родственника-предка; «первый сын должен быть назван в честь бабушки по отцовской линии»; хранение и передача семейных реликвий, ведение семейного фотоальбома, альбома воспоминаний; соблюдение всеми в семье правила «хорошего дня»; дарение звезды члену семьи за любую победу; взаимопомощь и поддержка в трудную минуту; прокалывание мочек ушей у девочек; кормление домовёнка при покупке сладостей; сказки на ночь детям; поддержка от родных во время спортивных соревнований; постоянное наличие котов в доме; освящение новой квартиры; «папа всегда встречает маму с работы».

Заключение. Результаты анкетирования позволяют сделать следующие выводы.

1. Наибольшее количество древних российских традиций, которые знают респонденты и сохраняют в своей семье, пришлось на языческую Масленицу и православную Пасху, а также на Новый год. Пасха и Масленица сохранили базовые традиционные обряды, Новый год стал светским официальным праздником, утратил языческое сопровождение, хотя приобрёл некоторые бытовые обычаи. В меньшей степени знают и сохраняют Рождество, Крещение и День Ивана Купалы.

2. Советские официальные традиции оказались в ответах респондентов и как знакомые, и как сохранившиеся (в том числе с некоторыми изменениями), и как исчезнувшие. Отмечаются в семьях прежде всего 9 Мая (День Победы), 1 Мая (День

весны и труда). В меньшей степени 23 февраля (ныне День защитника Отечества). Небольшой процент у студентов получили День 8 Марта и Татьянин день, всего 8 %, почти столько же, как и 1 Сентября и новый День матери. Это объясняется, по видимому, подсознательным отбором из знакомых традиций в ходе анкетирования тех, что имеют большую или меньшую значимость, в том числе и в момент ответа, а также отсутствием установки назвать буквально все известные и актуальные в семье и в жизни респондента традиции.

Знакомыми, но утраченными оказались традиции идеологического характера, связанные с пионерией и комсомолом, традиции субботников и День 7 Ноября.

3. Среди официальных традиций и праздников, появившихся в современной России, треть ответов пришлось на День народного единства (4 ноября), День России (12 июня), на традицию Бессмертного полка. В меньшей мере отмечают День Конституции, День семьи, любви и верности, День российского флага. Приняты также традиции, характерные для г. Владивостока: День тигра, открытие байкерского сезона, ставший традиционным Восточный экономический форум, марафон по мостам.

4. Бытовые семейные традиции по большей части знают и сохраняют те, что связаны с жизненно важными событиями: дни рождения, свадьба (при этом остаются неизменными только некоторые обычаи — встречать хлебом-солью и посыпать молодых рисом), и похороны, в наибольшей степени сохранившие свою обрядовость. Отмечаются последний звонок, выпускной вечер (Алые паруса), вечер встречи выпускников (хотя они получили небольшое количество ответов). Среди новых семейных праздников и мероприятий указано незначительное количество заимствованных из западной культуры: День Святого Валентина, Хэллоуин, Тайный Санта и гендер-пати. Экзотикой выглядит придуманный в России Тыквенный Спас.

5. Судя по ответам респондентов, бытовые традиции, как типичные, так специфические, сохраняются в подавляющем большинстве семей, причём связанные с совместными делами и событиями ежегодными, повторяющимися летом и зимой, еженедельными (по субботам, воскресеньям), ежедневными и многолетними. Это праздники, путешествия (по стране и за её пределами), поездки на отдых, выходы в кино и театр, встречи с род-

ными и знакомыми, ужины и обеды и т. п. Это и традиция крещения младенцев, и передачи по наследству имени, семейных реликвий, кулинарные традиции, ведение семейного альбома и т. п. Традиционными названы взаимопомощь и поддержка в трудную минуту, уважение к старшим.

6. В качестве российских особенных традиций присутствуют в ответах религиозные мусульманские и буддистский праздники, а также национальные и этнические: якутские, татарские и башкирский, корейские и армянские, отражающие специфику многоконфессиональной и многонациональной России.

Таким образом, можно сказать, что в основном студенты знают различные российские традиции, как старые, так и новые; многие дореволюционные и сложившиеся в советский период традиции сохраняются в семьях, в большей степени это касается отдельных языческих и православных праздников, а также жизненно важных обычаев; утраченные советские традиции связаны с идеологическими изменениями. Бытовые традиции сохраняются чаще всего в виде совместных семейных праздников и обычаев. Старые традиции сохраняют свою основу, хотя и претерпевают некоторую трансформацию. Появление новых традиций и праздников связано с новыми явлениями в жизни страны (например, Бессмертный полк), с новой культурной реальностью — Интернет, социальные сети (например, флешмобы) а также влиянием западных обычаев (например, Хэллоуин). Последний мы не можем отнести к традиции, так как невысок процент его приверженцев, и нет его наследования. В целом семья продолжает оказывать своё положительное действие в сохранении важнейших культурных российских традиций.

Список источников

1. Деркач В. В. Роль традиций в условиях глобализации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1) URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20759> (дата обращения: 20.08.2025).

2. Баева Л. Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. 2024. Т. 1. № 3. С. 8–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-ponyatie-i-smysly/viewer> (дата обращения: 20.08.2025).

3. Тулегенова Д. Д. Традиции в представлениях российской молодежи // Полилог/Polylogos. 2025. Т. 9. № 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110035025-9-1/> (дата обращения: 20.08.2025).

4. Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Традиция как социокультурный феномен (культурно-антропологический анализ) // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 1А. С. 174–181.

5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учебное пособие. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.

6. Культурология. Большой толковый словарь / Б. И. Кононенко. М.: Вече, АСТ, 2003. 509 с.

7. Захаров Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.

8. Кутырев В. А. Традиция и ничто // Философия и общество. 1998. № 6. С. 170–190.

9. Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004.

10. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

References

1. Derkach V. V. The Role of Traditions in the Context of Globalization. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2015. No 2 (Part 1). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20759> (accessed: 20.08.2025). (In Russ.)

2. Baeva L. Traditional Values: Concept and Meanings. *Patria*. 2024. Vol. 1. No 3. Pp. 8–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyetsennosti-ponyatie-i-smysly/viewer> (accessed: 20.08.2025). (In Russ.)

3. Tulegenova D. D. Traditions in the Representations of Russian Youth. *Polylog* [Polylogos]. 2025. Vol. 9. No 1. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110035025-9-1/> (accessed: 20.08.2025). (In Russ.)

4. Mikitinec A. Yu., Mikitinec O. I. Tradition as a Sociocultural Phenomenon (Cultural and Anthropological Analysis). *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and Civilization]. 2021. Vol. 11. No 1A. Pp. 174–181. (In Russ.)

5. Flier A. Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov : uchebnoe posobie* [Cultural Studies for Cultural Studies : textbook]. Moscow: Academic Project, 2000. 496 p. (In Russ.)

6. *Kul'turologiya. Bol'shoj tolkovyj slovar'* [Cultural Studies. Great Explanatory Dictionary]. B. I. Kononenko. Moscow: Vechе, АСТ, 2003. 509 p. (In Russ.)

7. Zakharov, Traditional Culture in Modern Society. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 2004. No 7. Pp. 105–115. (In Russ.)

8. Kutyrev V. A. Tradition and Nothingness. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 1998. No 6. Pp. 170–190. (In Russ.)

9. Andreev A. P., Selivanov A. I. *Russkaya tradiciya* [Russian Tradition]. Moscow: Algoritm, 2004. 320 p. (In Russ.)

10. Markaryan E. S. Key Problems of the Theory of Cultural Tradition. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1981. No 2. Pp. 78–96. (accessed: 20.08.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе

Гринько Елена Николаевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры социогуманитарных и экономических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (Россия, 690002, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2)

Information about author

Elena N. Grinko, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Economics, Pacific State Medical University (2, Ostryakova Avenue, Vladivostok, Primorsky Krai, 690002, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.08.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.10.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 21.01.2026

Научная статья / Article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-66>

**Бинарность как базовая характеристика современной
индустрии культуры**

Наталья Анатольевна Мальшина

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова,
Саратов, Россия
malsnataliya@yandex.ru

Аннотация. Автор предполагает, что внутренняя бинарность / антагонизм составляющих индустрии культуры является её базовой характеристикой, одновременно необходимой движущей силой её эвристических возможностей. В результате проведенного анализа автор предлагает классификацию культурных паттернов по критерию степени активности: пассивные (не являются паттернами, начальная нулевая точка отсчета активности), активные (оказывающие горизонтальное влияние за счет охвата, объема, массы, масштаба), лидерские (оказывающие управленческое вертикальное влияние на все элементы). По критерию целей: креативные (создающие, порождающие,

определяющие способы создания объектов в системе); структурные (определяющие способы построения сложных структур из классов и объектов); поведенческие (определяющие способы взаимодействия объектов в системе). Также можно выделить паттерны параллельной обработки потоков ресурсов, информационно-аналитических баз данных, системные паттерны сложных систем на основе взаимодействия подсистем, интеграционные паттерны более высокого уровня, аналогичные паттернам более низких уровней классификации. Индустрия культуры как «защитный пояс» смыслового ценностного ядра культуры, исходя из своей антагонистичности, интегрирует разрозненные хаотичные внутренние элементы и отделяет (дифференцирует) традиционную культуру от воздействующих на нее социально-экономических факторов. Ценностно-смысловое проявление и наполнение фундаментальными мировоззренческими духовными компонентами произведений индустрии культуры и искусства подразумевают точечный подход. При массовом потоковом подходе к функционированию индустрии культуры происходит смещение в сторону коммерциализации и, как следствие, господство стоимостных критериев общества потребления. Это приводит к появлению симулякров культуры и искусства, их тиражированию и повторению с утратой уникальной составляющей подлинной культуры. Необходимо рефлексировать экономизированный подход к культуре и результат, к которому доминирование данного подхода приводит в обществе.

Ключевые слова: индустрия культуры, паттерны, интеграция, бинарная оппозиция, антагонизм

Для цитирования: Мальшина Н. А. Бинарность как базовая характеристика современной индустрии культуры // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 66–83. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-66>

Binary as a basic characteristic of the modern cultural industry

Nataliya A. Malshina

Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, Saratov,
Russia, malsnataliya@yandex.ru

Abstract. *The author suggests that the internal binarity/antagonism of the cultural industry's components is both its fundamental characteristic and a necessary driving force behind its heuristic capabilities. The analysis leads to a classification of cultural patterns based on their activity level: passive*

(not patterns, representing the initial zero point of activity), active (exerting horizontal influence through coverage, volume, mass, and scale), and leadership (exerting vertical managerial influence on all elements). By goal criterion: creative (creating, generating, and determining methods for constructing objects within the system); structural (determining methods for constructing complex structures from classes and objects); and behavioral (determining methods for object interaction within the system). Patterns of parallel processing of resource flows, information and analytical databases, systemic patterns of complex systems based on the interaction of subsystems, and higher-level integration patterns similar to patterns at lower classification levels can also be identified. The cultural industry, as a "protective belt" for the semantic and value-laden core of culture, draws on its inherent antagonism to integrate disparate, chaotic internal elements and separates (differentiates) traditional culture from the socioeconomic factors that influence it. The value-laden manifestation and infusion of fundamental, ideological, and spiritual components into works of art and culture require a targeted approach. With a mass, streamlined approach to the functioning of the cultural industry, there is a clear shift toward commercialization and, as a consequence, the value-based criteria of a consumer society, simulacra of culture and art, replication, and repetition, with the loss of the unique component of genuine culture. It is necessary to reflect on the economized approach to culture and the consequences that its dominance leads to in society.

Keywords: *cultural industry, patterns, integration, binary opposition, antagonism*

For citation: Malshina N. A. Binary as a basic characteristic of the modern cultural industry. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 66–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-66>

Введение. Термин «бинарная оппозиция» («binarius» лат.) трактуется нами в соответствии с определением, данным Н. С. Трубецким: «противостоящий по смысловыявляющему признаку» [1], состоящим из двух элементов. Бинарность, будучи инструментом междисциплинарного подхода, воспринимается как «универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое — отрицает» [1, с. 72].

Задачей данного исследования является выявление и обоснование бинарной оппозиционности в качестве базовой

характеристики функционирования индустрии культуры общества потребления на основе проведенного теоретического анализа.

Мы предполагаем, что именно внутренняя бинарность / внутренний антагонизм индустрии культуры является ее базовой характеристикой и одновременно необходимой движущей силой ее эвристических возможностей.

Методы исследования, теоретическая база. Методологическую базу составляют социокультурный, культурологический и статистический методы междисциплинарного исследования индустрии культуры.

В диалектике Платона термин «бинарная оппозиция» трактовался через комплементарность, взаимодополняемость, а в формальной логике Аристотеля [2] — уже через примеры монархия/тирания, аристократия/олигархия и т. д.

Определение универсальных, тесно связанных между собой бинарных оппозиций, лежащих в основе описания любой картины мира, по словам А. Я. Гуревича, «помогает воспринимать окружающую действительность» [3, с. 7]. Т. В. Цивьян описывает *бинарную модель мира* как систему универсальных бинарных оппозиций, состоящую из 10–20 пар противопоставленных друг другу положительных и отрицательных признаков. «Роль бинарных оппозиций, открытая в XX веке, не знает границ: они употребляются в диапазоне от стихотворного ритма, который построен на бинарном чередовании мельчайших единиц языка (ударный слог — безударный слог), до биологических ритмов дня и ночи, зимы и лета, а также культурных ритмов: идеалистическая культура — материалистическая культура» [4, с. 38–39]. При этом В. П. Руднев особое значение придает медиации, то есть посредничеству между крайними свойствами оппозиции. Вводится третий, срединный элемент, который нейтрализует два противоположных. «Если что-то запрещено, а что-то обязательно, то нечто и разрешено, то есть ни обязательно, ни запрещено. Если есть известное и неизвестное, то есть и полагаемое — известное, но не наверняка» [4, с. 38–39]. Невозможность понимания мира до конца компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения.

Важную роль в осмыслении бинарности сыграли «противоречия» Г. В. Ф. Гегеля как столкновение и разрешение путем объединения, «антиномия» И. Канта [5], антиномический метод

в работах К. Леви-Стросса («мифологическая логика оперирует оппозициями типа «день/ночь», «верх/низ», «правое/левое», причем обычно это не изолированные оппозиции, а их «пучки», ансамбли» [6, с. 171]), К. Маркса, Ф. Ницше. Бинарные оппозиции, антиномический метод познания широко используются в целом в европейской науке и культуре [7].

Интеграционный подход в типологии ценностей реализуют Н. И. Лапин, В. В. Гаврилюк и Н. А. Трикоз [8, с. 210], рассматривая его как выявление межпоколенческих сдвигов в обществе. Этот подход также близок к подходу А. Маслоу. «Терминальные-инструментальные» ценности, по М. Рокичу, выявляют уже трансформации индивидуального сознания.

Т. Парсонс и Э. Шилз предложили определять все человеческие действия пятью парами типовых *антагонистических* переменных на разных уровнях социальной системы и культуры: «аффективность/нейтральность; внутренняя ориентация / внешняя ориентация; универсализм (опора на общепринятые стандарты) / партикуляризм (принятие во внимание конкретных взаимоотношений); атрибуция/достижения; специфичность/диффузность» [9]. Данные различия основывались на параметрах ценностной ориентации.

Исследование взаимосвязи ценностей культуры, экономических установок и отношений к инновациям в России проведено Н. М. Лебедевой с группой авторов [10].

Связь культурных различий с социально-экономическим развитием изучена и в ряде зарубежных исследований (G. Hofstede [11], R. Inglehart [12], S. H. Schwartz и др.). По мнению Р. Инглхарта [12], первичны экономические изменения, запускающие культурные трансформации.

Результаты исследования и их обсуждение. По нашему мнению, с уверенностью можно констатировать наличие как стимулирующего, так и сдерживающего влияния факторов культуры на экономическое развитие. Данное влияние возможно оценить через показатели трансформации структуры социального и культурного капитала конкретного региона, например посредством образования.

Полагаем, что адаптация типологий ценностных установок к практике современного российского общества позволит распределить их по *основным измерениям культуры*, учитывающим традиционную фундаментальную культуру России и

отображающим специфику каждого региона Российской Федерации. «Количественное измерение культур является лишь основой, помогающей оценить конкретную культуру для облегчения принятия решений, выявления степени сопротивления управленческому и другим воздействиям» [11, с. 20].

Базовые характеристики индустрии культуры (цифровизация, урбанизация, фрагментация, узкая специализация, индивидуализм, конвергенция, способность и готовность к новациям и др.), имеющие как положительные, так и негативные проявления в результате многократного, уже не осознаваемого и не воспринимаемого критически применения, закладывают основу *паттернов*, акторов общества потребления [13, с. 75]. Паттерн в самом общем смысле представляет собой схему — образ действия. *Паттерн* (фрагмент, топос) рассматривается как некая *культурная форма*, представляющая *информационно-смысловой* пакет с собственной процессностью. *Культурная форма* — некий типический вариант (модус) упорядоченности элементов медиума и процессности, в частности как форма сетевых отношений типа референций, реляций, селекций, рекурсий и т. д., посредством которых информационно-семиотическое пространство обретает структурность, «телесность» и явленность.

С точки зрения экономики паттерн трактуется как форма рутины, повторяющаяся и видоизменяющееся с течением времени поведение субъектов экономической деятельности, характеризующееся дисфункциональностью, проявляющейся в неформальной институциональной среде присутствием суррогатов/симулякров. *Паттерны/акторы* обнаруживают ключевые характеристики — устойчивую, многократно повторяющуюся динамичную *модель поведения* субъектов экономического процесса в значительных масштабах применения. При этом паттерн «зависит от сложившейся институциональной среды, в которой формальные и неформальные институты, институты-нормы и институты-организации формируют каркас для возникновения и установления желательных с точки зрения экономики и нежелательных паттернов» [14, с. 304].

Под *культурными паттернами* (паттернами культуры) индустриального общества мы понимаем сложившиеся образцы рутинных активных культурных действий, а при определенных сочетаниях с экономическими детерминантами — *паттерны*

активности индустрии культуры. Цифровизация, урбанизация, фрагментация, узкая специализация, индивидуализм, конвергенция, способность и готовность/неготовность к новациям индустриального общества могут выступать данными детерминантами. Паттерны активности индустрии культуры проявляются в количественных показателях эффективности по субрынкам и субъектам деятельности [15].

Визуализация динамики функционирования концертных организаций, самостоятельных творческих коллективов, музеев по регионам РФ отображает принадлежность к полярным суботраслям индустрии культуры: одни можно охарактеризовать как развлекательные, «бренные», другие — как «вечные» традиционные сферы деятельности. Индустрия культуры очень неоднородна по своему составу и включает в себя несколько отдельных специфичных суботраслей, развивающихся в разных направлениях и по разным принципам [16]. С уверенностью можно утверждать, что современная индустрия культуры полностью укладывается в методологию постмодерна и формирует основы для рассмотрения *посткультуры* как перехода к новой смысловой системе с другими ценностными ориентирами.

Как видно из общей картины динамики эффективности индустрии культуры по регионам Российской Федерации [15], прослеживается положительная динамика эффективности на высших уровнях авторской классификации и ухудшение на низших, что свидетельствует об увеличении разрыва между показателями. Бинарность также прослеживается в показателях индекса эффективности и количестве суботраслей с высокими показателями. Данное состояние может быть нивелировано деятельностью удаленных периферийных регионов. Кроме того, столь двойственная динамика эффективности индустрии искусства и культуры демонстрирует необходимость применения качественных показателей деятельности. Разнонаправленность ситуации в индустрии культуры подтверждает существующий в регионах РФ ценностно-смысловой разрыв между показателями.

Это позволяет сделать вывод о возможности поддержки дотационных суботраслей сферы культуры коммерчески ориентированными суботраслями индустрии культуры, а также о необходимости разработки более рациональной стратегии управления деятельностью учреждений искусства и культуры в

каждом субъекте Российской Федерации и конкретных регионах с учетом теоретических разработок по достижению равновесия всей сферы культуры на территории регионов.

Каждое время создает конструкт социально-культурных и ценностно-смысловых ориентиров, и в зависимости от базовых условий предпочтение отдается тем или иным характерологическим признакам. Количественное выражение при сопоставлении с ценностными предпочтениями конкретного субъекта в конкретный временной промежуток формирует точечный ценностно-смысловой конструкт. Современная гибкая методология интеграционных процессов как принципиально новый с методологической точки зрения подход позволяет точно, исходя из конечных целей и показателей деятельности каждого субъекта по каждой из составляющей конструкта, соединять антагонистичные направления (экономические и смысловые).

В результате наблюдаются глубинные процессы перекодирования: приоритетны не классические культурные ценности, а внутренние принципы организации, которые могут оказаться антитезой традиционному пониманию культуры.

Современное напряженное поле смыслов и ценностей нестабильно, ситуативно, четко не определено, не образует жесткой системы, что полностью укладывается в философию постмодерна. По нашему мнению, принцип различия возможно определить как характерный и активный для концептуального аппарата постмодерна. А механизм бинарного колебания от одной противоположности к другой — как характерный для постмодерна. Принцип тождества в концептуальном аппарате постмодерна является не активной, а пассивной его характеристикой.

Общность, единство принципов различия и тождества можно определить как характеристику концептуального аппарата уже метамодерна. Механизмом функционирования метамодерна, на наш взгляд, является многомерная интеграция всех возможных бинарных оппозиций.

В концептуальном аппарате постмодерна истинной в конкретное время и в конкретном пространстве может быть одна из бинарных оппозиционных точек зрения, а в метамодерне истинными могут быть две и более точек зрения (логическая операция конъюнкции).

Ценности транслируются при помощи разных активных доминирующих видов и типов культуры и искусства в разные временные промежутки. Формируются культурные направления региона, которые, по нашему мнению, могут быть рассмотрены как эффективно реализуемые и пользующиеся спросом определенные виды и типы культуры и искусства. Выявление активной доминирующей направленности культуры региона позволяет описать переход от одной стадии траектории развития к другой.

Приведенные типологии ценностей недостаточно рассматривают градацию тех духовно-нравственных ценностей, которые могли бы служить показателем кризисных состояний российского общества. Для этого необходимо практико-ориентированные показатели, и, по нашему мнению, наиболее объективными будут количественные показатели. Возникает потребность в точечном изучении динамики, механизмов, критериев оценки, технологий протекания, причин и последствий духовно-нравственного состояния российского общества, направленном на конкретный субъект.

Бинарная оппозиционность как базовая характеристика индустрии культуры выражает антагонизм и зачастую противоположную направленность её экономических и внеэкономических составляющих. Как следствие, формируется хаос в теоретической и практической сторонах функционирования индустрии культуры. Каждый из столь антагонистичных компонентов может существовать отдельно, но в неразрывном единстве и борьбе они образуют эвристическое наполнение индустрии культуры как интегральной области (рис. 1).

На наш взгляд, экономический компонент индустрии культуры может и должен служить материальной основой для внеэкономического, во многом поднимая его на новый виток развития — через хаос и отрицание. Бинарная оппозиционность индустрии культуры выступает необходимым условием и фактором культурного разнообразия, динамики развития и дальнейшей интеграции.

При помощи визуализации эмпирических данных исследования всей индустрии культуры по регионам Российской Федерации получает обоснование и наглядное представление базовая характеристика, перешедшая в паттерн современной

индустрии культуры — бинарность и, как следствие, фрагментарность. Так как динамичные процессы индустрии культуры характеризуются комплементарностью, следовательно, обладают определенной фрагментарностью, «степенью фрагментации, что создает дополнительные барьеры при организации движения сквозных потоковых процессов» [17, с. 53]. Под фрагментацией понимается «процесс дробления однородного потока (материального, информационного, финансового и др.) на множество мелких частей. Степень фрагментации характеризует количество образовавшихся фрагментов. Чем больше фрагментов, тем выше вероятность увеличения затрат в рассматриваемом потоке» [17, с. 36].

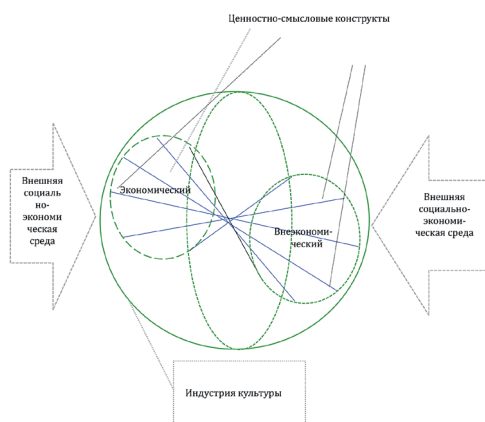

Рис. 1. Бинарная оппозиция в индустрии культуры общества потребления

Барьер — выражение границ фрагментации трактуется как «пересечение материального, информационного, финансового потоков, вызывающее затруднение в прохождении логической цепи» [17, с. 40]. Дифференциация барьеров по уровням затруднений при пересечении разного количества участвующих потоков выделяет два основных уровня барьеров в суботраслях индустрии культуры: барьеры первого уровня (прохождение двух потоков в месте их пересечения во фрагменте суботрасли индустрии культуры); барьеры второго уровня (прохождение трех потоков в месте их пересечения во фрагменте).

Исходя из дифференциации барьеров представляется возможным расширить данные уровни до количества суботраслей индустрии культуры как минимум в месте их фрагментаризации по суботраслям. Степень фрагментации демонстрирует наличие/отсутствие энтропии в индустрии культуры и наличие необходимых условий для реализации эвристического потенциала.

Фрагментарность суботраслей индустрии культуры представляется наиболее наглядно рассмотреть на примере практики функционирования мировой музыкальной индустрии с последующим выявлением бинарных оппозиций в индустрии культуры РФ.

Антагонизм/бинарность в современной индустрии культуры — это одновременно и противопоставление, и союз идеализма и материализма, проявление и борьба антагонистических друг другу факторов в человеческом мире; их антагонизм образует все то, что есть в реальности. Основными признаками двух противоположных направлений индустрии культуры возможно определить: для экономических составляющих — это обычное материальное притяжение (финансовые показатели — прибыль, стоимость и др.), для духовных, нематериальных — смыслы, ценности, мышление, знания, творчество.

Существующая комплементарность (взаимодополняемость) теории и практики функционирования индустрии культуры и конвергенция (сближение, взаимопроникновение) суботраслей и субрынков индустрии культуры являются основой индустриального общества в целом. Наша точка зрения заключается в том, что при сочетании доминирующих практик функционирования суботраслей индустрии культуры с ценностными смысловыми основами традиционной культуры конкретного субъекта (региона, группы населения, учреждения и т. д.) формируются *паттерны (схемы-образы) деятельности конкретного субъекта в конкретный промежуток времени*. Взаимосвязи ключевых ценностей и смыслов, компетенций индивида с внешней для него средой позволяют выявить схемы-образы, паттерны (акторы) исследуемой сферы и эффективно выстроить отношения и стратегии. Применение количественной оценки динамики функционирования позволяет выявить доминирующие суботрасли и закономерности культурного

потребления как интерактивного процесса обмена ценностями и смыслами, за которым стоят определенные паттерны. Через схемы-образы представляется возможным описать множество концептов и траекторий движения и стратегий, используемых повседневно. Индустрия культуры в силу своих специфических характеристик имеет возможность массовой трансляции ценностно-смысловых составляющих.

В результате проведенного анализа нам представляется возможной *классификация культурных паттернов по критерию степени активности: пассивные* (не являются паттернами, начальная нулевая точка отсчета активности), *активные* (оказывающие горизонтальное влияние за счет охвата, объема, массы, масштаба), *лидерские* (оказывающие управленческое вертикальное влияние на все элементы). По критерию целей культурные паттерны возможно классифицировать на: *креативные* (создающие, *порождающие*, определяющие способы создания объектов в системе); *структурные* (определяют способы построения сложных структур из классов и объектов); *поведенческие* (определяют способы взаимодействия объектов в системе).

Также возможно выделить паттерны *параллельной обработки потоков* ресурсов, информационно-аналитических баз данных, *системные* паттерны сложных систем на основе взаимодействия подсистем (отображают компоненты единой метасистемы), *интеграционные* паттерны более высокого уровня, аналогичные паттернам более низких уровней классификации, среди структурных паттернов. Взаимодействие отдельных систем метасистемы структурировано группой паттернов, объединенных методом интеграции (интеграция систем по данным, функционально-центрическая, объектно-центрическая, на основе единой понятийной модели предметной области). Обмен данными между системами интегральной метасистемы структурирован также типами обмена информационно-аналитическими базами данных. Отнесение отдельного паттерна интеграции к тому или иному виду является условным.

Индустрия культуры как «защитный пояс» [18, с. 223] смыслового ценностного ядра культуры, исходя из своей антагонистичности, интегрирует разрозненные хаотичные внутренние элементы и разделяет, дифференцирует традиционную

культуру от воздействующих на нее социально-экономических факторов. Поэтому именно применение гибкой методологии к индустрии культуры для конкретного субъекта, для конкретного сегмента позволяет точно объединить и экономические, и смысловые составляющие для решения единой цели.

При массовом потоковом подходе к функционированию индустрии культуры происходит поляризация: с одной стороны, коммерциализация, ориентированная на получение прибыли и повышение эффективности деятельности учреждений культуры и искусства; с другой — ценностно-смысловое наполнение произведений культуры и искусства фундаментальными мировоззренческими духовными компонентами. Массовое производство или потребление произведений культуры и искусства как цель создания и функционирования проекта/продукта культуры приводит к экономической эффективности, но, как следствие, порождает стоимостные критерии общества потребления, симулякры культуры и искусства, тиражирование и повторение с утратой эвристической составляющей подлинной культуры. Необходимо осознание и рефлексия экономизированного подхода к культуре и тех последствий, к которым доминирование этого подхода приводит в обществе. Именно поэтому необходим точечный подход и гибкая методология к каждому субъекту деятельности и к каждому произведению индустрии культуры, позволяющие объединить столь антагонистичные направления.

Наша гибкая методология точечного применения базируется «на отказе от медиального подхода в трактовке данных индустрии культуры в пользу *точечного*; общей методологии в пользу *субъектного подхода* к исследованию индустрии культуры; дисциплинарного подхода в пользу парадигмального подхода научных исследовательских программ потока теорий; линейной методологии исследования в пользу *гибкой методологии* исследования индустрии культуры; общей модели развития индустрии культуры в пользу *множественности субъектных моделей развития*, обусловленных спецификой экзогенных и эндогенных факторов объекта» [19, с. 223].

Вся совокупность групп методов в процессе гибкого взаимодействия распределяется по оппозиционным направлениям по уровню масштаба «локальные — глобальные», по способу

диагностики изменений «вертикальные — горизонтальные», что нивелирует оппозицию «фундаментальности — практико-ориентированности» методов.

Исходя из своей антагонистичности элементов, индустрия культуры выступает как «защитный пояс» смыслового ценностного ядра культуры, интегрирует разрозненные внутренние элементы и защищает традиционную культуру от прямого воздействия на нее социально-экономических факторов. Поэтому применение гибкой методологии к индустрии культуры, к конкретному субъекту и элементу позволяет объединить и экономические, и внеэкономические смысловые составляющие для достижения единой цели.

При этом бинарность/антагонизм как паттерн функционирования индустрии культуры является необходимым условием возникновения новых форм культурной деятельности и обязательным условием сохранения ценностно-смыслового «твердого ядра» культуры.

Заключение. *Бинарность* современной индустрии культуры выступает её базовой характеристикой, став паттерном при рутинном, многократном и неосмысленном воспроизводстве, при котором истинным остается только одно утверждение. При этом приоритетным является либо экономическая, либо ценностно-смысловая составляющая индустрии культуры. Оптимальным же является соотношение на основе логической *конъюнкции*, когда истинны оба суждения. При соблюдении данных условий создаются возможности для формирования *нового типа индустрии культуры*, в котором экономические факторы не находятся в приоритетном положении, а нематериальные факторы определяют направление развития индустрии культуры [20, с. 74]. Формируется новый тип экономических отношений, отвечающих ценностно-смысловым культурным предпочтениям. Именно подлинные культурные ценности как императив самоограничения субъекта выступают средством создания общественных потребностей в количественных и в качественных результатах.

Мы утверждаем, что в условиях инвариантности и многоуровневого культурного взаимодействия индустрия культуры имеет возможность одновременно сохранять базовые культурные ценности и смыслы, так и разрушать их. Эта антагонистич-

ная функциональность позволяет интерпретировать индустрию культуры [21, с. 21] как уникальный исследовательский объект, выявляющий сложные нелинейные процессы культуры общества потребления.

Данная парадигма развития требует высококвалифицированного компетентного уровня от субъектов деятельности: от работников и производителей и — потребителей результатов культурной деятельности. Новая парадигма развития предполагает междисциплинарные взаимосвязи и освоение новых ключевых сфер деятельности.

В результате основным *паттерном* (схемой-образом деятельности) индустрии культуры как интегральной области экономической и культурной деятельности нами выявляется *бинарность/антагонизм* основных её направляющих. Эмпирически подтверждается *бинарная оппозиционность* индустрии культуры при горизонтальном (временном) и вертикальном (структурном, компонентном) анализе по *основным семи отраслевым группам индустрии культуры* России. При этом именно бинарность/антагонизм как схема-образ действия функционирования индустрии культуры является и необходимым условием возникновения новых форм культурной деятельности, и обязательным условием сохранения ценностно-смыслового «твердого ядра» культуры.

Список источников

1. Трубецкой Н. С. Классификация оппозиций // Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 72–88.
2. Аристотель. Аналитики первая и вторая. М.; Л.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. 489 с.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 359 с.
4. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аграф, 2009. 544 с.
5. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проспект, 2020. 567 с.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2021. 256 с.

8. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105.

9. Parsons T., Shils E. *Toward a General Theory of Action* Parsons. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951. 282 p.

10. Лебедева Н. М. Ценности культуры и модели экономического поведения / под ред. Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. М.: Спутник+, 2011. 390 с.

11. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 616 p.

12. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

13. Мальшина Н. А. Критическое осмысление индустрии культуры и искусства путем выявления латентных паттернов общества потребления. Саратов: СГК им. Л. В. Собинова, 2022. 324 с.

14. Развадовская Ю. В. Новая индустриализация: фазы, доминанты и паттерны // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 52. С. 291–307.

15. Показатели эффективности в сфере культуры // ИНДУСТРИЯКУЛЬТУРЫ.РФ. URL: <https://индустриякультуры.рф/> (дата обращения: 09.01.2023).

16. Хезмондалш Д. Культурные индустрии : монография. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.

17. Брынцев А. Н. Фрагментация и барьеры в логистике. М.: Экономика и жизнь, 2011. 105 с.

18. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–235.

19. Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации: VI Российский культурологический конгресс с международным участием, Москва, 30 октября — 1 ноября 2024 г. : программа, тезисы докладов / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева (Ин-т Наследия) и др.; редкол.: В. В. Аристархов (пред.) и др.. М.: Институт Наследия, 2024. 278 с.

20. Мальшина Н. А. Конъюнкция и дизъюнкция паттернов взаимосвязи экономики и культуры индустриального общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 66. С. 68–74.

21. Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс : монография. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 104 с.

References

1. Trubetsky N. S. Classification of oppositions. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Trans. from German by A. A. Kholodovich. Moscow: Aspect Press, 2000. Pp. 72–88. (In Russ.)
2. Aristotle. *Analitiki pervaya i vtoraya* [Analytics, Parts One and Two]. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Political Literature, 1952. 489 p. (In Russ.)
3. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, 1972. (In Russ.)
4. Rudnev V. P. *Enciklopedicheskij slovar' kul'tury XX veka. 3-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [Encyclopedic Dictionary of 20th Century Culture. 3rd edition, revised and supplemented]. Moscow: Agraf, 2009. 544 p. (In Russ.)
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German by N. O. Lossky. Moscow: Academicheskij Prospekt. 2020. 567 p. (In Russ.)
6. Levi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Thinking]. Moscow: Republic, 1994. 364 p. (In Russ.)
7. Lakoff J., Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow: URSS, 2021. 256 p. (In Russ.)
8. Gavriljuk V. V., Trikoz N. A. Dynamics of value orientations during the period of social transformation (generational approach). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2002, no 1, pp. 96–105. (In Russ.)
9. Parsons T., Shils E. *Toward a General Theory of Action Parsons*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951. 282 p.
10. Lebedeva N. M. *Cennosti kul'tury i modeli ekonomicheskogo povedeniya* [Values of Culture and Models of Economic Behavior]. Edited by N. M. Lebedev, A. N. Tatarko. Moscow: Sputnik+, 2011. 390 p. (In Russ.)
11. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*. Thousand Oaks CA: Sage Publications. 2001. 616 p.
12. Inglehart R., Welzel K. *Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change and democracy. The sequence of human development]. Moscow: New Publishing House, 2011. 464 p. (In Russ.)
13. Mal'shina N. A. *Kriticheskie osmyslenie industrii kul'tury i iskusstva putem vyavleniya latentnyh patternov obshchestva potrebleniya* [Critical understanding of the culture and art industry by identifying latent patterns of consumer society]. Saratov: SGK named after L. V. Sobinov, 2022. 324 p. (In Russ.)
14. Razvadovskaya Yu. V. New industrialization: phases, dominants and patterns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], 2020, no 5, pp. 291–306. (In Russ.)

15. *Pokazateli effektivnosti v sfere kul'tury* [Performance indicators in the field of culture]. Available at: <https://индустриякультуры.рф/> (accessed: 09.01.2023). (In Russ.)

16. Bryntsev A. N. *Fragmentaciya i bar'ery v logistike* [Fragmentation and barriers in logistics]. Moscow: Economy and Life, 2011. 105 p. (In Russ.)

17. Hezmondalsh. *Kul'turnaya industriya* [Cultural Industries]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014. 456 p. (In Russ.)

18. Lakatos I. The history of science and its rational reconstructions. *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskih issledovanij po filosofii nauki* [The structure and development of science. From the Boston Studies in Philosophy of Science]. Moscow: Progress, 1978. Pp. 203–235. (In Russ.)

19. *Kul'turnaya identichnost' v prostranstve tradicii i innovacii: VI Rossijskij kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 30 oktyabrya — 1 noyabrya 2024 g. : programma, tezisy dokladov* [Cultural identity in the space of tradition and innovation: VI Russian Cultural Studies Congress with international participation, Moscow, October 30 November 1, 2024 : program, abstracts of reports]. Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev (Heritage Institute). Moscow: Heritage Institute, 2024. 278 p. (In Russ.)

20. Mal'shina N. A. Conjunction and disjunction of patterns of interrelation between the economy and culture of an industrial society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2024, no 66, pp. 68–74 (In Russ.)

21. Adorno T. V., Horkhajmer M. *Kul'turnaya industriya. Prosveshcheniye kak sposob obmana mass* [Cultural industry. Enlightenment as a way of deceiving the masses]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 104 p. (In Russ.)

Сведения о авторе

Мальшина Наталья Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова (410012, Россия, Саратов, проспект им. П. А. Столыпина, д. 1)

Information about the author

Natalia Anatolievna Malshina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Saratov State Conservatoire named after L. V. Sobinov (1, Stolypin Avenue, Saratov, 410012, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.05.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.06.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 11.08.2025

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Научная статья / Article

УДК 21.29

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-84>

Аврелий Августин о «Граде Божьем» и «Граде земном» и политическом устройстве общества. О «невыученном уроке» политического и социального значения принципа субсидиарности

Сергей Николаевич Большаков

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
snbolshakov@gmail.com

***Аннотация.** Социальное значение учения Аврелия Августина выделяется глубиной изложения идей универсализма в организации социальных отношений, политическое значение организации государства и его социально-политических институтов. В статье выявляется богословская традиция Аврелия Августина интерпретации государства, формы государственной власти, где политика описывается как взаимовлияние «Града Божьего» и «Града земного». Значение философии Августина для политики, экономики и общества заключается в динамике порядка, ведущей к упорядоченному согласию, особенно к относительному миру и справедливости. Констатируется, что *ordo universitatis* не просто космический феномен, а иерархия ценностей, высший уровень*

которой относится к сфере морали. Из смертных существ только человек способен на нравственные действия. По этой причине человек занимает особое место в универсальном порядке. Существует противоречие между предопределением и социальной природой человека, которое побуждает его вступать в сообщество и сохранять мир. Политические институты служат относительно миру и справедливости. Хотя первородный грех и повредил первоначальную природную целостность, человек сохраняет свою социальную природу. Отношения между политической сферой и сферой веры не могут определяться коллективными институтами, а определяются личным участием людей, основанным на ценностях веры. Человеческие отношения основаны на естественной потребности людей жить в обществе.

Ключевые слова: Бог, эсхатология, государство, человек, власть

Для цитирования: Большаков С. Н. Аврелий Августин о «Граде Божьем» и «Граде земном» и политическом устройстве общества. О «невыученном уроке» политического и социального значения принципа субсидиарности // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 84–109. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-84>

Aurelius Augustine on the “City of God” and the “Earthly City” and the political structure of society. On the “unlearned lesson” of the political and social significance of the subsidiarity principle

Sergey N. Bolshakov

Russian State Social University, Moscow, Russia
snbolshakov@gmail.com

Abstract. *The article examines the social analysis of the evolution of the concept of subsidiarity and the interpretive analysis of the teachings of Aurelius Augustine. The social significance of Aurelius Augustine’s teachings is distinguished by the depth of the disclosure of the ideas of universalism in the organization of social relations, and the political significance of the organization of the state and its socio-political institutions. The article reveals the theological tradition of Aurelius Augustine’s interpretation of the state, the form of state power. Politics is based on the mutual influence of the “City of God” and the “Earthly City”. The significance of Augustine’s philosophy for politics, economics, and society lies in the dynamics of order, leading to ordered consent, especially to relative peace and justice. It is stated that “ordo universitatis” is not simply a cosmic phenomenon, but a hierarchy of values, the highest level of which relates to the realm of morality. Of mortal beings,*

only man is capable of moral action. For this reason, man occupies a special place in the universal order. There is a contradiction between predestination and the social nature of man, which encourages him to join the community and maintain peace. Political institutions serve relative peace and justice. Although original sin damaged the original natural integrity, humans retain their social nature. The relationship between the political and religious spheres cannot be determined by collective institutions, but rather by the personal participation of individuals, based on the values of faith. Human relations are based on people's natural need to live in society.

Keywords: *God, eschatology, state, man, power*

For citation: Bolshakov S. N. Aurelius Augustine on the “City of God” and the “Earthly City” and the political structure of society. On the “unlearned lesson” of the political and social significance of the subsidiarity principle. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2026; 1: 84–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-84>

Введение. В современных исследованиях не прекращаются дискуссии о принципе субсидиарности и его влиянии на политическое и социальное устройство общества. Влияние идей социальной справедливой организации общественного устройства, их генезис оказывает влияние на состояние общественных отношений и сегодня. Как отмечал в своей энциклике Папа Пий XI, «понимание среды обитания человека является основой общего благополучия общества и понимания природы человечества с ее гармоничными аспектами личного закона и социальных связей, что также обусловлено здоровьем среды обитания человека. Сообщество образуется за счет благополучия всей общности индивидов и социальных групп, благосостояния отдельных людей, живущих и связанных между собой, они живут вместе с другими» [4].

Многие философы и мыслители посвятили свои труды анализу общественного устройства, влиянию политических и социальных факторов, в т. ч. принципа субсидиарности, на состояние и развитие государственного устройства. Таким видным представителем католического богословия являлся Августин, который пытался создать упорядоченное единство политико-философских элементов. Для понимания кризиса современной Европы важно обратиться к невыученным урокам истории, понять, в какой степени концепция упорядоченного согласия об-

щества Аврелия Августина из Гиппона может быть реализована в контексте принципа субсидиарности. Важно осознать наследие католической социальной мысли, то, как может быть использован принцип субсидиарности в обновленной форме. Это требует междисциплинарного диалога. На основе послевоенной истории Европы обсуждается, какую роль сыграл принцип субсидиарности в практике интеграционного процесса, подчеркивается значимость идей Жака Делора, убежденного федералиста и сторонника католической социальной мысли.

Анализ научных трудов, посвященных творчеству Аврелия Августина, позволяет выделить ключевые аспекты его учения, изложенного в трактате «О Граде Божьем» [1]. Как отмечает К. М. Фирсов [2], Августин разработал теорию «двух градов» — Божьего и земного, которая служит ему для объяснения хода мировой истории через призму христианского мировоззрения.

Эта концепция стала значительным вкладом в развитие христианской церкви. Исследователи акцентируют внимание на понятии божественного закона, который, по Августину, представляет собой вечную и неизменную волю Бога [1]. Этот закон регулирует отношения как в Граде Божьем, так и в Граде земном, где он обретает форму позитивного права и наполняется историческими характеристиками. Исследования В. И. Уколовой и Ю. В. Соколова помещают философию Августина в исторический контекст — эпоху заката Римской империи [3, 4]. Уколова подчеркивает, что этот период, несмотря на политический коллапс, стал временем интеллектуального созидания, где учение Августина задало новые духовные ориентиры. Ю. Соколов [4], в свою очередь, указывает, что Августин рассматривал крах империи как рядовое событие, обусловленное отходом общества от божественных целей. При этом его социологическая модель признает возможность «двойной идентичности», когда человек может быть добродетельным гражданином земного государства и членом церкви.

Методы исследования, теоретическая база. Методологией исследования является социальный анализ эволюции концепции субсидиарности и интерпретационный анализ учений Аврелия Августина. Прагматическая методология анализа направлений теологии и социальной мысли в контексте востребованности научной мысли государствоведения позволяет выявить актуальность и необходимость преемственности религи-

оведческих подходов к роли институтов власти в организации современного государства, роли индивидуального и общественного в организации социальной жизни общества.

Методологическая основа исследования сочетает классические и современные подходы, что позволяет провести комплексный анализ эволюции концепции субсидиарности и её интерпретации в учении Аврелия Августина. Для достижения поставленных целей использованы следующие методы.

Герменевтический метод применяется для интерпретационного анализа текстов Августина. Метод позволяет раскрыть смысловые слои, контекстуальные особенности и богословскую традицию его учения, а также выявить скрытые взаимосвязи между теологическими, политическими и социальными аспектами его мысли.

Концептуальный анализ используется для выявления и систематизации ключевых понятий в учении Августина (*ordo, pax, iustitia, saeculum, civitas Dei, civitasterrena*) и их соотношения с принципом субсидиарности. Метод позволяет проследить семантическую эволюцию понятий в историческом и современном контекстах.

Историко-критический метод применяется для реконструкции исторического и интеллектуального контекста, в котором формировались идеи Августина, а также для анализа влияния его учения на последующую католическую социальную мысль и современные политические теории.

Сравнительный анализ используется для сопоставления идей Августина с современными интерпретациями принципа субсидиарности, в том числе в контексте европейской интеграции, федерализма и цифровой трансформации общества. Метод позволяет выявить преемственность и инновации в развитии социально-политической мысли.

Междисциплинарный синтез объединяет подходы теологии, философии, политологии, социологии и истории идей. Это позволяет рассматривать учение Августина не только как богословскую систему, но и как основу для социально-политического моделирования, актуального в условиях современных вызовов (глобализация, цифровизация, кризис идентичности).

Критический дискурс-анализ используется для изучения современных научных и публицистических текстов, посвящённых

Августину и субсидиарности, с целью выявления доминирующих нарративов, идеологических установок и их влияния на общественное сознание.

Использование указанных методов позволяет не только провести глубокий анализ наследия Августина, но и оценить потенциал его идей для формирования устойчивых социально-политических моделей, основанных на принципе субсидиарности, в условиях современного сложного общества.

Результаты исследования и их обсуждение. Основным материалом для данного исследования послужили ключевые произведения Аврелия Августина, в которых наиболее полно раскрываются его социальные, политические и теологические воззрения. Выбор этих текстов обусловлен их фундаментальной ролью в формировании учения о «двух градах» и его практическом применении к устройству общества. Масштабный трактат «О Граде Божьем» (*De civitate Dei*) [5] является центральным произведением для анализа. Именно в нем Августин детально разрабатывает дихотомию «Града земного» (*civitas terrena*) и «Града Божьего» (*civitas Dei*), которая служит ему метафизической и историософской основой для объяснения социально-политических процессов. Из этого труда почерпнуты основные положения о природе государства, справедливости, мире (*пax*) и их относительном значении в контексте божественного порядка. Работа «Исповедь» (*Confessiones*) [6] в большей степени автобиографична, она имеет критически важное значение для понимания антропологических оснований политической философии Августина. В «Исповеди» раскрывается внутренний мир человека, его борьба с грехом и волей, что является ключом к пониманию его взглядов на поврежденную природу человека после грехопадения и, как следствие, на необходимость политических институтов. Ранний диалог в работе «О порядке» (*De Ordine*) [7] важен для исследования, так как в нем формируется одна из центральных категорий августиновской мысли — понятие «порядка» (*ordo*). Анализ этого произведения позволяет проследить, как философские идеи о порядке мироздания, гармонии и соотношении веры и разума впоследствии были перенесены им в сферу социальной и политической организации. Тексты проповедей и писем (*Sermones, Epistulae*) [8, 9] представляют особую ценность как источник, демонстрирующий практическое приме-

нение теологических принципов Августина к конкретным проблемам пастырской деятельности и управления церковной общиной. Они позволяют увидеть, как теория «двух градов» интерпретировалась самим Августином в контексте повседневных вызовов, включая вопросы власти, послушания, благотворительности и взаимоотношений с гражданскими властями.

Исследовательская проблема состоит и в том, насколько соответствует принцип субсидиарности как основа социальной католической доктрины современному обществу (глобальному, цифровому и т. п.).

Аврелий Августин — личность многогранная. Этот человек не свободен от внутреннего противоречия. Его богословское наследие содержит аргументы, которые сложно понять и трудно интерпретировать. В частности, отношения между свободой и благодатью представляют собой гордиев узел, с которым не смог справиться Августин [10, p. 97].

На заре пути (ранний Августин) ответ «положительно» (да, заслуги могут предшествовать благодати, потому что Бог предвидит их). В зрелости же — ответ Августин дает отрицательный «отрицательно» (нет, даже «заслуги» веры — это результат действия благодати). Ранний Августин «все же предоставил для этого некоторое пространство» (то есть допускал роль человеческого выбора), тогда как поздний Августин это пространство возможностей закрыл. В трактате «О предопределении святых» (428–429 гг.) Августин прямо признаёт эту эволюцию и отказывается от своего раннего мнения: «Он [Августин] признавал, что раньше он думал и писал, что вера... должна быть приписана человеческому действию, а не предваряющей благодати. Также избрание зависит от предвидения «заслуг веры»... Теперь же... он отвергает как неверное свое раннее учение» [5].

Спасение, обещанное человеку, это дар, дар Божий. Человек не может получить это спасение на основании своих собственных заслуг. Благодать необходима человеку для того, чтобы он мог творить добро и желать добра [8]. Т. Д. Вайсенберг описывает сложные отношения между благодатью и свободой. То, что самому Августину также было трудно объяснить взаимосвязь между благодатью и свободой, видно среди прочего из вопроса об Исаве [11]. Почему Исав не был призван повиноваться воле Божией? Ответ Августина заключается в том, что Бог считает свободу человека настолько ценной, что не хочет ее упразднить.

Т. Д. Вайсенберг пишет, что есть и указание на то, что Августин не отказался полностью от идеи универсализма [10, р. 98]. Однако это не совсем убедительно. Августин [10] остался верен диалектике мышления «*ordo*» (с лат. — *порядок*), но изменил свои взгляды на смысл *utilitas* (с лат. — *полезность*).

Августин Аврелий — мастер формулирования глубоких мыслей и прозрений. Особенно в своей риторической полемике он не является терпеливым, логичным и систематическим философом [9]. Сочинения Августина не имеют систематической, заранее продуманной взаимологической структуры. Это не означает, что Августин не придерживался последовательно определенных принципов и направлений рассуждений в своем интеллектуальном оформлении.

Тот, кто читает Августина как философа, ищет не осколки, а скрытую связность, лежащую внутри целого всех элементов.

В «*De Ordine*» молодой Августин верил, что через *ordostudiorum* — *порядок обучения* он сможет получить доступ к преимуществу *ordorerum* — *порядку вещей* в мире через процесс приобретения знаний и через очищение [8, р. 559].

Августин Аврелий критически относился к роли государства, если оно управляется на основе «гордыни», но понимал, что некоторая форма государственной власти всегда необходима для поддержания минимального социального мира — мира земного. Без защиты государства общество развалится из-за анархии и гражданских войн. Ему это было очень близко, поскольку он сталкивался дома с различными вызовами и угрозами, когда ему требовалось государство для его личной безопасности и защиты от *Circumcelliones* — *бродячих аскетов во имя Христа* [7, 8].

Августин не критикует правительство исключительно с моральной точки зрения. Он связывает критику со своим пониманием эффективности государственного управления, особенно масштаба и размера государства.

Именно благодаря личному опыту его доверие римскому правительству подверглось серьезному испытанию. Событием, оказавшим большое влияние на доверие Августина к римскому правительству, стало убийство имперского чиновника и хорошего друга Марцеллина в 413 г. [8].

Согласно Августину, скромное государство с точки зрения территории и использования власти лучше подходит для служения гармонии и миру [8]. Это примечательно, поскольку не-

явно указывает на то, что Августин действительно положительно размышляет о роли государства как альтернативы «Гоббсовского государства», поддерживающего свою власть посредством сдерживания.

В центре внимания, несомненно, находится эсхатологическое измерение «небесного града». Политика не является теологическим объектом изучения Августина [5]. Политику необходимо описывать исходя из реальности *saeculum* (поколения) [8, p. 124]. Для граждан небесного града эсхатологическое измерение теперь совместимо с ответственностью во временном городе *saeculum*.

Первоначально в политических вопросах Августин был ближе к античной традиции, чем к иудео-христианской. Но он развивался, все больше подчеркивая библейскую концепцию трансцендентного царства, в котором человек никогда не мог быть чем-то большим, чем *паломником* (в Древнем Риме — свободные иностранцы, не имевшие ни римского ни латинского гражданства) [6].

Также следует упомянуть, что у Августина присутствует дихотомия теории двух городов — это напряжение между совершенным порядком небесного града Божия, в котором царит совершенный мир и справедливость, и несовершенным порядком и беспорядком земного града человека. Этот земной город есть одновременно Вавилон — противовес небесному Иерусалиму — и также общее жилище всех людей (благочестивых и неблагочестивых) в их земном существовании [11]. В этом земном городе возможен лишь относительный порядок мира и справедливости.

Град *Божий* описан с эсхатологической точки зрения. Приоритетом является осознание человеком необходимости вести жизнь, сосредоточенную на Боге, в ожидании и подготовке к жизни с Богом в будущей жизни. Относительный порядок человеческих дел в земном городе вторичен по отношению к этой перспективе.

Августин осознает, что человек не может жить одним хлебом, но и не без хлеба. Необходима такая форма социального мира, которая обеспечивала бы стабильность и позволяла бы людям жить вместе в гармонии. Упорядоченная гармония небесного города может послужить вдохновением для поиска в духе единства партнерских отношений, способных построить

социальные, политические и экономические структуры, на которых могут быть основаны земной мир и справедливость.

Наследие, оставленное Августином, нельзя отнести к какой-то одной научной категории [12]. Его блестящий ум проявил себя во многих исследовательских областях: риторике, богословии, философии, библеистике, истории, юридических и политических науках, политике и общественной жизни, пастырской деятельности и внутренней жизни человека.

Жизнь можно понять только с большего количества сторон. Это относится к способности понять смысл существования человека как части творения и в еще большей степени к способности понять творение в целом.

Карл Ясперс называл Августина последним великим мыслителем античного мира. Своими идеями Августин соединил традицию классической мысли и Средневековья. Он сделал это во время серьезных потрясений в переходный момент классической цивилизации греков и римлян [13].

Гармония и симметрия создают определенную красоту. Эта красота — результат контраста между вещами, расположенными друг напротив друга [13].

Августин выступает против тех, кто игнорирует прекрасный порядок творения, созданный благостью Божией, в которой сила действует, чтобы показать вещи на их собственном месте и в их собственной природе [11, р. 11]. Не видя красоты порядка, человек не видит скрытой полезности вещей. Августин объясняет неспособность видеть красоту смертным состоянием человека, а это значит, что он вплетен в порядок преходящих вещей и потому неспособен воспринимать целое [10, р. 546]. Связь между единством и красотой также обсуждается в комментарии Августина к Бытию [11, р. 65].

Ничто в мире не может произойти без *ordo* [7]. Августин заимствовал свою философскую концепцию из неоплатонизма, которой он придал своё собственное значение. Чтобы добиться этого, он пересмотрел и переосмыслил все предположения, отчасти под влиянием событий и культуры своего времени [5].

Значение философии Августина для политики, экономики и общества заключается в динамике порядка, ведущей к упорядоченному согласию, особенно к относительному миру и справедливости.

«Динамика порядка» у Августина — это не статичная иерархия, а процессуальная система, в которой порядок (*ordo*) понимается не как раз и навсегда заданная структура, а как направленное движение к цели — к Богу, к миру, к справедливости. Это движение имеет несколько уровней.

- Динамика как любовь (*caritas*). Для Августина высший порядок — это порядок любви, где все сущее упорядочено согласно мере своей любви к Богу и ближнему. Любовь — это активная, устремляющая сила, а не пассивное состояние. Поэтому *ordo* — это не расположение вещей в пространстве, а направленность воли и действий к высшему благу.

- Динамика как диалектика двух градов. Мир — это арена взаимодействия и напряжения между *civitas Dei* (градом Божьим), стремящимся к вечному миру через любовь к Богу, и *civitas terrena* (градом земным), ищущим временного, земного порядка, часто основанного на себялюбии (*cupiditas*). Их взаимоотношения и создают историческую и социальную динамику. Порядок в земном обществе всегда относительный и достижимый лишь как временное согласие (*pax temporalis*) в этом противостоянии.

- Динамика рассматривается и как путь от хаоса к согласию. Вследствие грехопадения человеческая природа несовершенна, и общество склонно к конфликту и распаду. «Динамика порядка» это постоянное усилие человеческого разума, воли и институтов (государства, права) по сдерживанию хаоса и построению относительной гармонии. Это не данность, а задача, процесс «упорядочивания» общественных процессов.

- Истинный порядок начинается с внутреннего мира души (как внутреннего спокойствия), достигнутого через обращение к Богу. Этот внутренний порядок человека, обретаемый в борьбе со страстями, является источником и условием для созидания порядка внешнего социального и политического.

В рамках августиновской онтологии динамика не просто присуща порядку — она является его сущностной характеристикой. Потому что порядок выступает как атрибут Бога-Творца. Бог для Августина — абсолютный и неизменный Порядок. Но акт творения — это динамичный акт Божественной воли и любви, которым тварному миру сообщается стремление (*appetitus*) к своему Творцу как к высшему благу. Само бы-

тие твари — это бытие в движении к Богу. Следовательно, онтологический порядок мироздания — это иерархия не статических сущностей, а степеней и направлений этого устремления.

Время для Августина не просто мера движения, а «растяжение души» (*distentio animi*), связанное с изменчивостью тварного мира. Порядок разворачивается во времени, он историчен. *Ordo saeculorum* (порядок веков) — это Божественный замысел, реализующийся в драме истории через свободные действия людей. В данном контексте онтология порядка — это онтология упорядоченного процесса, драмы спасения.

Неоплатоническая иерархия бытия (Бог — дух — материя) у Августина оживотворяется христианской идеей благодати и любви. Каждая ступень иерархии удерживается в своём статусе и предназначении не механически, а силой любви, которая может быть искажена (грехом) или восстановлена (благодатью). Таким образом, иерархия — это поле напряжения и возможного движения вверх (к обожению) или вниз (к распаду).

«Динамика порядка» у Августина — это ключ к пониманию его социальной философии. Порядок не есть нечто готовое; это цель, усилие и процесс, коренящийся в самой онтологии творения, которая есть динамическое упорядоченное движение любви от Бога и (в идеале) к Богу. Политика, экономика и общество, таким образом, это арена, где эта онтологическая динамика проявляется в стремлении к относительному, хрупкому, но жизненно необходимому согласию (лат. — *consensus*) и земному миру (лат. — *paxterrena*), которые служат подготовкой и отражением (пусть и бледным) вечного мира Горнего Иерусалима.

Это напрямую коррелирует с принципом субсидиарности, который также представляет собой динамическую модель: не жёсткое распределение полномочий, а процесс нахождения баланса, при котором более высокий уровень власти поддерживает и помогает (от *subsidium* — помощь, поддержка) низшему, когда тот не справляется, но не подменяет его. Это тоже «динамика порядка», направленная на достижение общего блага через ответственное участие всех уровней.

Суть мышления Августина об Ordo: Ordo как любовь

Любовь — это суть бытия Бога. Бог совершил акт творения из любви. Это ключевой момент в размышлениях Августина о Боге: «Дорогие братья и сестры, давайте любить друг друга, ибо

любовь исходит от Бога. Кто не любит, тот не знает Бога. Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не знает Бога, ибо Бог есть любовь» (1 Иоанна 4,7-8) [15, р. 1671].

Августин следовал библейской традиции рассматривать человека как существо по образу Божию [6]. Сотворение человека задумано Богом как образ Самого Бога. Будучи «образом Деи», человек получил безусловную любовь Бога [13]. Человечество имеет в качестве отправной точки только одного человека. Бог хотел, чтобы люди осознали, «как угодно Ему единство во множестве» [17, р. 18]. Создатель задумал человека быть частью сообщества, в котором людей связывает не только сходство их натур, но и привязанность, которую влечет за собой их родство. Человек создан Богом как уникальная личность, объединенная в сообщество с другими уникальными личностями на основе родства.

Человек создан по образу Божию, и поэтому свободен. Это достоинство настолько особенное, что у человека есть возможность согрешить, сделав неправильный выбор. По природе порядка творения первый человек обладал возможностью не грешить (лат. — *posse no peccare*). Человек имел возможность выбирать. Свобода воли принадлежит первому человеку. Это состояние пребывания человека в земном рае. Это отличается от небесного бытия, в котором человек находится в состоянии неспособности грешить (*peccare no posse*). Из-за неправильного использования свободы воли человек был вынужден покинуть райское состояние. С тех пор он находится в ситуации, когда не может не грешить (лат. *no posse no peccare*) [16].

Свобода воли позволяет человеку решать, брать на себя ответственность за окружающий мир или нет. Существует связь между свободой воли и ответственностью.

Августин прямо указывает на ответственность человека за упорядоченную гармонию и мир между людьми.

Порядок любви создается гармоничным сочетанием стихий души. Эта гармония является основой внутреннего мира. Упорядочение любви происходит в душе и поддерживается разумом. Внутренний мир в душе есть условие возможности служить внешнему миру в мире [17]. Внешний политический мир следует отличать от мира в сердцах людей. Истинный мир — это внутренний мир как дар спасения, полученный Христом, и резуль-

тат сотрудничества благодати и свободы воли человека. Это не означает, что внешний мир не важен. Это необходимо для стабильности социального порядка [17].

Порядок в обществе невозможен, если человек как личность не сбалансирован. Человек также должен быть в мире с самим собой. Человек может исполнять свою ответственность по отношению к другим только в том случае, если он честен. Целостность должна основываться на целостности (*integitas*). Внутренний мир человека неотделим от его физического состояния. Целостность, о которой говорит Августин, — это целостность всего человека, духовного и телесного. В человеке также должна быть упорядоченная гармония, тело и разум должны быть в равновесии [18].

Без внутреннего мира справедливость не может быть достигнута. То, что внутренний мир должен жить в душе людей, предшествует умению поступать справедливо.

Падение первого человека и его последствия для всего человечества занимают важное место в размышлениях Августина о Боге. Нарушение заповеди не вкушать от древа познания Августин понимает как нарушение божественного порядка. Однако непоправимого разрыва между Богом и человеком не существует. Разгневанный Бог проявляет милосердие. Но Божья благодать приходит не ко всем.

Вкусить от древа познания — это нарушение естественно-го порядка спасения [18]. Это нарушение естественно-го порядка Творца не может быть исправлено самим человеком. Для этого ему приходится полагаться на Божью благодать и милосердие.

По мнению Дина, связь между первородным грехом и неспособностью творить добро посредством свободной воли ведет к «психологии павшего человека» [12]. Политические институты служат относительному миру и справедливости. Хотя первородный грех и повредил первоначальную природную целостность, человек сохраняет свою социальную природу [10, р. 703]. Человек может иметь добрую волю, но этого недостаточно. Он также должен иметь возможность реализовать эту добрую волю. Он получает эту способность только по благодати Божией, а не по своим собственным заслугам. Поэтому настоящая свобода возможна только в благодати. Поэтому тот, кто не причастен бла-

годати Божией, не способен творить добро. Г. А. Дин придерживается аналогичной линии рассуждений [12, р. 25]. Важно четко различать, что подразумевается под «свободой воли», свободой выбора между добром и злом или свободой действительно делать добро. Эта последняя свобода совершенно отсутствует у падшего человека [13, р. 25].

В наказание за грехопадение человеку пришлось столкнуться со смертью. Через пришествие Спасителя приходит чудесная благодать, которая делает наказание за грех подчиненным справедливости [12].

Наказание за грехи не только *справедливо*, но и *направлено* на исправление грешника и возвращение к Богу [13, р. 70]. По мнению Августина, наказание — это не форма холодной беспощадности, направленная на месть, а напротив, сияние милосердия Божия.

Отец церкви использует термин «гнев из милосердия» [16]. Наказывающее милосердие не только имеет значение для наказываемого грешника, но и оказывает влияние на *мир* в целом. Педагогическая функция наказания зла важна на благо доброго человека. Зло развернуто как *божественная педагогика* [17]. Зло не является частью Божьего порядка. Бог использует зло для блага всех в *ordinatio utilitas (выгоды организации)* [18]. Он, по словам Отца Церкви, «совершенно праведный устроитель злых движений воли» [18].

Существует противоречие между предопределением и социальной природой человека, которое побуждает его вступать в сообщество и сохранять мир. Люди сами создают свое время. Каковы люди, такие и будут времена [21]¹. Работа Августина посвящена внутреннему спасению человека через его сосредоточенность на Боге. Однако он понимает, что политика важна для организации общества в *saeculum* (с лат. — «век, столетие») таким образом, чтобы люди могли существовать в мире. Реальность *saeculum* должна быть описана в исторических или политических терминах, а не в теологических.

В *saeculum* люди несут ответственность за организацию [11, р. 619] своих социальных и политических дел в соответствии

¹ «Плохие времена, тяжелые времена — вот что продолжают говорить люди; но давайте жить хорошо, и времена будут хорошие. Мы — это время: какие мы есть, такие и времена».

с относительным порядком (*conditio pro ipsorum humanarum ordine*). Отход от идеи *tempora Christiana* не означал, что человечеству придется продолжать историю как множество отдельных личностей. Августин говорил: «Мы — это время» [13, р. 41]. Он не сформулировал политической или социальной теории о том, как должно формироваться это «мы», за исключением того, что оно должно служить мирному сосуществованию людей в существовании земного града.

Saeculum предоставляет религиозным и нерелигиозным гражданам совместную платформу, позволяющую придать форму их ответственности за социальный мир [8, р. 102].

Без внутреннего мира человека в его отношениях с Богом невозможен внешний мир в человеческой жизни. «Ордо-мышление» Августина имеет антропологическое измерение. Бог знает каждого человека как личность. Универсальный порядок — это непосредственный порядок. Диалектика между всеобъемлющим и исключительно близким является существенной чертой «ордо-мышления» Августина.

В земном существовании люди должны взять на себя ответственность за содействие установлению мира и справедливости, упорядоченного в соответствии с социальной природой, которую люди унаследовали через творение. Задача людей состоит в том, чтобы организовать *rerum humanarum* (с лат. — *человеческие дела*) таким образом, чтобы существовал гармоничный баланс. Для этого необходимы социальные, политические и экономические структуры, которые не позволяют людям погрузиться в хаос из-за взаимных разногласий. Баланс в обществе должен быть динамическим балансом, в котором каждый вносит свой вклад в разнообразие внутри целого благодаря своей уникальности.

Упорядоченная гармония в земном существовании человека поддерживается миром и справедливостью, вдохновленными совершенным миром и справедливостью, которых не может быть от мира сего.

Г. К. Аркильер видит, как Августин развивает точку зрения, согласно которой естественный порядок поглощается сверхъестественным порядком. Поэтому государство должно относиться к церкви так же, как естественный порядок относится к сверхъестественному [19, р. 36]. Отсюда следует, что мир и спра-

ведливость земного града имеют лишь символическое значение. В земном граде нет настоящего мира и справедливости, потому что они не основаны на божественной благодати. Для Августина государство было светским, а не миссионерским, но оно является частью социального сообщества, которое в силу своей человеческой природы несет ответственность за справедливость [5, р. 201].

Отношения между политической сферой и сферой веры не могут определяться коллективными институтами, а определяются личным участием людей, основанным на ценностях веры.

Августин Аврелий книгой XIX [8, р. 71], где он впервые очень критично пишет о политическом управлении земным градом, позже меняет отношение и становится менее полемичным и отстраненным по отношению к ценности коллективных структур для социальной жизни.

Идея использования *pax terrena* (с лат. — мир земной) как своего рода гражданского общества, в котором церковь и государство, несмотря на их фундаментальные различия и разделение, могут поддерживать друг друга ради взаимной выгоды, не умаляет существенного различия между двумя городами.

Совершенный мир и справедливость возможны только с Богом / без Бога?

Мирная совместная жизнь создает определенный мир и стабильность, необходимые для того, чтобы иметь возможность жить свободно. Каждый из нас предпочитает выбрать хорошую жизнь. Будучи пастором, Августин Аврелий приобрел большой опыт преодоления трудностей, с которыми сталкивались многие члены общества. Он заботился о практических нуждах людей. Социальная забота и ответственность друг за друга — важный элемент мира, «града земного» [8, р. 374]. Но земное использование благ не должно стать самоцелью. Земной мир особенно необходим для того, чтобы люди могли жить богоцентрической жизнью.

Функция земного мира — в конечном счете приблизить людей к совершенному миру, а не удержать их от этого посредством земных удовольствий. Отправной точкой должна быть общая, а не самоприсвоенная выгода.

Каждый несет ответственность за поддержание упорядоченного единства. Послушание должно основываться не на при-

нуждении и страхе, а на стремлении к согласию и миру. Властные отношения должны основываться на принципах «любить ближнего» и «советоваться с ближним» (на лат. *diligere proximum* и *consulere proximo*) [8, p. 70]. Хотя Августин подчеркивает, что отношения власти и послушания должны основываться на отношениях любви, тексты по-прежнему имеют авторитарный тон [8, p. 71].

Если государственная община сравнима с семьей, то сопоставима ли власть государства с ролью отца *семейства*?

Интерпретация М. Бруно [21, p. 18] состоит в том, что государство происходит от семьи как первой, наиболее примитивной формы человеческого со-общества.

Модель *pater familias* не может быть использована для объяснения политических институтов. Августин видит в роли отца образец поведения политиков, а не организации политических институтов.

Когда мы говорим о государстве, мы имеем в виду общественный институт, осуществляющий власть. В обязанности этого органа входит установление и обеспечение соблюдения законов Земли. Государство издает приказы на основании закона. Они имеют другой порядок, чем приказы *отца семейства*. Упорядоченное единство города (града земного) отличается от единства домов-владений.

Человеческие отношения основаны на естественной потребности людей жить в обществе. За столом переговоров граждане городов могут добиться сосуществования. Таким образом, «мирный стол» является важным антропологическим и человеческим элементом в идеях Августина [6, p. 55]. Он не заменяет идеал «Града Божьего», но помогает человечеству построить достойное бытие в своем смертном существовании.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы относительно связи между социальным порядком домов и политическим порядком города.

Отец *семейства* следит за тем, чтобы живущие вместе в его доме стремились к внутреннему миру в рамках городских правил. Внутренний мир не является навязанным миром в городе, так же как порядок в доме не является навязанным порядком.

Отец семейства (*Pater familias*) образует как бы связующее звено *между* миром народа и миром города. Без этого связующего стержня гармония между целым и частями невозможна.

Единство достигается не через принуждение, а через взаимодействие заботы и послушания. Благодаря заботе власть воспринимается как справедливая. Таким образом, справедливость способствует послушанию и, следовательно, гармонии [8, p. 965].

В земном граде правитель имеет власть только над теми земными вещами, которые необходимы для того, чтобы сделать возможной земную жизнь.

Нейтралитет земного смешанного города продолжает антропологическую линию идей Августина. Общая человеческая природа приносит не только разрушение, но и возможности. Минимальный мир возможен на основе консенсуса в отношении ценностей, касающихся общественной жизни [20, p. 89]. Консенсус касается внешнего, а не внутреннего мира. Этот консенсус далек от идеала.

Скептический реализм Отца Церкви не следует интерпретировать как форму консерватизма. Риторика Аврелия Августина может дать повод для такого предположения. Концепция упорядоченного спокойствия (лат. — *tranquillitas ordinis*) не является застывшим порядком в статичной вселенной [21, p. 517]. Мир всех вещей — это спокойствие порядка. Этот порядок представляет собой расположение равных и непохожих вещей, посредством которого всему отведено свое место. Спокойствие порядка — это динамическое спокойствие благодаря этому процессу организации.

Мир должен постоянно проявлять себя и не может оставаться ограниченным определенной земной формой реализации. Со стороны Августина наблюдается большое нежелание восставать против государственной власти [22, p. 114]. Однако послушание не является безоговорочным. Власть должна быть направлена на цель земного мира, и не должно быть никаких препятствий для религии, которая стремится к совершенно упорядоченной и единой солидарности в наслаждении Богом и друг другом в Боге.

В целом Т. Д. Вайсенберг приходит к выводу, что Августин как реалист и эксперт по политической реальности больше

склонен к сохранению существующих социальных или политических структур, чем к их изменению [10].

Именно в этом мышление Августина отличается от мышления Платона и Аристотеля. Августин использует различие между *paх aeterna* (мир небесный) и *paх temporalis* (мир земной) как дихотомию, чтобы пояснить, что ни один земной мирный порядок не может претендовать на окончательный и завершённый характер. Диалектика этого напряжения проходит общей нитью через все книги «*Decivitate Dei*» (с лат. — «Град Божий»).

Совершённый мир и справедливость — это перспектива вечности. Но и временное пребывание в земном граде должно быть упорядочено, чтобы сделать возможным относительный покой.

Аврелий Августин ставит слабого человека в центр. Земное существование должно быть сносным, несмотря на все невзгоды. Забота друг о друге в обществе является частью благотворительности.

Все люди должны иметь возможность делить друг с другом минимум мира. Делиться этим миром также означает обеспечивать хлебом, которым можно делиться друг с другом.

Это антропологическое измерение возникает из реализма Августина, но особенно из его исходной точки, согласно которой всеобъемлющий *ordo* — это мир любви Бога к человеку.

Ordinata concordia (с лат. — «гармоничное согласие») социального мира требует от человека не только внешнего, но и внутреннего мира. Мир поддерживается человеческими действиями, основанными на моральной ответственности за других людей.

Августин видел, что человек способен построить земной мир и справедливость, несмотря на трудный, бурный мир, в котором оказались все поколения.

Все люди разделяют цель земного мира. Это не значит, что все люди в земном городе одинаковы.

Все высказывания Августина, касающиеся социальных и политических проблем, можно рассматривать с двух разных точек зрения. В рамках интерпретации отправной точкой является неспособность грешного человека отразить небесный мир в земном существовании, каким бы малым оно ни было. Перспектива в этой структуре — это грех, падение и первородный грех,

наказание и покаяние. В другом исходное положение состоит в том, что через разумную часть души и через свою природную общественную, социальную природу человек может каким-то образом служить миру, хотя бы это и есть в самом благоприятном случае лишь бледное отражение небесного мира.

Земной мир есть иллюзия и уж точно не является отражением небесного мира, даже в самом разбавленном его виде. Между *ordo, pax* и *iustitia* (с лат. — *порядок, мир, справедливость*) существует динамика, но это движение несправедливости и недовольства. Эту негативную динамику необходимо контролировать в реальности, суть которой не вера, надежда и любовь, а хаос, отчаяние и насилие. Роль государства состоит в том, чтобы обуздать этот хаос посредством вооруженного мира.

После грехопадения милосердный Бог дал человеку новые институты, чтобы сдерживать человеческую жадность и насилие в его новом греховном существовании, чтобы не допустить полного краха общества и впадения в анархию. Эти институты также включают политический порядок. Целью этих институтов является наказание и предоставление ресурсов, необходимых грешному человеку в его земном существовании.

Невозможно, чтобы стабильность и мир могли быть достигнуты естественным путем. Это происходит посредством неестественных вспомогательных структур, таких как институты собственности и имущества, правовые нормы и политический порядок. Земной мир не может быть достигнут естественным и стихийным путем, его можно достичь только посредством принуждения и репрессий.

Бог как *Высшая Справедливость* создал следы и образы, которые указывают на то, что является сутью мира, гармонии и порядка и что помогает человечеству достичь человеческого общества [5]. Эти *крепости* являются отправной точкой для грешного человека в обществе, основанном на порядке, мире и справедливости. Однако репрессивное правительство необходимо. Тяжелая рука правительства необходима для поддержания земного порядка.

В мировоззрении Августина центральное место занимает греховность человека, вызванная его бунтом против Бога. Без грехопадения вообще не было бы необходимости в государ-

стве, а гармоничные отношения регулируются естественным законом.

Заключение. Государство — не естественная часть жизни, а неестественное вмешательство в порядок творения. В такой трактовке государство вносит не моральный вклад в общество, а инструментальный, поддерживающий людей и не дающий им обратиться к саморазрушению. Дефицит ресурсов является стимулом для достижения хорошего управления [23]. В рамках обсуждаемой интерпретации нехватка земных благ приводит к гоббсовской войне всех против всех. Каждый человек видит себя центром Вселенной. Через грехопадение человек подражает дьяволу. Падший человек один на один разворачивается в войне всех против всех, по мнению Т. Гоббса.

Истинно христианское государство на земле невозможно, потому что условие истинной справедливости, которое является *непременным условием христианского государства*, никогда не может быть выполнено. Стремление к христианскому государству означало бы, что средства насилия и принудительные меры земного государства не могут найти в нем места [22, р. 137]. Спонтанный порядок любви без инструментов принуждения вскоре превратился бы в свою противоположность, а именно в полную анархию.

Созидательная роль государства в обеспечении земного мира и справедливости исчезает из поля зрения. Это означает, что задача принятия ответственности в рамках социального и политического порядка в сотрудничестве между христианами и нехристианами отходит на второй план.

Земная жизнь — это испытание. Для избранных это предвкушение того, что их ждет после земной жизни. Для избранных это очищение, которое необходимо пережить в ожидании вечной праведности. Жизнь христианина также включает в себя стремление к миру через приверженность делу здесь и сейчас.

Несмотря на падение человека, есть надежда. Добродетель надежды играет важную посредническую роль в человеческом существовании. Августин указывает, что надежда на вечный мир придает жизни христианина новое качество [22].

Августин исходит из отправной точки справедливости как внутренней личной добродетели. Он также использует ее в социальных и политических целях [21]. Особенно это обсуждается

в вопросе о справедливой войне. Августин связывает с этой концепцией ряд условий, таких как право на защиту жизни и свободы, служение миру и благополучию общества [4]. Августин не рассматривает войну как естественную неизбежность. Войну нельзя оправдать «нейтральными» военными или деловыми соображениями. Для Августина мир — это абсолютная ценность, которой должна быть подчинена всякая война.

Августин устанавливает высокую планку добродетели справедливости. Как и мир, земная справедливость является лишь слабым отражением небесной справедливости [23]. Умеренность предполагает соблюдение меры.

Понятие «меры» составляет существенную часть мыслей Августина о гармонии и упорядоченном согласии. Существует мера каждой части и полноты целого.

Жизнь в сообществе требует образа жизни, направленного на рост каждого отдельного человека и сообщества в целом. Взаимодействие друг с другом требует динамического взаимодействия между участниками и сообществом.

Список источников

1. Епифанова Т. В., Буреев А. А. Божественный закон в *decivitate dei* Августина Блаженного (354–430 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 231–236. DOI: 10.12737/16835

2. Фирсов К. М. Сравнение Града земного и Града Божьего по Августину Аврелию // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых : сборник материалов научно-практических конференций, Владимир, 18 марта 2019 года. Владимир: ВГУ им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2019. С. 1810–1816.

3. Уколова В. И. Время и история на исходе империи: Аврелий Августин // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 12–36.

4. Соколов Ю. В. Проблематика социального коллапса в творчестве Августина Аврелия // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 4 (15). С. 128–133. DOI: 10.46741/sgjournal.2024.15.4.018

5. Aurelius Augustinus. *De stad van God [De civitate Dei]* / vertaald en ingeleid door Gerard Wijdeveld. Amsterdam: Ambo-Anthos, 2014. 961 p.

6. Aurelius Augustinus. *Belijdenissen [Confessiones]* / ingeleid, vertaalden van aantekeningen voorzien door Wim Sleddens. Eindhoven: Damon, 2017. 52 p.

7. Aurelius Augustinus. Het huis op de rots: Verhandeling over de bergrede [De sermone Domini in monte] /vertaald, ingeleid en van aantekeningen voorzien door Leo Wenneker en Hans van Reisen. Budel: Damon, 2007. 232 c.
8. Aurelius Augustinus. Sermones 302. Vertaling Edmund Hill. New York: New City Press, 1994. 332 p.
9. Aurelius Augustinus. De goedegeur van Christus. Preken over heiligen [Sermones de sanctis] / ingeleid, vertaalden van aantekeningen voorzien door A. Akkermans, E. Van Ketwich-Verschuuren, H. Van Reisen. Budel: Damon, 2010. 50 p.
10. Weissenberg Timo J. Die Friedenslehre des Augustinus: Theologische Grundlagen und ethische Entfaltung. Stuttgart: W. Kohlhammer, 2005. 717p.
11. Bouton-Touboulic Anne-Isabelle. L'ordre caché: La notion d'ordre chez saint Augustin. Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 2004. 641 p.
12. Deane Herbert A. The Political and Social Ideas of St. Augustine. Foreword by Richard A. Munkelt: A response to Herbert Deane. Tacoma: Angelico Press, 2013. 412 p.
13. Williams Rowan. Politics and the Soul. In A reading of the City of God // Milltowns Studies. 1987. Pp. 55–72.
14. Geest van Paul. Morality in the Marketplace: Reconciling Theology and Economics. Leiden, Boston: Brill, 2022. Pp. 41–43.
15. De Bijbel. De nieuwe Bijbelvertaling met Deuterocanonieke boeken. Hertogenbosch: Katholieke Bijbelstichting, 2004. 1671 p.
16. Ahn In-Sub. Augustine and Calvin about Church and State: A Comparison. Kampen: Drukkerij Van Den Berg, 2003. 137 p.
17. Markus R.A. Saeculum: history and society in the theology of St. Augustine. Cambridge UK, New York: Cambridge University Press, 2007. 104 p.
18. Budzik Stanislaw. Doctor Pacis: Theologie des Friedens bei Augustinus. Innsbruck: TyroliaVerl., 1988. 65p.
19. Arquillière Henri-Xavier. L'augustine politique: Essai sur la formation des theories politiques du Moyen Âge. Paris: J. Vrin, 1955. 36 p.
20. Ratzinger Joseph. Ecumenism and Politics, New Endeavors in Ecclesiology. Vertaling Michael Miller. San Francisco: Ignatius Press, 2008. 201 p.
21. Bruno Michael J. S. Political Augustinianism: Modern Interpretations of Augustine's Political Thought. Minneapolis: Fortress Press, 2014. 18 p.
22. Rief J. Der Ordobegriff des jungen Augustinus. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1962. 358 p.
23. Ruokanen Miikka. Theology of Social Life in Augustine's De civitate Dei. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. 115p.

References

1. Epifanova T. V., Bureev A. A. The Divine Law in Augustine the Blessed's De Civitate Dei (354–430). *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Cen-

tral Russian Bulletin of Social Sciences]. 2015. Vol. 10. No 6. Pp. 231–236. DOI: 10.12737/16835. (In Russ.)

2. Firsov K. M. Comparison of the City of Earth and the City of God according to Augustine of Hippo. *Dni nauki studentov Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha I Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh : sbornik materialov nauchno-prakticheskikh konferencij, Vladimir, 18 marta 2019 goda* [Days of Science of the Students of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov: Collection of Materials of Scientific and Practical Conferences, Vladimir, March 18, 2019]. Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, 2019. Pp. 1810–1816. (In Russ.)

3. Ukolova V. I. Time and History at the End of the Empire: Aurelius Augustine. *Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. 2013. No 17 (118). Pp. 12–36. (In Russ.)

4. Sokolov Yu. V. The Problem of Social Collapse in the Works of Augustine of Hippo. *Vserossijskij nauchno-prakticheskij zhurnal social'nyh i gumanitarnyh issledovanij* [All-Russian Scientific and Practical Journal of Social and Humanitarian Research]. 2024. No 4 (15). Pp. 128–133. DOI: 10.46741/sgjournal.2024.15.4.018. (In Russ.)

5. Avrelij Avgustin. *De stad van God [De civitate Dei]*. Vertaald en ingeleid Dzherarda Vejdevel'da. Amsterdam: Ambo-Antos, 2014. 961 p.

6. Aurelius Augustinus. *Belijdenissen [Confessiones]*. Ingeleid, vertaalden van aantekeningen voorzien door WimSleddens. Eindhoven: Damon, 2017. 52 p.

7. Aurelius Augustinus. *Het huis op de rots: Verhandeling over de bergrede [De sermone Domini in monte]*. Vertaald, ingeleiden van aantekeningen voorzien door Leo Wennekeren Hans van Reisen. Budel: Damon, 2007. 232 p.

8. Aurelius Augustinus. *Sermones 302. Vertaling Edmund Hill*. New York: New City Press, 1994. 332 p.

9. Aurelius Augustinus. *De goedgeeur van Christus. Preken over heiligen [Sermones de sanctis]*. Ingeleid, vertaalden van aantekeningen voorzien door A. Akkermans, E. Van Ketwich-Verschuuren H. Van Reisen. Budel: Damon, 2010. 50 p.

10. WeissenbergTimo J. *Die Friedenslehre des Augustinus: Theologische Grundlagen und ethische Entfaltung*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 2005. 717 p.

11. Bouton-Touboulic Anne-Isabelle. *L'ordrecaché: La notion d'ordre chez saint Augustin*. Paris: Institutd'ÉtudesAugustiniennes, 2004. 641 p.

12. Deane Herbert A. *The Political and Social Ideas of St. Augustine*. Foreword by Richard A. Munkelt: A response to Herbert Deane. Tacoma: Angelico Press, 2013. 412 p.

13. Williams Rowan. Politics and the Soul. In *A reading of the City of God. Milltowns Studies*. 1987. Pp. 55–72.

14. Geest van Paul. *Morality in the Marketplace: Reconciling Theology and Economics*. Leiden, Boston: Brill, 2022. 180 с.
15. De Bijbel. *De nieuwe Bijbelvertaling met Deuterocanonieke boeken*. Her-togenbosch: Katholieke Bijbelstichting, 2004. 1671 p.
16. Ahn In-Sub. *Augustine and Calvin about Church and State: A Comparison*. Kampen: Drukkerij Van Den Berg, 2003. 137p.
17. Markus R. A. *Saeculum: history and society in the theology of St. Augustine*. Cambridge UK, New York: Cambridge University Press, 2007. 104p.
18. Budzik Stanislaw. *Doctor Pacis: Theologie des Friedens bei Augustinus*. Innsbruck: Tyrolia Verl., 1988. 65p.
19. Arquillière Henri-Xavier. *L'augustine politique: Essai sur la formation des theories politiques du MoyenÂge*. Paris: J. Vrin, 1955. 36 p.
20. Ratzinger Joseph. *Ecumenism and Politics, New Endeavors in Ecclesiology. Vertaling Michael Miller*. San Francisco: Ignatius Press, 2008. 201 p.
21. Bruno Michael J. S. *Political Augustinianism: Modern Interpretations of Augustine's Political Thought*. Minneapolis: Fortress Press, 2014. 18 p.
22. Rief J. *Der Ordbegriff des jungen Augustinus*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1962. 358p.
23. Ruokanen Miikka. *Theology of Social Life in Augustine's De civitate Dei*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. 115p.

Сведения об авторе

Большаков Сергей Николаевич, доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Россия, 125993, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1)

Information about author

Sergey N. Bolshakov, Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, Professor, Russian State Social University (building 1, 4, Wilhelm Pieck str, Moscow, 125993, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.11.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.01.2026
Принята к публикации / Accepted for publication 30.01.2026

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 372.8

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-110>

ВКР-стартап как эффективный формат методической подготовки будущих учителей иностранного языка

**Юлия Юрьевна Барышникова¹,
Наталья Владимировна Чупрова²**

Сыктывкарский государственный университет имени
Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹ baryshnyouyou@yandex.ru

² natalia.v.chuprova@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается эффективное решение проблемы методической подготовки студентов-бакалавров для обеспечения готовности школьников к успешной сдаче основного государственного экзамена (ОГЭ) по английскому языку на примере работы над выпускной квалификационной работой (ВКР-стартап) и ее защиты в Институте иностранных языков ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина».*

Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: внедрение инновационного формата «ВКР-стартап» в образо-

вательный процесс позволяет осуществлять методическую подготовку будущих учителей на другом мотивационном и, следовательно, более высоком уровне, чем обычная выпускная работа.

Основными эмпирическими методами в исследовании являются количественный и качественный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, опытное обучение и методический эксперимент. Анализ результатов ОГЭ по английскому языку в Республике Коми за последние 3 года (статистические данные успешной или неуспешной государственной итоговой аттестации участников ОГЭ, получивших «хорошо» за весь экзамен, типичные ошибки участников во всех заданиях с развернутым ответом), рассмотрение результатов опроса учителей английского языка позволили выявить проблему подготовки обучающихся образовательных организаций Республики Коми к выполнению заданий с развернутым ответом (недостатки учебно-методических комплексов, нехватка кадров, высокая загруженность учителей, невладение учителями методикой оценивания заданий ОГЭ с развернутым ответом). Разработанный ВКР-стартап представляет бизнес-модель онлайн-курса, включающего комплексы упражнений, разработанных с учетом формата заданий ОГЭ, критериев их оценивания, методические рекомендации по их использованию в учебном процессе, позволяет решить выявленную проблему. Апробация комплексов упражнений в образовательных организациях г. Сыктывкара (Республика Коми) подтверждает их высокую практическую значимость.

Ключевые слова: *ОГЭ, задания с развернутым ответом, письменная часть, устная часть, ВКР-стартап, упражнения, типичные ошибки*

Для цитирования: Барышникова Ю. Ю., Чупрова Н. В. ВКР-стартап как эффективный формат методической подготовки будущих учителей иностранного языка // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 110–126. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-110>

A final qualification work-startup as an effective format for methodological training of future foreign language teachers

Yulia Yu. Baryshnikova¹, Natalia V. Chuprova²
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ baryshnyouyou@yandex.ru

² natalia.v.chuprova@mail.ru

Abstract. *The article discusses an effective solution of the problem of methodological training of the bachelors for preparing the schoolchildren for a successful passing the Main State Exam in English by example of preparation*

and defense of a final qualification work-startup at the Institute of foreign languages at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. The research hypothesis can be formulated as following: the introduction of an innovative format of a final qualification work-startup into the educational process allows to carry out methodological training of future teachers at a different motivational and, therefore, higher level than the usual final work.

The basic empirical methods used in the study are quantitative and qualitative analysis, comparative-contrastive methods, teaching experience, and a methodological experiment. The analyses of the results of the Main State Examination in English in the Komi Republic within the last 3 years (statistical data of successful and unsuccessful state final certification of the participants of the Main State Examination (MSE) who got a "4" for the whole exam, the participants' typical mistakes in all the tasks which need a detailed answer), consideration of the results of a survey conducted among teachers of English allowed to identify a problem in preparing the students of secondary educational establishments in the republic of Komi to fulfill the tasks with the detailed answers (shortcomings of the educational and methodological kits, shortage of teaching staff, high workload of teachers, not knowing the peculiarities of the assessment of the tasks with detailed answers in the MSE). The prepared final qualification-startup contains a business-model of an online-course including sets of exercises which are worked out considering the format of the tasks in the MSE, the assessment criteria of these tasks, methodological recommendations of how to use these exercises in the educational process, and allows to solve the revealed problem. Testing the worked out sets of exercises in the secondary educational establishments in Syktyvkar (Republic of Komi) proves the high practical significance.

Keywords: *Main State Examination (MSE), tasks with detailed answers, written part, oral part, final qualification work-startup, exercises, typical mistakes*

For citation: Baryshnikova Yu. Yu., Chuprova N. V. A final qualification work-startup as an effective format for methodological training of future foreign language teachers. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2026; 1: 110–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-110>

Введение. В последние годы в Республике Коми количество участников ОГЭ по английскому языку достаточно высокое, и с каждым годом количество 9-классников, сдающих ОГЭ по английскому языку в качестве экзамена по выбору, растет. В 2025 г. количество участников ОГЭ увеличилось по сравнению с 2024 г. на 40 человек. Растет и процент от общего числа участников (в

2023 г. — 5,91 %, в 2024 г. — 6,24 %, в 2025 г. — 6,55 %). Большинство участников ОГЭ в 11-м классе выбирают единый государственный экзамен (ЕГЭ) по английскому языку, так как успешное прохождение ЕГЭ по данному предмету позволяет поступить на многие направления в высших учебных заведениях. Необходимо также добавить, что обучающиеся, которые не сдают ОГЭ по английскому языку, должны также успешно выполнять задания контрольно-измерительных материалов (КИМ), потому что они соотносятся с результатами освоения обучающимися основных образовательных программ основного общего образования, соответствующих требованиям федерального государственного образовательного стандарта. Следовательно, подготовка к ОГЭ в общеобразовательной школе должна осуществляться на высоком уровне, и нынешние учителя, как и будущие учителя английского языка, должны быть методически подготовлены к обучению школьников к выполнению заданий, представленные в КИМ ОГЭ, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Целью исследования является теоретическое и практическое обоснование подготовки и защиты ВКР-стартапа как эффективного решения проблемы формирования профессиональных компетенций студентов-бакалавров — будущих учителей иностранного языка для подготовки обучающихся к успешной сдаче ОГЭ по английскому языку.

В ходе исследования решались следующие задачи:

— анализ результатов ОГЭ по английскому языку за последние 3 года в Республике Коми;

— анализ результатов развернутых ответов разделов «Письменная речь» и «Говорение» и выявление наиболее частых типичных ошибок;

— анализ результатов анкетирования учителей иностранного языка;

— выявление проблем при подготовке обучающихся к ОГЭ по английскому языку в общеобразовательных организациях;

— описание преимуществ ВКР-стартапа для устранения выявленных проблем.

Методы исследования, теоретическая база. В рамках исследования применялись как теоретические методы — анализ нормативных документов, регламентирующих ОГЭ (ФГОС, кодификатор, спецификация), так и эмпирические — анализ типич-

ных ошибок обучающихся при выполнении письменной и устной части ОГЭ; опрос учителей английского языка из ГОУ «КРЛ при СГУ» (г. Сыктывкар), МАОУ «СОШ № 24 им. Каллистрата Жакова» (г. Сыктывкар), ГАОУ РК «Лицей для одаренных детей» (г. Сыктывкар), МОУ «СОШ № 9» (г. Сыктывкар), МАОУ «СОШ № 12 им. Олега Кошевого» (г. Сыктывкар), МБОУ «Гимназия № 2» (г. Инта), МОУ «Гимназия № 1» (г. Печора), МБОУ «Вильгортская школа № 1» (с. Вильгорт), МБОУ «СОШ» с. Визинга, МБОУ «Пажгинская СОШ» (с. Пажга), МБОУ «СОШ» с. Усть-Кулом, МБОУ «Ижемская СОШ» (с. Ижма), МБОУ «Сизябская СОШ» (с. Сизябск), опытно-экспериментальная работа с участием трёх студентов Института иностранных языков ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» и 28 обучающихся МАОУ «СОШ № 12 им. Олега Кошевого», МАОУ «Гимназия № 1» и МАОУ «СОШ № 38 имени 28-й стрелковой Невельской Краснознаменной дивизии», выбравших ОГЭ по английскому языку в качестве одного из экзаменов по выбору. Теоретической базой исследования послужили идеи, изложенные в трудах отечественных ученых И. Л. Бим [1], И. А. Зимней [2], Р. К. Миньяр-Белоручева [3], А. А. Миролубова [4], Е. И. Пасова [5].

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно статистико-аналитическому отчету о результатах ГИА-9 в Республике Коми в 2025 году, общее количество сдававших ОГЭ по английскому языку составляло 645 человек, из которых лишь 96 учатся и проживают в сельской местности. Небольшое количество участников из сельских средних общеобразовательных школ обусловлено несколькими факторами: нехваткой учителей иностранного языка, заниженной мотивацией обучающихся, отсутствием дополнительных ресурсов при подготовке к ОГЭ и невладением учителями методикой оценивания заданий с развернутым ответом и стратегиями выполнения такого типа заданий.

В целом результаты ОГЭ по английскому языку являются положительными. Наблюдается небольшое уменьшение количества обучающихся, получивших отметку «5», по сравнению с 2024 годом (43,26 % и 48,51 % соответственно). Однако количество обучающихся, получивших «хорошо» и «удовлетворительно», увеличилось на 43 и 13 человек соответственно. Стоит также отметить, что количество участников, получивших «неудовлетворительно», уменьшилось на 1 по сравнению с 2024 г. (18 человек).

Обучающиеся лицеев, гимназий сдают ОГЭ лучше, чем обучающиеся средних общеобразовательных школ (в 2025 г. доля участников ОГЭ, получивших «4» и «5», из СОШ составила 76 %, из гимназий — 89 %, из лицеев — 97 %)¹, что связано, на наш взгляд, с более высокой мотивацией обучающихся, с ббльшим количеством часов на иностранный язык, с более высокой методической и языковой подготовкой самих учителей английского языка.

В ОГЭ по английскому языку включены разные типы заданий: 34 задания с кратким ответом (раздел 1 «Задания по аудированию», раздел 2 «Задания по чтению», раздел 3 «Задания по грамматике и лексике») и четыре задания с развёрнутым ответом (раздел 4 «Задание по письменной речи» и раздел 5 «Задания по говорению»)².

В настоящем исследовании рассматриваются только задания с развернутым ответом. При анализе результатов их выполнения за основу берутся работы участников, получивших «4» за весь экзамен, так как в образовательных организациях число «хорошистов» всегда выше, чем «отличников» или «неуспевающих» учеников. В ОГЭ по английскому языку представлены четыре задания с развернутым ответом, а именно написание электронного письма личного характера (задание 35 в разделе «Письменная речь»), задание «Чтение вслух» (задание 1), «Диалог-расспрос» (задание 2), «Тематическое монологическое высказывание» (задание 3) в разделе «Говорение».

Рассмотрим последовательно результаты и основные трудности выполнения каждого из четырех вышеупомянутых заданий. В целом средний процент выполнения задания 35 ОГЭ по региону достаточно неплохой (75,01 %). Данное задание оценивается по четырём критериям: «Решение коммуникативной задачи» («РКЗ»), «Организация текста» («ОТ»), «Лексико-грамматическое оформление», «Орфография и пунктуация».

¹ Статистико-аналитический отчет о результатах ГИА-9 в Республике Коми. Глава 2. Английский язык. URL: http://ricoko.ru/wp-content/uploads/2025/08/CAO%209/Глава%202_Английский%20язык.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

² Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2025 году основного государственного экзамена по иностранному языку // ДемOVERсии, спецификации, кодификаторы. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 01.10.2025).

Детальный анализ результатов по каждому критерию оценивания показал, что среди участников, получивших «4» за весь экзамен, 3 % получили 0 баллов по критерию «РКЗ». По критерию «ОТ» у 6 % хорошистов 0 баллов. 35 % участников данной категории не справились с критерием «Лексико-грамматическое оформление», 9,24 % — с критерием «Орфография и пунктуация».

Анализ выполнения заданий с развернутым ответом раздела «Говорение» показал, что 28 % участников ОГЭ (хорошистов) не справились с заданием базового уровня «Чтение текста вслух». Несмотря на достаточно лояльное оценивание задания 2 в разделе «Говорение» (диалог-расспрос), только 13 % участников рассматриваемой категории получили максимальный балл.

Задание 3 (тематическое монологическое высказывание) раздела «Говорение» оценивается по трем критериям: «РКЗ», «Организация высказывания» («ОВ»), «Языковое оформление» («ЯО»). 2 % не справились с критерием «РКЗ» монологического высказывания базового уровня; 11,24 % получили 0 баллов по критерию «ОВ», 25,3 % — 0 баллов по критерию «ЯО»¹.

Обратимся к анализу типичных ошибок при выполнении задания с развернутым ответом раздела «Письменная речь» отдельно по каждому критерию.

По критерию «РКЗ» можно отметить тот факт, что зачастую обучающиеся дают неточный / неполный ответ на вопрос, представленный в письме-стимуле. Кроме того, присутствует большое количество ошибок в стилистом оформлении электронного письма личного характера (путают завершающую фразу и фразу, выражающую надежду на последующие контакты, в подписи присутствует не только имя пишущего) и в соблюдении норм вежливости (не благодарят за полученное письмо, или не выражают положительные эмоции от получения письма, или совершают языковые ошибки, которые, согласно критериям, равнозначны отсутствию элементов письма, в которых эти ошибки допущены).

По критерию «ОТ» типичными ошибками являются: некорректное деление на абзацы; отсутствие коннекторов или их не-

¹ Статистико-аналитический отчет о результатах ГИА-9 в Республике Коми. Глава 2_Английский язык. URL: http://ricoko.ru/wp-content/uploads/2025/08/CAO%209/Глава%202_Английский%20язык.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

правильное использование; отсутствие логических переходов от одного абзаца к другому; логические ошибки при ответах на вопросы.

Лексико-грамматическое оформление текста всегда вызывает наибольшие затруднения (использование местоимений, артиклей и предлогов; неправильное употребление видовременных форм, глагола-связки; незнание и неправильное употребление лексических единиц в контексте).

Орфографические и пунктуационные навыки сформированы лучше, но можно выделить следующие частотные ошибки: написание с заглавной буквы слова в середине предложения; незнание правил пунктуации личного письма; отсутствие апострофов и т. д.

Анализ выполненных заданий с развернутым ответом раздела «Говорение» позволил также выделить типичные ошибки. При выполнении задания на чтение вслух у многих обучающихся наблюдается неправильное произношение звуков [θ], [ð], [r], [z:], [w]; оглушение в конце слов; неправильное чтение числительных, а также не сформированы навыки интонационного оформления разных типов предложения, деления на синтагмы, что свидетельствует о непонимании содержания читаемого текста.

Задание 2 вызывает следующие трудности: непонимание вопроса и наличие большого количества лексико-грамматических и произносительных ошибок. В задании 3 по критерию «РКЗ» участники дают неполные или неточные ответы на пункты плана (часто ответ состоит из одного предложения); нередко используют топики при раскрытии пунктов плана. Ошибки по критерию «ОВ» являются подобными тем, которые были указаны при анализе задания 35. Также у многих наблюдается отсутствие вступительной и заключительной фраз.

Размышляя о причинах типичных ошибок, мы предположили, что возможно, во-первых, методико-содержательная составляющая учебно-методических комплексов (УМК) по английскому языку несовершенна. В связи с этим был проведен опрос учителей иностранного языка (15 человек) «Считаете ли Вы, что в УМК по английскому языку представлено достаточное количество заданий и упражнений для эффективной подготовки к ОГЭ?», который показал, что упражнений и заданий недостаточно и учителя

лям необходимо дополнительно разрабатывать упражнения, но это посилено лишь учителю, владеющему спецификой заданий ОГЭ и критериями их оценивания. В результате наблюдаются следующие недочеты: учителя при подготовке к ОГЭ акцентируют внимание на работу над языковыми шаблонами письма личного характера и монологического высказывания, что приводит к отсутствию естественного характера речи; наблюдается заучивание необходимых клише; часто обучающиеся не умеют выражать и аргументировать свое мнение, логично и связно строить высказывание; при обучении технике чтения не учитывается интонационное оформление текста и его смысловое понимание. Таким образом, происходит «натаскивание» на успешное выполнение заданий ОГЭ, а не развитие коммуникативной компетенции. Однако это идет вразрез с целью обучения, так как результатом освоения учебного предмета «Иностранный язык» является применение знаний, умений и навыков не только в учебных ситуациях, но и в реальных жизненных условиях¹.

Во-вторых, нехватка профессиональных кадров ведет к снижению качества преподавания английского языка. В настоящее время почти во всех школах Республики Коми в качестве иностранного языка изучается английский язык, что приводит к тому, что многие учителя иных иностранных языков с большим стажем работы вынуждены преподавать английский язык, который они изучали в качестве второго иностранного языка в вузе, что требует дополнительной языковой подготовки и приводит к нехватке времени на разработку специальных упражнений и заданий для подготовки обучающихся к ОГЭ.

Все указанные причины, ведущие к появлению ранее рассмотренных типичных ошибок, могут быть отчасти устранены молодыми профессиональными педагогическими кадрами, чья методическая подготовка ведется в институте иностранных языков.

Студенты института иностранных языков — будущие учителя иностранных языков — изучают методику обучения ино-

¹ Кодификатор проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования и элементов содержания для проведения основного государственного экзамена по английскому языку // Демоверсии, спецификации, кодификаторы. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 01.10.2025).

странным языкам в рамках дисциплин «Методика обучения иностранным языкам», «Технология обучения иностранным языкам». Что касается особенностей заданий, представленных в ОГЭ по английскому языку, аспекты и критерии их оценивания изучаются в рамках дисциплины «Подготовка школьников к ОГЭ и ЕГЭ по английскому языку» на 4-м курсе, в 7-м семестре. Учебный план выстроен таким образом, что к прохождению производственной практики (педагогическая практика в образовательных организациях) студенты хорошо умеют использовать современные методики и технологии для обеспечения качества образовательного процесса на конкретной ступени конкретного образовательного учреждения; осуществлять оценку качества образовательного процесса; создавать условия для рефлексии учащимся результатов работы; применять информационные технологии и специализированное программное обеспечение для обеспечения качества образовательного процесса на конкретной ступени конкретного образовательного учреждения, а также знают содержание спецификации, кодификатора, демоверсий ОГЭ по английскому языку. Однако курс по подготовке школьников к ОГЭ и ЕГЭ по английскому языку рассчитан всего на 15 практических занятий и не позволяет студентам разрабатывать комплексы специальных упражнений для всех заданий с развернутым ответом, представленных в ОГЭ. Мы считаем, что эффективным решением данной проблемы может быть написание ВКР-стартапа.

ВКР «Стартап как диплом» — это работа, описывающая стартап-проект, которая разрабатывается одним или несколькими обучающимися и демонстрирует уровень подготовленности выпускника к самостоятельной профессиональной деятельности, сформированности компетенций, установленных федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования или образовательными стандартами, самостоятельно разработанными образовательными организациями высшего образования¹.

¹ Методические рекомендации для образовательных организаций высшего образования по формированию экосистемы, направленной на развитие практик сопровождения обучающихся при подготовке и защите выпускных квалификационных работ в формате «Стартап как диплом» // О направлении методических рекомендаций от 29 сентября 2022 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352181469> (дата обращения: 30.09.2025).

Наряду с высокой результативностью такого формата подготовки и защиты ВКР для инженерных и экономических специальностей, ВКР-стартап имеет свои преимущества для студентов, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Основным достоинством такой работы является формирование профессиональных компетенций для реализации в дальнейшей педагогической и проектной деятельности в образовательных организациях. Рассмотрим преимущества ВКР-стартапа для методической подготовки студентов — будущих учителей английского языка на примере стартапа «Разработка онлайн-курса для подготовки обучающихся к ОГЭ по английскому языку».

В рамках написания ВКР-стартапа был создан такой онлайн-курс, который системно формирует речевую компетенцию посредством комплекса упражнений, разработанных по принципу от легкого к сложному, с учетом содержания всех критериев оценивания по каждому заданию. Следует подчеркнуть, что ВКР-стартап, продуктом которого является онлайн-продукт, предназначенный для обучения иностранным языкам, имеет определенные трудности для преподавателя-руководителя, так как требует от него владения цифровыми и технологическими компетенциями: знание образовательных платформ, форматов (микрорлернинг, геймификация) и инструментов для создания интерактивного содержания. Цифровая грамотность современных студентов чаще выше, чем у преподавателей.

Работа над ВКР-стартапом для студентов направления подготовки «Педагогическое образование», несомненно, имела ряд преимуществ. Обзор и анализ существующей теоретической литературы по вопросам методики преподавания письменной и устной иноязычной речи позволил студентам научно обосновать разрабатываемые авторские комплексы упражнений для подготовки к выполнению всех заданий с развернутым ответом в ОГЭ. Детальное изучение нормативных документов (ФГОС, кодификатор, спецификация, демоверсии) привело к осознанному пониманию содержания заданий ОГЭ и критериев их оценивания.

В рамках данного стартапа студентами под руководством преподавателя были разработаны комплексы упражнений на выполнение тех проблемных заданий из разделов «Письменная речь» и «Говорение», о которых шла речь ранее. Считаю важным отметить, что при переходе к написанию практической части ра-

боты преподавателю-руководителю ВКР необходимо проводить предварительную методическую подготовку студентов, а именно: 1) анализ существующих в методике преподавания иностранных языков упражнений для формирования конкретных навыков и развития умений речевой деятельности; 2) анализ типичных ошибок обучающихся при выполнении заданий ОГЭ по английскому языку; 3) сопоставление существующих упражнений и типичных ошибок с целью их устранения. Такая работа позволит студентам самостоятельно сделать вывод о существовании конкретных методических «дефицитов» при подготовке обучающихся к ОГЭ по английскому языку и понимании актуальности разработки собственных комплексов упражнений.

Разработанные студентами комплексы упражнений имеют высокую практическую значимость, так как в них представлены упражнения, соответствующие обучению отдельным аспектам согласно критериям оценивания заданий, то есть идет пошаговая подготовка к выполнению заданий с развернутым ответом ОГЭ. Так, например, представленный в работе комплекс упражнений на обучение письму личного характера состоит из двух серий, соответствующих критериям «РКЗ» и «ОТ» (задание 35 «Электронное письмо личного характера» оценивается по четырем критериям: «РКЗ», «ОТ», лексико-грамматическое оформление, орфография и пунктуация¹, 3-й и 4-й критерии не рассматривались в работе, так как объем ВКР ограничен). Были представлены упражнения, обучающие нормам вежливости, стиливому оформлению, полному и точному ответу на вопросы, правильному делению на абзацы с корректным использованием средств логической связи. В завершение работы обучающимся предлагается написать электронное письмо личного характера другу по переписке в ответ на его / ее письмо-стимул, используя сформированные навыки и умения в ходе выполнения упражнений предлагаемого комплекса.

Как было сказано выше, одним из заданий раздела «Говорение» является чтение вслух. Мы разделяем мнение Н. В. Угловой в том, что навык чтения — фундамент образования, способству-

¹ Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов основного государственного экзамена 2025 года по английскому языку. Письменная часть // Демoversии, спецификации, кодификаторы. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 01.10.2025).

ющий получению знаний в современном обществе [6, с. 12]. Для обучения чтению вслух студенты разработали комплекс упражнений, включающий задания на распознавание звуков и отработку правильного произношения; распределение слов по правилам чтения, составление тематических полей с целью понимания смысловозначительной функции звуков; задания на анализ текста с точки зрения деления на синтагмы и их правильного интонационного оформления. Завершают комплекс упражнений задания на чтение текстов вслух с опорой на приобретенные навыки.

Исключению типичных ошибок при выполнении задания «диалог-расспрос» способствует предложенный в ВКР специальный комплекс упражнений. Все задания были разработаны к диалогам-расспросам, представленным в открытом банке заданий на сайте ФИПИ. Предложенные упражнения включают в себя задания на сопоставление вопросов и ответов на них, выбор правильного ответа на вопрос, расширение предложенного начала ответа на вопрос.

Поскольку задание 3 ОГЭ в разделе «Говорение» (тематическое монологическое высказывание) имеет похожие критерии оценивания, как в задании 35, а именно «РКЗ» и «ОТ»¹, то представленный в ВКР-стартапе комплекс упражнений на обучение тематическому монологическому высказыванию также состоит из двух серий, соответствующих вышеназванным критериям.

Представленный комплекс содержит в себе подготовительные упражнения, которые позволяют пошагово подготовиться к самостоятельному созданию монолога. Выполняя упражнения из серии «РКЗ», обучающиеся учатся критически анализировать представленную тему и продуцировать соответствующее ей содержание. Кроме того, упражнения нацелены на обучение выражению и аргументированию собственного мнения. Следует отметить, что разработчики упражнений предлагают их выполнение в письменной форме с постепенным переходом к устному формату. По мнению ученых, при выполнении заданий в письменной форме подключаются все анализаторы (акустический, речедвигательный, зрительный и т. д.), что способствует более качественному освоению и запоминанию матери-

¹ Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов основного государственного экзамена 2025 года по английскому языку. Устная часть // Демoversии, спецификации, кодификаторы. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 01.10.2025).

ала [3, с. 190; 7, с. 298]. Письменная форма позволяет анализировать и редактировать содержание высказывания, что способствует предотвращению ошибок при последующем продуцировании устного высказывания.

Одной из типичных ошибок участников ОГЭ является отсутствие вступительной и / или заключительной фразы. Конечно, есть клишированные фразы, которые можно выучить наизусть, но данные фразы могут не соотноситься с содержанием предлагаемой темы. Как считает С. Д. Кацнельсон, любое «словесное воспроизведение знаний требует всякий раз словесной импровизации, форма и объем которой меняются в значительных пределах в зависимости от ситуативных условий» [8, с. 111]. Необходимо также отметить, что тематическое монологическое высказывание предполагает включение элементов неподготовленной речи, которая, по мнению П. Б. Гурвича и Р. З. Шлямберга, заключается в использовании усвоенного языкового материала в новых комбинациях [9, с. 29].

По определению Г. В. Роговой, монолог состоит из ряда логически последовательно связанных между собой предложений, интонационно оформленных и объединенных содержанием или предметом высказывания [10, с. 127]. Неудивительно, что аспектами критерия «ОВ» является логичность и использование средств логической связи, которые вызывают определенные трудности для участников ОГЭ и являются типичными ошибками.

Все представленные упражнения из серии «ОВ» учитывают типичные ошибки по данному критерию.

Отметим положительные моменты созданного в рамках написания ВКР-стартапа онлайн-курса.

Во-первых, практическая значимость разработанных комплексов упражнений безусловна, так как все упражнения прошли апробацию во время преддипломной практики студентов 5-го курса (10-й семестр) в общеобразовательных организациях г. Сыктывкара и показали свою эффективность. В начале практики обучающимся было предложено выполнить задания с развернутым ответом ОГЭ, которые были оценены согласно критериям ФИПИ. У большинства участников были выявлены типичные ошибки, описанные выше. К концу практики, после выполнения всех комплексов упражнений, обучающиеся успешнее справились с этими заданиями и получили более высокие баллы. Учителя английского языка данных школ отметили, что раз-

работанные комплексы действительно ведут к систематизации знаний, пониманию формата и критериев оценивания заданий ОГЭ и более осознанному их выполнению. Также учителями было отмечено, что участники апробации получили «4» и «5» за ОГЭ по английскому языку.

Во-вторых, подобный онлайн-курс дает возможность выполнять задания с развернутым ответом и получать обратную связь от учителей, являющихся экспертами ОГЭ по английскому языку. Данный курс доступен для школьников, проживающих и в сельской местности, у которых часто нет возможности получить обратную связь от экспертов, которые бы оценивали их работы согласно критериям.

В-третьих, студенты-разработчики ВКР-стартапа могут обновлять и дополнять комплексы упражнений на постоянной основе. Все разработчики уже осуществляют профессиональную деятельность в образовательных организациях Республики Коми и используют результаты ВКР-стартапа в работе. Благодаря такому формату ВКР студенты не только повысили свою методическую компетентность, но и овладели предпринимательскими компетенциями (составление SWOT-анализа, разработка финансовой модели).

В-четвертых, несмотря на то, что ВКР-стартап предусматривает выполнение упражнений в рамках онлайн-курса, все комплексы упражнений можно использовать в традиционном формате на уроке. Данные комплексы упражнений могут быть использованы любым учителем, так как в самой работе разработаны методические рекомендации по их использованию, которые дают представление о последовательности упражнений, принципах их построения, возможностях использования в разных формах работы и с учетом уровня подготовки обучающихся.

Заключение. Мы пришли к выводу о том, что написание ВКР-стартапа способствует высокому уровню методической подготовки студентов — будущих учителей иностранного языка, которые не только готовы разрабатывать авторские комплексы упражнений, корректные с точки зрения языка и методики, но и представлять их в формате бизнес-проектов. Содержание ВКР-стартапа для студентов педагогического направления может включать разработку продуктов, решающих актуальные для образовательных организаций проблемы по методике обучения иностранным языкам. Считаем эффективным выполнение ВКР-стартапа по за-

казу общеобразовательных организаций. Представленный в исследовании ВКР-стартап является востребованным среди учителей школ Республики Коми, уже заказано учебно-методическое пособие, содержащее комплексы упражнений.

Список источников

1. Бим И. Л. Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач. Общая методика обуч. иностр. яз. : хрестоматия. М.: Русский язык, 1991. С. 99–111.
2. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: Модэк, 2001. 428 с.
3. Миньяр-Белоручев Р. К. Вопросы теории контроля в обучении иностранным языкам // ИЯШ. 1964. № 6. С. 64–67.
4. Миролюбов А. А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2010. 464 с.
5. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1988. 277 с.
6. Углова Н. В. Формирование читательской и коммуникативной грамотности обучающихся : методические материалы. М.: ИРО, 2021. 112 с.
7. Гез Н. И., Ляховицкий М. В., Миролюбов А. А., Фоломкина С. К., Шатилов С. Ф. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Высш. школа, 1982. 373 с.
8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М.; Л.: Наука, 1972. 216 с.
9. Гурвич П. Б. Обучение неподготовленной речи // Иностранные языки в школе. 2024. № 4. С. 28–35.
10. Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

References

1. Bim I. L. *Podhod k probleme uprazhnenij s pozicii ierarhii celej i zadach. Obshchaya metodika obuch. inostr. yaz. : hrestomatiya* [An Approach to the Problem of Exercises from the Position of the Hierarchy of Goals and Objectives. General Methods of Teaching Foreign Languages : Reader]. Moscow: Russkij yazyk, 1991. Pp. 99–111. (In Russ.)
2. Zimnyaya I. A. *Lingvopsihologiya rechevoj deyatel'nosti* [Lingvopsychology of speech activity]. Moscow: Mosk. psihol.-soc. in-t. Voronezh: Modek, 2001. 428 p. (In Russ.)
3. Min'yar-Beloruchev R. K. Issues of control theory in teaching foreign languages. *IYASH* [Foreign language at school]. 1964. No 6. Pp. 64–67. (In Russ.)

4. Mirolyubov A. A. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: tradicii i sovremennost'* [Methods of Teaching Foreign Languages: Traditions and Modernity]. Edited by A. A. Mirolyubov. Obninsk: Titul, 2010. 464 p. (In Russ.)

5. Passov E. I. *Osnovy kommunikativnoj metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication]. Moscow: Russkij yazyk, 1988. 277 p. (In Russ.)

6. Uglova N. V. *Formirovanie chitatel'skoj i kommunikativnoj gramotnosti obuchayushchihsya: metodicheskie materialy* [Development of reading and communicative literacy of students: methodological materials]. Moscow: GAUDPO LO «IRO», 2021. 112 p. (In Russ.)

7. Gez N. I., Lyahovickij M. V., Mirolyubov A. A., Folomkina S. K., Shatilov S. F. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v srednej shkole* [Methods of teaching foreign languages in secondary schools]. Moscow: Vyssh. shkola, 1982. 373 p. (In Russ.)

8. Kacnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Language typology and verbal thinking]. Moscow: Leningrad: Nauka, 1972. 216 p. (In Russ.)

9. Gurvich P. B. Teaching Unprepared Speech. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages in School]. 2024. No 4. Pp. 28–35. (In Russ.)

10. Rogova G. V. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v srednej shkole*. [Methods of teaching foreign languages in secondary schools]. Moscow: Proshchshchenie, 1991. 287 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Барышникова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Чупрова Наталия Владимировна, старший преподаватель, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Information about the authors

Yulia Yu. Baryshnikova, PhD in Philology, Associate professor Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, 167001, Russia)

Natalia V. Chuprova, Senior lecturer Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.11.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.12.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 27.12.2025

Научная статья / Article

УДК 378

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-127>

Формирование профессиональной субъектной позиции курсантов военного вуза: теоретико-методологический и эмпирический аспекты

Денис Валерьевич Вилисов

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Denis.vilisov85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9487-8479>

Аннотация. *Профессиональная субъектная позиция представляет собой важнейший элемент личностного и профессионального развития будущих офицеров, определяющих их способность к осознанному принятию решений, ответственности за свои действия и активной гражданской позиции в условиях их профессиональной деятельности. На сегодняшний день недостаточно разработана проблема формирования профессиональной субъектной позиции у курсантов военного вуза как интегративного качества личности, обусловленного спецификой военной профессии. В современных реалиях, на фоне проведения специальной военной операции данная проблема приобретает новое звучание: современный офицер должен не только обладать профессиональными компетенциями, но и демонстрировать высокий уровень мотивации, психологической устойчивости и способности к самоорганизации в условиях неопределённости. Недостаточное внимание со стороны исследователей к данному феномену ограничивает возможности совершенствования образовательных программ в военных образовательных организациях высшего образования. Целью данного исследования является выявление особенностей формирования профессиональной субъектной позиции у курсантов военного вуза и разработка рекомендаций по её развитию на основе анализа факторов образовательной среды с учётом современных требований, в частности обусловленных проведением специальной военной операции. В рамках нашего исследования использовался комплекс методов: анализ научной литературы, интервьюирование, опрос, тестирование, контент-анализ. Теоретической основой послужили положения деятельностного подхода*

да, концепция субъектности и компетентностного подхода в образовании. Полученные результаты позволили выделить уровни сформированности профессиональной субъектной позиции, определить доминирующие факторы влияния образовательной среды и предложить модель педагогического сопровождения. Исследование вносит вклад в развитие научного знания в области военно-профессионального образования и может быть использовано при разработке программ воспитательной работы и психолого-педагогического сопровождения курсантов в период их обучения в военном вузе.

Ключевые слова: профессиональная субъектная позиция, курсант военного вуза, военно-профессиональное образование, субъектность, образовательная среда, личностное развитие, военная педагогика

Для цитирования: Вилисов Д. В. Формирование профессиональной субъектной позиции курсантов военного вуза: теоретико-методологический и эмпирический аспекты // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 127–144. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-127>

Formation of the professional subject position of military university cadets: theoretical, methodological and empirical aspects

Denis V. Vilisov

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army
I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation,
Novosibirsk, Russia
Denis.vilisov85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9487-8479>

Abstract. *A professional subject position is an essential element of the personal and professional development of future officers, determining their ability to make informed decisions, take responsibility for their actions, and take an active civic position in their professional activities. To date, the problem of forming a professional subject position among military university cadets as an integrative personality quality determined by the specifics of the military profession has not been sufficiently developed. In modern realities, against the background of a special military operation, this problem acquires a new meaning: a modern officer must not only possess professional competencies, but also demonstrate a high level of motivation, psychological stability and the ability to self-organize in conditions of uncertainty. Insufficient attention from researchers to this phenomenon limits the possibilities of improving educational programs in military educational institutions of higher education.*

The purpose of this study is to identify the features of the formation of a professional subject position among military university cadets and to develop recommendations for its development based on an analysis of educational environment factors, taking into account modern requirements, in particular those caused by a special military operation. Within the framework of our research, a set of methods was used: analysis of scientific literature, interviewing, survey, testing, content analysis. The theoretical basis is based on the provisions of the activity approach, the concept of subjectivity and the competence approach in education. The obtained results made it possible to identify the levels of formation of a professional subject position, identify the dominant factors of influence of the educational environment and propose a model of pedagogical support. The research contributes to the development of scientific knowledge in the field of military vocational education and can be used in the development of educational work programs and psychological and pedagogical support for cadets during their studies at a military university.

Keywords: professional subject position, military university cadet, military professional education, subjectivity, educational environment, personal development, military pedagogy

For citation: Vilisov D. V. Formation of the professional subject position of military university cadets: theoretical, methodological and empirical aspects. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 127–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-127>

Введение. Современные трансформации в сфере обороны и безопасности, обусловленные технологическим прогрессом, изменением характера военных конфликтов и усилением гибридных угроз, предъявляют новые требования к подготовке военных специалистов. Сегодня от будущих офицеров ожидается не только безупречное владение профессиональными компетенциями, но и способность к самостоятельному принятию решений в условиях неопределённости, готовность нести ответственность за их последствия, а также развитое критическое мышление и лидерские качества. Профессиональная субъектная позиция выступает ключевым фактором, обеспечивающим эффективность военного специалиста в динамично меняющейся оперативной обстановке. Она характеризуется осознанной вовлечённостью в профессиональную деятельность, устойчивой мотивацией к саморазвитию и готовностью к рефлексивной оценке собственных действий [1]. Для курсантов военных вузов формирование данной позиции имеет особое значение,

поскольку закладывает основу их будущей офицерской идентичности, управленческой культуры и способности управлять своими подчинёнными в экстремальных условиях.

Научно-педагогическая мысль последних пяти лет уделяет внимание различным аспектам профессионального становления будущих офицеров. Так, в работе М. В. Ермолова (2020) представлены условия совершенствования профессионально-этического воспитания курсантов военных вузов, А. Г. Страбыкиным (2021) исследуются вопросы развития профессиональной ответственности курсантов, А. А. Цыбулько (2022) разработаны педагогические условия формирования готовности курсантов к командной деятельности, А. В. Морозовым (2022) разработана система формирования культуры межнационального общения курсантов, Д. В. Соловей (2023) сформированы компетенции самоорганизации курсантов военного вуза, Д. М. Вахитовым (2024) созданы организационно-педагогические условия модели формирования антикоррупционной компетентности курсантов, Е. А. Климашиным (2025) изучены вопросы финансового поведения у курсантов.

Между тем в современных условиях возрастает необходимость формирования у курсантов способности к рефлексии, критическому мышлению и принятию самостоятельных решений. Это во многом связано с изменением характера военных действий. Гибридные конфликты, киберпространство, информационные атаки — современный противник действует неожиданно, и применение шаблонных решений часто оказывается бесполезным. Зачастую приходится выбирать между военной необходимостью и гуманизмом, между риском и безопасностью мирных жителей. Офицер — это не только воин, но и гражданин. Сегодня общество ждёт от военных не слепого подчинения, а зрелой гражданской позиции, особенно в сложных ситуациях — ситуациях свободно-нравственного выбора.

Цель исследования — выявить особенности формирования профессиональной субъектной позиции у курсантов военного вуза и определить условия, способствующие её развитию в образовательной среде. Для достижения этой цели нами были поставлены и решены следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к пониманию субъектной позиции в профессиональном образовании [2], определить критерии и уров-

ни сформированности профессиональной субъектной позиции у курсантов [3], выявить факторы образовательной среды, влияющие на развитие субъектной позиции [4], разработать модель педагогического сопровождения формирования субъектной позиции [5]. Исследование проводилось в русле деятельностного подхода, в котором личность рассматривается как субъект своей деятельности. Также использовались идеи компетентного подхода и концепции субъектности, разработанные в трудах Е. В. Бондаревской [6], И. А. Зимней [7], А. В. Хуторского [8].

Методы исследования, теоретическая база. Для реализации целей и задач исследования применялись следующие методы: теоретический анализ научной и учебно-методической литературы по проблеме формирования субъектной позиции в профессиональном образовании, включая работы отечественных авторов за последние пять лет; опрос курсантов 1–5 курсов обучения; интервьюирование преподавателей и командиров взводов, непосредственно работающих с курсантами; психодиагностическое тестирование («Вербальная диагностика самооценки личности», «Определение уровня конфликтоустойчивости», «Экспертная оценка сплочённости учебной группы», «Самооценка реального поведения в конфликте») [9]; контент-анализ документов, регламентирующих образовательную деятельность вуза (учебные планы, программы военно-политической работы, распорядительные документы (приказы и распоряжения)); экспертная оценка — с привлечением специалистов в области военной педагогики и психологии для верификации полученных данных и формулирования рекомендаций.

Выбор методов был обусловлен необходимостью комплексного подхода к изучению многомерного явления — профессиональной субъектной позиции, а также стремлением получить достоверные и объективные данные, подтверждающие гипотезу исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе проведённого исследования были выявлены три уровня сформированности профессиональной субъектной позиции у курсантов: низкий, средний, высокий. Анализ полученных данных позволил проследить динамику развития данного показателя на протяжении обучения с первого по пятый курс (табл.).

Таблица

Распределение курсантов по уровням сформированности профессиональной субъектной позиции (%)

Курс	Уровень сформированности		
	низкий	средний	высокий
1 курс	28	47	25
2 курс	22	53	25
3 курс	16	57	27
4 курс	18	49	33
5 курс	17	43	40

Как видно из таблицы, наблюдается тенденция к снижению доли курсантов с низким уровнем и увеличению числа курсантов со средним и высоким уровнями сформированности профессиональной субъектной позиции. На первом году обучения преобладает низкий уровень (28 %), тогда как к завершению обучения он снижается до 17 %. Однако даже к пятому курсу только 40 % выпускников демонстрируют высокий уровень сформированности субъектной позиции, что не позволяет говорить о системной эффективности существующих образовательных практик. Наибольшая доля курсантов с средним уровнем приходится на второй и третий курсы (соответственно 53 и 57 %). Этот этап можно рассматривать как период формирования начальных компонентов субъектности, однако отсутствие значительного роста к четвёртому курсу (49 %) свидетельствует о возможном застое в развитии профессиональной самостоятельности.

Таким образом, несмотря на положительную динамику, данные исследования позволяют констатировать, что процесс формирования профессиональной субъектной позиции остаётся недостаточно сформированным у большинства курсантов (см. рис. 1).

На рисунке чётко прослеживается траектория постепенно го усиления субъектной позиции, особенно выраженная на старших курсах обучения. Однако даже к пятому курсу более половины обучающихся (43%) остаются на уровне средней сформированности, что указывает на наличие определённых ограничений в организации образовательного процесса и недостаточ-

ную направленность на развитие личностно-профессиональной активности.

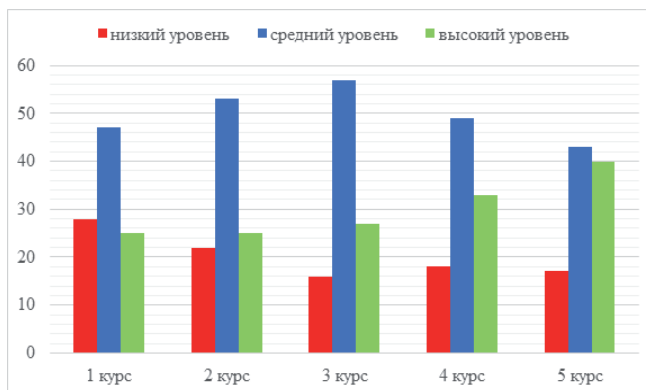

Рис. 1. Динамика уровней сформированности профессиональной субъектной позиции у обучающихся по курсам

В рамках проведения анализа учебных планов и рабочих программ нами не обнаружено целостной системы задач, критериев, педагогических технологий и оценочных средств, которые были бы направлены на формирование профессиональной субъектной позиции курсантов. В планируемых результатах обучения (компетенциях) доминируют предметные знания и умения, в то время как метапредметные качества, характеризующие субъектность (инициативность, ответственность за решение, рефлексия, готовность к действиям в нестандартной ситуации), представлены фрагментарно и не конкретизированы. Данные интервью, проведенного с педагогами, действительно указывают на то, что отдельные преподаватели и командиры подразделений *интуитивно* осознают эту ситуацию. Однако ключевая проблема, выявленная нами в ходе исследования, заключается в том, что эти условия носят точечный и личностно обусловленный характер, не подкреплённый единой методической и концептуальной базой, закреплённой в документах.

Таким образом, полученные данные подтверждают гипотезу о том, что формирование профессиональной субъектной позиции происходит стихийно, без целенаправленной педагогиче-

ской поддержки. Это проявляется в следующем: отсутствии системного подхода к развитию рефлексивных и профессиональных навыков; недостаточной мотивации курсантов к самоопределению и профессиональному саморазвитию; ограниченном использовании деятельностных и интегративных форм обучения, способствующих становлению субъектности; недостаточной интеграции рефлексивных и коммуникативных компетенций в профессиональную подготовку. Следовательно, возникает необходимость разработки и внедрения дополнительных специализированных образовательных программ, ориентированных на развитие профессиональной субъектной позиции курсантов.

Для решения выявленной проблемы нами предложена система элективных курсов (*может быть реализована в рамках проведения самостоятельной работы курсантов*), интегрируемых в образовательный процесс на каждом этапе (курсе) обучения и направленных на развитие ключевых компонентов профессиональной субъектной позиции: рефлексии, ответственности, критического мышления и проектирования собственной профессиональной траектории. Предложенная система элективных курсов разработана не произвольно, а вытекает из логики поэтапного становления профессиональной субъектности и опирается на ключевые принципы теории развивающего образования (В. В. Давыдов) и деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев), где личностные качества формируются в процессе последовательно усложняющейся деятельности. Выбор содержания и последовательность курсов по годам обучения обусловлены закономерностями профессионального становления личности курсанта и психологическими задачами каждого этапа обучения в военном вузе.

Так, на первом курсе в дополнение к основной образовательной программе предлагается изучение элективного курса «Профессиональное самопознание и самоопределение», целью которого станет формирование осознанного отношения к выбору профессии, развитие рефлексии и мотивации к обучению в военном вузе. На втором курсе предлагается дополнительное изучение элективного курса «Критическое мышление и принятие решений в профессиональной деятельности», целью которого является развитие аналитических навыков, умения формулировать и отстаивать свою точку зрения. На третьем кур-

се — элективный курс «Профессиональная этика и ответственность», направленный на формирование последствий своих действий и развитие этической культуры. На четвёртом курсе — «Проектирование карьеры и своего профессионального развития», целью которого является развитие стратегического мышления, умение планировать личную профессиональную траекторию. На пятом, выпускном курсе предлагается изучение элективного курса «Лидерство и командная работа в профессиональной среде», целью которого является развитие лидерских качеств выпускников, умения взаимодействовать в профессиональной среде и в своей будущей профессиональной деятельности. Каждый курс рассчитан на 36 часов и включает в себя теоретические занятия, деловые игры, проектные задания и рефлексивные практики. Обучение производится в формате малых групп (штатные взводы), что способствует максимальному вовлечению участников в образовательный процесс.

Таким образом, логика изучения представляет собой восходящую спираль: от самопознания (1-й курс) через овладение мышлением (2-й курс) и ценностями (3-й курс) к проектированию будущего (4-й курс) и реализацию в лидерстве (5 курс). Каждый последующий курс базируется на результатах предыдущего, что обеспечивает целостность и преемственность процесса формирования профессиональной субъектной позиции.

Внедрение в образовательную среду военного вуза предлагаемой системы элективных курсов позволит: повысить уровень сформированности профессиональной субъектной позиции у курсантов; снизить долю курсантов с низким уровнем проявления субъектности; развить у курсантов ключевые компетенции, необходимые для успешной профессиональной деятельности; повысить качество подготовки выпускников и их готовность к адаптации в профессиональной среде.

Анализируя факторы образовательной среды военного вуза, можно отметить, что наиболее значимыми являются: система строгой дисциплины, требования распорядка дня и регламента служебного времени, участие курсантов в проведении командно-штабных учений и тренировок, комплексирование дисциплин военно-профессионального блока, проведение практик [10] и войсковых стажировок [11], роль командиров взводов (как модели поведения, эталона) в обучении и воспитании кур-

сантов, предоставлении возможности курсантам участвовать в планировании и организации мероприятий повседневной деятельности (проведение дня самоуправления).

На основе полученных данных и анализа образовательной среды нами разработана и предложена модель педагогического сопровождения формирования профессиональной субъектной позиции курсантов военного вуза (рис. 2).

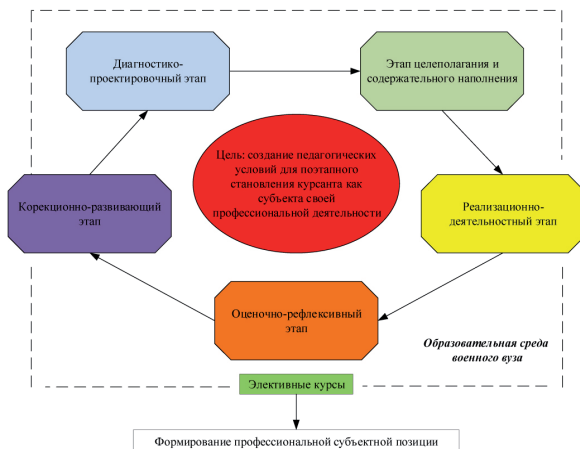

Рис. 2. Структурно-функциональная модель педагогического сопровождения формирования профессиональной субъектной позиции курсантов

Модель представляет собой комплекс взаимосвязанных этапов, направленных на переход от стихийного процесса формирования профессиональной субъектной позиции в целенаправленный и управляемый. Целью модели является создание педагогических условий для поэтапного и осознанного становления курсанта как субъекта своей профессиональной деятельности. Модель включает в себя пять ключевых этапов, образующих замкнутый цикл сопровождения.

Диагностико-проектировочный этап. На данном этапе осуществляется входная диагностика уровня сформированности профессиональной субъектной позиции (с использованием разработанного диагностического инструментария), анализ инди-

видуальных запросов и дефицитов курсантов. Результатом этапа является проектирование индивидуальных и групповых траекторий развития, а также формулирование конкретных целей и задач педагогического сопровождения.

Этап целеполагания и содержательного наполнения. На основе результатов диагностики определяется содержательное наполнение работы. Центральным элементом данного этапа является разработка и отбор содержания элективных курсов, ориентированных на развитие профессиональной субъектной позиции.

Реализационно-деятельностный этап. Этап непосредственного внедрения разработанных элективных курсов в образовательный процесс. Реализация происходит через активные и интерактивные формы работы (деловые игры, кейсы, проектная деятельность, рефлексивные практики) в малых группах. Характерной особенностью данного этапа является сочетание групповой работы с индивидуальным подходом.

Оценочно-рефлексивный этап. На данном этапе проводится повторная диагностика для оценки эффективности проведённой работы и динамики развития профессиональной субъектной позиции курсантов. Осуществляется анализ достижений и трудностей, рефлексия как самими курсантами, так и педагогами. Полученные данные являются основой для следующего цикла.

Коррекционно-развивающий этап. Завершающий этап цикла, на котором осуществляется корректировка содержания, методов и форм работы на основе результатов оценки. Модель предполагает не линейное, а цикличное прохождение этапов, что обеспечивает её гибкость и адаптивность к изменяющимся условиям и индивидуальным особенностям курсантов.

Особое место в модели занимает внедрение системы элективных курсов, направленных на развитие рефлексии, ответственности, критического мышления и проектирования собственной профессиональной траектории. Внедрение модели педагогического сопровождения позволит создать условия для целенаправленного формирования профессиональной субъектной позиции в условиях специфической образовательной среды военного вуза, где необходимо сочетать развитие самостоятельности с сохранением строгой иерархической структуры.

Сравнение полученных результатов с данными других исследований (Арапова [12], Мухина [13], Педан [14]) показало на-

личие как общих тенденций, так и специфических особенностей формирования субъектной позиции у курсантов военного вуза. Во всех рассмотренных исследованиях отмечается положительная корреляция между уровнем субъектности и степенью включённости студента в управление учебной ситуацией. Чем больше обучающийся участвует в целеполагании, выборе средств и способов деятельности, тем выше уровень его субъектной позиции. Это подтверждается как в педагогическом вузе (Арапова [12]), где особое внимание уделяется развитию рефлексии, креативности и самостоятельности, так и в медицинском вузе (Педан [14]), где акцент делается на саморегуляции и ответственности за профессиональное развитие.

Также общим является вывод о том, что субъектная позиция — это не статичное качество, а процесс, который развивается поэтапно: от потребности в саморазвитии до осознанного управления собственной деятельностью. В частности, П. И. Арапова [12] указывает на необходимость предоставления студентам возможности выбора в обучении, что активизирует их внутреннюю мотивацию и переводит их в режим самоактуализации. Подобные идеи подчеркиваются и в исследовании О. Д. Мухиной [13], где отмечается, что только при условии создания ситуации индивидуальной успешности и уважительного взаимодействия может формироваться полноценная субъектная позиция.

Особую же специфику формирования субъектной позиции представляет собой образовательная среда военного вуза [15; 16]. В отличие от гражданских вузов, здесь развитие субъектности происходит в условиях строгой иерархии, жёсткой регламентации поведения и высоких требований к исполнительности и дисциплине. Эти условия создают определённый парадокс: с одной стороны, необходимо формировать у будущих офицеров качества субъекта — самостоятельность, ответственность, умение мыслить критически и способность к принятию решения порою в сложных ситуациях; с другой — сохраняется необходимость беспрекословного выполнения приказов и распоряжений, следования установленным нормам и правилам [17].

Как отмечает О. Д. Мухина [13], в традиционной модели образования субъектная позиция обучающихся часто ограничена внешним контролем и репродуктивной формой обучения. Однако в военных вузах этот феномен усиливается из-за специфи-

ки воспитательной системы, ориентированной на формирование исполнительской дисциплины, что может препятствовать проявлению инициативы и личностной автономии.

Вместе с тем, как показывают наши данные, к старшим курсам наблюдается увеличение доли курсантов с высоким уровнем субъектной позиции (до 40 %). Это свидетельствует о том, что даже в условиях повышенных требований возможно развитие качеств, характерных для субъекта деятельности. Успех этого процесса зависит от того, насколько педагогическая система создаёт условия для проявления самостоятельности, рефлексии и ответственности внутри рамок не только военной дисциплины, но и всего военного вуза в целом [16; 17].

Таким образом, можно констатировать, что: **во-первых**, формирование субъектной позиции имеет общие закономерности независимо от типа вуза, где важнейшими факторами являются включённость обучающегося в управление ситуацией, возможность выбора, рефлексивное взаимодействие и ситуация индивидуальной успешности; **во-вторых**, в военных вузах развитие субъектности сталкивается с особыми трудностями, связанными с необходимостью сочетать формирование самостоятельности с сохранением строгости иерархической структуры; **в-третьих**, эффективное преодоление данного противоречия возможно через специально разработанные образовательные технологии, такие как элективные курсы, направленные на развитие рефлексии, ответственности и критического мышления, которые были предложены в рамках настоящего исследования.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что формирование профессиональной субъектной позиции возможно и необходимо в рамках военно-профессионального образования, но требует специально организованной образовательной среды [15; 16; 18] и системного педагогического сопровождения.

Закключение. В ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что профессиональная субъектная позиция курсантов военного вуза формируется под влиянием системы образовательной среды и её развитие возможно при условии целенаправленного педагогического воздействия. Установлены уровни сформированности субъектной позиции, выявлены ключевые факторы влияния образовательной среды военного вуза и предложена модель педагогического сопровожде-

ния. Главным результатом исследования является разработка модели формирования профессиональной субъектной позиции, включающая этапы диагностики, целеполагания, реализации и оценки. Предложенная нами модель может быть внедрена в практику воспитательной работы военных вузов. Значение исследования заключается в том, что оно открывает новые перспективы для развития военно-профессионального образования, акцентируя внимание на личностной и ценностной составляющей подготовки офицерских кадров. В дальнейших исследованиях представляется целесообразным углубленное изучение влияния конкретных педагогических технологий на развитие профессиональной субъектной позиции, а также сравнительный анализ субъектности у курсантов разных родов войск.

Список источников

1. Вилисов Д. В., Маврина И. А. Военно-профессиональное образование в контексте формирования субъектной позиции курсантов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2024. № 4. С. 12–18.

2. Вилисов Д. В. Сущность и содержание субъектной позиции обучающихся: психолого-педагогический аспект // Сибирский учитель. 2023. № 3 (148). С. 53–58.

3. Вилисов Д. В. Критерии и уровни сформированности субъектной позиции курсантов в образовательной среде военного вуза // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1 (49). С. 114–121. DOI: 10.54351/25876074-2025-1-49-114.

4. Вилисов Д. В. Образовательная среда как педагогическое условие успешности обучения курсантов // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 2. С. 90–98. DOI: 10.15293/1813-4718.2102.09.

5. Вилисов Д. В., Дахин А. Н. Модель эффективного формирования субъектной позиции курсантов в образовательной среде военного вуза // Педагогический профессионализм в современном образовании : сборник научных трудов XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году семьи и 35-летию кафедры педагогики и психологии ИФМИТО ФГБОУ ВО «НГПУ», Новосибирск, 14–15 февраля 2024 года. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2024. С. 60–63.

6. Бондаревская Е. В. Кульневич С. В. Парадигмальный подход к разработке содержания ключевых педагогических компетенций // Педагогика. 2004. № 10. С. 23–31.

7. Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // *Иностранные языки в школе*. 2012. № 6. С. 2–10.

8. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // *Народное образование*. 2003. № 2(1325). С. 58–64.

9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 339 с.

10. Вилисов Д. В. О некоторых вопросах проведения практики при вооружении и технике у курсантов военных вузов в условиях образовательной среды // *Состояние и инновации технического сервиса машин и оборудования : материалы XII региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной памяти доцента М. А. Анфиногенова, Новосибирск, 11 ноября 2020 года*. Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2020. С. 45–46.

11. Вилисов Д. В. Войсковая стажировка курсантов военного института как сетевая форма реализации образовательной программы // *Педагогика : материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года*. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 7–8.

12. Арапова П. И. Формирование субъектной позиции студентов педагогического вуза в процессе обучения // *Большая конференция МГПУ : сборник тезисов, Москва, 28-30 июня 2023 года : в 3 т. М.: ПАРАДИГМА, 2023. Т. 2. С. 41–44.*

13. Мухина О. Д. Социально-психологический аспект формирования субъектной позиции у обучающихся вуза // *Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 25 апреля 2024 года*. Чебоксары: Среда, 2024. С. 163–166.

14. Педан Т. Н. Формирование субъектной позиции студентов медицинского вуза // *Научный вестник Омского государственного медицинского университета*. 2022. Т. 2. № 1 (5). С. 46–48.

15. Вилисов Д. В., А. Н. Дахин. К вопросу об образовательной среде // *Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сборник научных статей XI Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 21 ноября 2019 года / под общ. ред. С. А. Куценко*. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. Ч. 2. С. 29–34.

16. Ширшов А. Г., Вилисов Д. В., Зольников И. В., Дахин А. Н. Проектирование образовательной среды военной образовательной организации

высшего образования // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 4. С. 43–52. DOI: 10.15293/1813-4718.2004.05.

17. Вилисов Д. В. Педагогические условия, обеспечивающие формирование субъектной позиции обучающихся в условиях образовательной среды военного вуза // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3 (47). С. 92–99. DOI: 10.54351/25876074-2024-3-47-92.

18. Вилисов Д. В. О некоторых вопросах моделирования образовательной среды // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 4 (6). С. 159–162.

References

1. Vilisov D. V., Mavrina I. A. Military professional education in the context of the formation of the subject position of cadets. *Aktual'nye problem fizicheskoy i special'noj podgotovki silovyh struktur* [Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies]. 2024. No 4. Pp. 12–18. (In Russ.)

2. Vilisov D. V. The essence and content of the students' subjective position: psychological and pedagogical aspect. *Sibirskij uchitel'* [The Siberian teacher]. 2023. No 3 (148). Pp. 53–58. (In Russ.)

3. Vilisov D. V. Criteria and levels of formation of the subject position of cadets in the educational environment of a military university. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Izvestia of the Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humanities and Social Sciences]. 2025. No 1 (49). Pp. 114–121. DOI: 10.54351/25876074-2025-1-49-114. (In Russ.)

4. Vilisov D. V. Educational environment as a pedagogical condition for successful training of cadets. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. 2021. No 2. Pp. 90–98. DOI: 10.15293/1813-4718.2102.09. (In Russ.)

5. Vilisov D. V., Dahin A. N. A model of effective formation of the subject position of cadets in the educational environment of a military university. *Pedagogicheskij professionalizm v sovremennom obrazovanii : sbornik nauchnyh trudov XVI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj Godu sem'i i 35-letiyu kafedry pedagogiki i psihologii IFMITO FGBOU VO "NGPU"*, Novosibirsk, 14–15 fevralya 2024 goda [Pedagogical Professionalism in Modern Education: Collection of Scientific Papers of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of the Family and the 35th Anniversary of the Department of Pedagogy and Psychology of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, February 14–15, 2024]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2024. Pp. 60–63. (In Russ.)

6. Bondarevskaya E. V., Kul'nevich S. V. A paradigmatic approach to the development of the content of key pedagogical competencies. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2004. No 10. Pp. 23–31. (In Russ.)

7. Zimnyaya I. A. Competence and competence in the context of a competency-based approach in education. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 2012. No 6. Pp. 2–10. (In Russ.)

8. Hutorskoj A. V. Key competencies as a component of a personality-oriented educational paradigm. *Narodnoe obrazovanie* [Public education]. 2003. No 2 (1325). Pp. 58–64. (In Russ.)

9. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. *Social'no-psihologicheskayadiagnostikarazvitiyalichnostiimalyhgrupp* [Socio-psychological diagnostics of personality and small group development]. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002. 339 p. (In Russ.)

10. VilISOV D. V. On some issues of practical training in weapons and equipment for military university cadets in an educational environment. *Sostoyanie i innovacii tekhnicheskogo servisa mashin i oborudovaniya : materialy XII regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, posvyashchennoj pamyati docenta M. A. Anfinogenova, Novosibirsk, 11 noyabrya 2020 goda* [The state and innovations of technical service for machines and equipment: materials of the XII regional scientific and practical conference of students, postgraduate students, and young scientists dedicated to the memory of Associate Professor M. A. Anfinogenov, Novosibirsk, November 11, 2020]. Novosibirsk: Novosibirsk State Agrarian University, 2020. Pp. 45–46. (In Russ.)

11. VilISOV D. V. Military internship of military Institute cadets as a network form of educational program implementation. *Pedagogika : materialy 58-j Mezhunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii, Novosibirsk, 10–13 aprelya 2020 goda* [Pedagogy: Proceedings of the 58th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 10–13, 2020]. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2020. Pp. 7–8. (In Russ.)

12. Arapova P. I. Formation of the subjective position of students of a pedagogical university in the learning process. *Bol'shaya konferenciya MGPU : sbornik tezisov, Moskva, 28–30 iyunya 2023 goda : v 3 t.* [The Great Conference of the Moscow State Pedagogical University: Collection of Abstracts, Moscow, June 28–30, 2023 : in 3 volumes]. Moscow: PARADIGMA, 2023. Vol. 2. Pp. 41–44. (In Russ.)

13. Muhina O. D. The socio-psychological aspect of the formation of a subjective position among university students. *Aktual'nye voprosy gumanitarnyh i social'nyh nauk: ot teorii k praktike : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhunarodnym uchastiem, Cheboksary, 25 aprelya 2024 goda* [Current Issues in the Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Cheboksary, April 25, 2024]. Cheboksary: Sreda, 2024. Pp. 163–166. (In Russ.)

14. Pedan T. N. Formation of the subjective position of medical university students. *Nauchnyj vestnik Omskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta* [Scientific Bulletin of Omsk State Medical University]. 2022. Vol. 2. No 1 (5). Pp. 46–48. (In Russ.)

15. Vilisov D. V., Dahin A. N. On the issue of the educational environment. *Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovaniya v voennykh institutakh vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : sbornik nauchnykh statej XI Mezhdvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 21 noyabrya 2019 goda* [Directions and Prospects for the Development of Education in Military Institutes of the National Guard Troops of the Russian Federation : Collection of Scientific Articles of the 11th Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation, Novosibirsk, November 21, 2019]. Edited by S. A. Kutsenko. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2019. Part 2. Pp. 29–34. (In Russ.)

16. SHirshov A. G., Vilisov D. V., Zol'nikov I. V., Dahin A. N. Designing the educational environment of a military educational institution of higher education. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. 2020. No 4. Pp. 43–52. DOI: 10.15293/1813-4718.2004.05. (In Russ.)

17. Vilisov D. V. Pedagogical conditions that ensure the formation of the subject position of students in the educational environment of a military university. *Izvestiya CHEchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Izvestia of the Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humanities and Social Sciences]. 2024. No 3 (47). Pp. 92–99. DOI: 10.54351/25876074-2024-3-47-92. (In Russ.)

18. Vilisov D. V. On some issues of modeling the educational environment. *Voенно-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri* [Military-legal and humanitarian sciences of Siberia]. 2020. No 4 (6). Pp. 159–162. (In Russ.)

Сведения об авторе

Вилисов Денис Валерьевич, преподаватель кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, 630114, Новосибирск, Ключ-Камышенское плато, д. 6/2)

Information about the author

Denis V. Vilisov, Lecturer of the Department of Automobiles, Armored Weapons and Equipment, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation (6/2, Klyuch-Kamyshenskoe Plateau, Novosibirsk, 630114, Russia)

Статья поступила в редакцию / Thearticlewassubmitted 18.08.2025
Одобрена после рецензирования / Approvedafterreviewing 31.08.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 22.01.2026

Научная статья / Article

УДК 159.9

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-145>

**Повышение жизнестойкости и адаптивности людей
пожилого возраста в отделениях дневного пребывания
учреждений социального обслуживания**

Дарья Евгеньевна Пензина¹, Антонина Николаевна Евсева²

Сыктывкарский государственный университет имени

Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹ dasha.p371@gmail.com, ² anevseeva361@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема повышения жизнестойкости и адаптивности пожилых людей в условиях отделений дневного пребывания учреждений социального обслуживания, что имеет важное значение для улучшения качества их жизни и социальной интеграции. Целью исследования было разработать и внедрить эффективную программу, направленную на повышение жизнестойкости и адаптивных возможностей пожилых граждан, а также найти подтверждение гипотезы о том, что использование тренинговой психологической развивающей программы будет способствовать повышению показателей уровня жизнестойкости (вовлеченность, контроль и принятие риска) у лиц пожилого возраста, что, в свою очередь, будет содействовать повышению их адаптивности в преодолении жизненных трудностей. В работе использовались методы математической статистической обработки данных психодиагностики, а также комплекс упражнений, основанных на гуманистическом подходе и концепции жизнестойкости С. Мадди, адаптированных к специфике пожилого возраста. В результате была создана и успешно реализована программа, способствующая развитию жизнестойкости и адаптивности участников, что подтверждено результатами констатирующего и контрольного этапов с помощью таких диагностических методик, как «Тест жизнестойкости» С. Мадди и «Тест социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда. Можно сказать, что внедрение программы в учреждение социального обслуживания показало положительное влияние и на эмоциональное состояние, уровень адаптации и качество жизни пожилых граждан. Кроме того, анализ ранговой корреляции Спирмена показал важные взаимосвязи: так, напри-

мер, результаты данных констатирующей и контрольной диагностик группы испытуемых указывают на взаимосвязь между жизнестойкостью, ее компонентами и адаптивностью — снижение стремления к активным действиям в стрессовых ситуациях связано с уменьшением адаптивных способностей. Полученные результаты вносят значимый вклад в научное понимание механизмов жизнестойкости у пожилых людей и демонстрируют практическую эффективность комплексных программ в социальных учреждениях, расширяя возможности психологической поддержки данной категории населения.

Ключевые слова: *жизнестойкость, адаптивность, пожилой возраст, сложная жизненная ситуация, кризис пожилого возраста, адаптационный потенциал, психологическое благополучие*

Для цитирования: Пензина Д. Е., Евсеева А. Н. Повышение жизнестойкости и адаптивности людей пожилого возраста в отделениях дневного пребывания учреждений социального обслуживания // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 145–167. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-145>

Improving the Resilience and Adaptability of Elderly People in the Day Care Departments of Social Service Institutions

Daria E. Penzina¹, Antonina N. Evseeva²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ dasha.p371@gmail.com, ² anevseeva361@mail.ru

Abstract. *The article discusses the current problem of increasing the resilience and adaptability of the elderly in the conditions of the day-care departments of social service institutions, which is important for improving their quality of life and social integration. The purpose of the study was to develop and implement an effective program aimed at increasing the resilience and adaptive capabilities of elderly citizens, as well as to find confirmation of the hypothesis that the use of a training psychological development program will contribute to increasing the indicators of the level of resilience (involvement, control and acceptance of risk) in the elderly, which, in turn, will contribute to increasing their adaptability in overcoming life difficulties. The study used mathematical statistical data processing methods for psychodiagnostics, as well as a set of exercises based on the humanistic approach and the concept of resilience by S. Maddi, which were adapted to the specific needs of older adults. As a result, a program was created and successfully implemented that promotes the development of resilience and adaptability in participants, as evidenced by the results of the initial and follow-up stages using diagnostic*

tools such as the “Resilience Test” by S. Maddi and the “Social-Psychological Adaptation Test” by K. Rogers and R. Diamond. It can be said that the implementation of the program in a social service institution has had a positive impact on the emotional state, level of adaptation, and quality of life of elderly citizens. In addition, the analysis of Spearman’s rank correlation showed important relationships: for example, the results of the ascertaining and control diagnostics of the group of subjects indicate a relationship between resilience, its components, and adaptability — a decrease in the desire for active actions in stressful situations is associated with a decrease in adaptive abilities. The obtained results make a significant contribution to the scientific understanding of the mechanisms of resilience in older people and demonstrate the practical effectiveness of comprehensive programs in social institutions, expanding the possibilities of psychological support for this population.

Keywords: *resilience, adaptability, old age, difficult life situation, crisis of old age, adaptive potential, psychological well-being*

For citation: Penzina D. E., Evseeva A. N. Improving the Resilience and Adaptability of Elderly People in the Day Care Departments of Social Service Institutions. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 145–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-145>

Введение. Период поздней зрелости и приближение старости является сложной жизненной ситуацией, поскольку наступают неотвратимые физиологические, психические, социальные и другие изменения, которые требуют от человека как минимум существенной перестройки базовых поведенческих стратегий, выстраивания новой системы отношений к себе и окружающему миру [1, т. 7, с. 5–14]. Деструктивное мироощущение пожилого возраста, неспособность использовать эффективные стратегии переживания этой сложной жизненной ситуации и решать связанные с ней проблемы являются важнейшими причинами ухудшения качества и сокращения продолжительности жизни пожилых людей [2, с. 65–67]. Однако вместе с этим в мировом сообществе прослеживается динамика увеличения продолжительности жизни, а также рост числа пожилых людей в возрастной структуре населения. Эта тенденция фиксируется и в субъектах РФ, в том числе и малонаселенной Республике Коми. Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), возрастной состав пожилого населения Республики Коми на начало 2023 года

составил 24,3 % к общей численности населения 726,4 тыс. человек. А на начало 2017 года эта цифра составляла 20,2 % к общей численности населения 850,5 тыс. человек¹.

Г. Г. Вербина в своей статье подытоживает, что одними из важных факторов, влияющими на качество жизни лиц пожилого возраста, на их способность активно использовать адаптационный потенциал к возрастным изменениям, сохранять психическую активность, формировать новые способы реагирования и объективно оценивать события современности является стабильность, гибкость и эластичность эмоциональной сферы и фрустрационная толерантность [3, т. 3, с. 214–217]. Изучение особенностей жизнестойкости пожилых людей связано с экзистенциальными аспектами этого периода жизни, которые только в последнее время вызывают заинтересованность у исследователей. Особенно актуализируются вопросы психологического состояния пожилых людей в период кризиса и возникновения сложных жизненных ситуаций. Т. е. наряду со вниманием к получению медицинской помощи и поддержке пожилых людей возрастает интерес с психологической точки зрения — как воспринимают кризис пожилые граждане и как справляются с ним, как ведут себя в ситуациях нестабильности, чтобы обрести психологическое благополучие. По мнению Т. В. Левковой и Е. Ю. Ленкиной, игнорирование потребностей пожилых людей в кризисных и посткризисных ситуациях может вызвать дополнительные риски и стрессовые факторы, такие как тревога, ощущаемая потеря контроля и другие проблемы психического здоровья [4, с. 34–37].

Исследования показывают, что пожилые люди чаще сталкиваются с трудностями адаптации к новым условиям жизни, что также нередко приводит к ухудшению их психологического состояния и качества жизни в целом [5, с. 202–204]. Поэтому особенно возрастает потребность в социальном обслуживании и поддержке этой группы населения, а одним из эффективных решений, предлагаемых на уровне социальных служб, являются отделения дневного пребывания для пожилых людей.

Повышение жизнестойкости и адаптивности пожилых лиц требует осознания того, как на их психоэмоциональное состо-

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/?ref=toptrafficsites> (дата обращения: 04.07.2025).

яние влияют предлагаемые социальные услуги и программы поддержки. Эффективное взаимодействие с пожилыми гражданами, учитывающее их индивидуальные потребности и возможности, способствует не только улучшению качества их жизни, но и укреплению социальной интеграции, что, в свою очередь, способствует развитию их жизнестойкости. Поэтому исследование данных аспектов не только актуально, но и необходимо для создания более благоприятной среды для пожилых лиц, способствующей их адаптации к быстро меняющемуся миру.

Таким образом, целью данной работы является исследование жизнестойкости и адаптивности граждан пожилого возраста, где объектом исследования выступают жизнестойкость и адаптивность как психологические феномены личности, а предметом — повышение уровней жизнестойкости и адаптивности лиц пожилого возраста в отделениях дневного пребывания учреждений социального обслуживания.

Методы исследования, теоретическая база. С целью исследования жизнестойкости и адаптивности граждан пожилого возраста и проверки гипотезы о том, что использование тренинговой психологической программы будет способствовать повышению показателей уровня жизнестойкости (вовлеченность, контроль и принятие риска) у лиц пожилого возраста, что окажет воздействие на уровень их адаптивности в преодолении жизненных трудностей, было организовано и проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 32 лица пожилого возраста в возрасте от 65 до 85 лет. Базой для исследования выступило Социально-реабилитационное отделение № 2 города Сыктывкар.

Выбор данной возрастной категории людей основан на одной из распространенных возрастных периодизаций, а именно периодизации по Э. Эриксону, который выделил восемь стадий, из которых завершающей явилась стадия поздней зрелости, включая людей в возрасте более 65 лет.

Испытуемые были разделены на 2 группы: экспериментальную и контрольную по показателям общего уровня жизнестойкости. Согласно критериям включения, в экспериментальную группу вошли респонденты (16 человек), для которых характерен низкий и средний уровни жизнестойкости, с ними в течение 1,5 месяца 2–3 раза в неделю проводились занятия про-

должительностью 1–1,5 часа. Контрольную группу составили респонденты (16 человек), для которых характерен высокий уровень жизнестойкости, при этом специально организованных занятий проведено не было.

Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики: для исследования жизнестойкости использовался тест жизнестойкости, представляющий собой адаптацию Д. А. Леонтьевым опросника *Hardiness Survey*, разработанного американским психологом С. Мадди. Жизнестойкость включает в себя три сравнительно самостоятельных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска.

Для исследования адаптивности использовалась шкала социально психологической адаптированности, разработанная К. Роджерсом и Р. Даймондом и адаптированная Т. В. Снегиревой Модель отношений человека с социальным окружением и с самим собой, заложенная в основу этого инструмента, исходит из концепции личности как субъекта собственного развития, способного отвечать за свое поведение. Методика предназначена для диагностики психологических проявлений, сопровождающих процесс социально-психологической адаптации и ее интегральные показатели, такие как адаптивность, интернальность, принятие других, самопринятие, эмоциональная комфортность и стремление к доминированию.

Полученные сырые данные были статистически обработаны при помощи критерия Шапиро — Уилка, что выявило подчинение закону нормального распределения не для всех данных. Вследствие этого для обработки были выбраны непараметрические критерии: для выявления различий при помощи U-критерия Манна — Уитни, а также критерия Уилкоксона и выявления связей при помощи коэффициента корреляции Спирмена.

По результатам констатирующего этапа исследования разработана и реализована развивающая программа, основной целью которой являлось повышение жизнестойкости и адаптивности людей пожилого возраста через развитие психоэмоциональной устойчивости, способности эффективно справляться с возрастными изменениями, стрессовыми ситуациями и жизненными трудностями, а также стимулирование их активного участия в социальной жизни и поддержания высокого качества жизни, личностных ресурсов и оптимальных моделей поведе-

ния, что является необходимым шагом для формирования полноценного участия пожилых лиц в жизни общества.

Одним из ключевых понятий, лежащих в основе данной программы, является «жизнестойкость». Понятие жизнестойкости охватывает не только физическую устойчивость, но и психологическую гибкость, способность адаптироваться к изменениям и преодолевать трудности. Для пожилых людей, сталкивающихся с разнообразными вызовами, такими как утраты, ухудшение здоровья и социальная изоляция, развитие жизнестойкости становится особенно важным.

Программа разработана на основе гуманистического подхода в психологии, который фокусирует внимание на уникальности и ценности каждого человека, его способности к личностному росту, внутреннем потенциале и самореализации. Гуманистическая парадигма подчеркивает, что каждый человек способен к позитивным изменениям и имеет право на активное участие в жизни общества, что делает ее результативной основой для программы, ориентированной на развитие жизнестойкости и адаптивности у пожилых граждан.

Программа, во-первых, основана на понимании уникальности возрастного периода развития и, во-вторых, построена с учетом основных возрастных возможностей и потребностей. В этом контексте известно, что у пожилых людей на первый план выходят проблемы общения и самопознания в новой жизненной ситуации, что делает особенно актуальными вопросы взаимодействия, связанные с самопониманием, саморегуляцией и способами поведения. А кроме того, активность личности и её субъектность служат ключевыми предикторами адаптивности. В контексте групповых тренингов эти характеристики могут быть не только развиты, но и подкреплены через взаимодействие с другими участниками.

Таким образом, данная программа предоставляет возможность для комплексного подхода к повышению жизнестойкости и адаптивности граждан пожилого возраста, формируя не только их личностное развитие, но и активное вовлечение в жизнь сообщества, что является ключевым фактором для построения гармоничного и поддерживающего общества. Все занятия программы имеют общую гибкую структуру, наполняемую разным содержанием. Каждое занятие состояло из вводной, основной и

заключительной частей. Ниже представлена таблица с учебно-тематическим планом программы, которая охватывает ключевые аспекты и темы, необходимые для достижения поставленных целей.

Таблица 1

Учебно-тематический план программы

<i>№ занятия</i>	<i>Тема занятия, цель</i>	<i>Содержание занятия</i>	<i>Продолжительность</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
1	Путешествие в свои ресурсы: знакомство и обмен опытом. Цель: расширение понимания и осознания	1. Внутригрупповое знакомство «Как..., если бы». 2. Принятие правил группы. 3. Грани жизнестойкости, раскрытие понятия.	1–1,5 час
1	понятия жизнестойкости, а также стимулирование развития личных ресурсных качеств	4. Упражнение «Примерка звериных шкур». 5. Упражнение «Примерка звериных шкур». 6. Упражнение «Обмен ресурсными качествами». 7. Завершение и рефлексия.	1–1,5 час
2	Сила внутри: развитие саморегуляции и самоконтроля. Цель: формирование навыков и умений по поддержанию и укреплению психического здоровья путем освоения способов саморегуляции и самоконтроля	1. Упражнение «Меняющаяся комната». 2. Упражнение «Жизнестойкая личность». 3. Упражнение «Мои переживания». 4. Упражнение «Стоп, напряжение!». 5. Упражнение «Твой способ саморегуляции». 6. Упражнение «Поплавок». 7. Завершение и рефлексия	1–1,5 час

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
3	<p>Я и моя жизнь.</p> <p>Цель: способствование развитию вовлеченности участников в различные сферы жизни, осознание собственных ресурсов и возможностей, развитие мотивации к активному участию в социальных и личностных активностях</p>	<p>1. Упражнение «Моя жизнь — это...».</p> <p>2. Упражнение «Карта интересов».</p> <p>3. Упражнение «Генерация идей».</p> <p>4. Завершение и рефлексия, упражнение «Аплодисменты»</p>	1–1,5 час
4	<p>Трудные жизненные ситуации и стратегии их преодоления (ч. 1).</p> <p>Цель: развитие личностных ресурсов для преодоления травмирующих ситуаций; развитие позитивной установки на отношение к окружающему миру</p>	<p>1. Введение в тему.</p> <p>2. Упражнение «Жизненная прямая».</p> <p>3. Притча «О кофе».</p> <p>4. Упражнение «Памятка стратегий».</p> <p>5. Завершение и рефлексия, упражнение «Венок знаний»</p>	1–1,5 час
5	<p>Трудные жизненные ситуации и стратегии их преодоления (ч. 2).</p> <p>Цель: развитие личностных ресурсов для преодоления травмирующих ситуаций; развитие позитивной установки на отношение к окружающему миру</p>	<p>1. Упражнение «Рукопожатия».</p> <p>2. Упражнение «Продолжи предложение».</p> <p>3. Упражнение «Пессимист, Оптимист, Шут».</p> <p>4. Упражнение «Розовый Куст».</p> <p>5. Завершение и рефлексия, Упражнение «Моя фраза успеха»</p>	1–1,5 час
6	<p>Жизнь с внутренней силой (ч. 1).</p>	<p>1. Упражнение «Факт».</p> <p>2. Теоретический экскурс «Жизнестойкая личность, какая она?».</p>	1–1,5 час

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
6	Цель: развитие компонента вовлеченности, развитие позитивного мышления, осознанности жизненного выбора, актуализация жизнестворчества	3. Упражнение «Социальная реклама». 4. Упражнение «Жизненный успех». 5. Завершение и рефлексия	1–1,5 час
7	Жизнь с внутренней силой (ч. 1). Цель: развитие компонента вовлеченности, развитие позитивного мышления, осознанности жизненного выбора, актуализация жизнестворчества	1. Упражнение «Я рад тебя видеть». 2. Упражнение «Поиск позитивного». 3. Упражнение «Точка опоры». 4. Завершение и рефлексия	1–1,5 час
8	Я управляю своей жизнью. Цель: развитие компонента контроля над своей жизнью, уверенности в своих силах. Осознание личной ответственности за свою жизнь	1. Дискуссия о контроле жизни. 2. Упражнение «Контроль и влияние». 3. Упражнение «Дерево решений». 4. Завершение и рефлексия	1–1,5 час
9	Хочешь изменить мир — начни с себя. Цель: формирование готовности к личностным изменениям, позитивного отношения к себе, потребности познать и принять себя; формирование толерантного отношения к другим	1. «Обсуждение о мире». 2. Упражнение «Познаю с других сторон». 3. Упражнение «Четыре квадрата». 4. Упражнение «Планета». 5. Завершение и рефлексия	1–1,5 час

Продолжение табл. 1

10	<p>Занятие 10. Жизненные ориентиры.</p> <p>Цель: развитие отношения к жизни как ценности, поддержание позитивного самосознания и самооценки и способствовать формированию адекватной оценки своей деятельности</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Упражнение «3 слова о себе». 2. «Притча о жизни — разноцветная реальность». 3. Упражнение «Зато я». 4. Упражнение «Герб личности». 5. Завершение и рефлексия. Упражнение «Жизнь — это...» 	1–1,5 час
11	<p>Гармония внутреннего мира: самопознание и взаимоподдержка.</p> <p>Цель: развитие самосознания, уверенности в себе, навыков межличностного общения и взаимопонимания среди участников</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Упражнение «Семафор». 2. Упражнение «Кто Я?». 3. Упражнение «Стаканчик». 4. Упражнение «Автобиография за 1 минуту». 5. Упражнение «Попроси меня о...». 6. Упражнение «Я умею, и это здорово!» 7. Завершение и рефлексия. Упражнение «Воображаемый подарок» 	1–1,5 час
12	<p>Время для себя (ч. 1).</p> <p>Цель: развитие умения вступать в контакт с самим собой; занимать позицию независимого наблюдателя по отношению к самому себе и к своей ситуации; формировать позитивное принятие себя</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Упражнение «Самохвалство». 2. Упражнение «Уровень счастья». 3. Упражнение «Я сильный — Я слабый». 4. Упражнение «Избавление от самокритики». 5. Упражнение «Рисунки Я». 6. Завершение и рефлексия. Упражнение «Девиз» 	1–1,5 час

Окончание табл. 1

13	<p>Время для себя (ч. 2).</p> <p>Цель: развитие умения вступать в контакт с самим собой; занимать позицию независимого наблюдателя по отношению к самому себе и к своей ситуации; формировать позитивное принятие себя</p>	<p>1. Упражнение «Неожиданные ассоциации».</p> <p>2. Упражнение «Вот какой Я».</p> <p>3. Упражнение «Я горжусь...».</p> <p>4. Упражнение «Волшебный стул».</p> <p>5. Упражнение «Великий мастер».</p> <p>6. Завершение и рефлексия</p>	1–1,5 час
14	<p>Зеркало души: анализ опыта и укрепление внутренней позиции.</p> <p>Цель: положительный настрой, развитие</p>	<p>1. Упражнение «Я в лучах солнца».</p> <p>2. Упражнение «Перекресток судьбы».</p> <p>3. Упражнение «Телеграмма».</p>	1–1,5 час
14	<p>чувства эмпатии, повышение самооценки, подведение итогов занятия, анализ групповой и индивидуальной работы участников, осознание участниками полученного опыта</p>	<p>4. Упражнение «Я люблю... Я хочу...Я могу...».</p> <p>5. Упражнение «Вопросы и ответы».</p> <p>6. Завершение и рефлексия «Я тебе благодарен»</p>	1–1,5 час

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ результатов по методике С. Мадди «Тест жизнестойкости» позволил выявить степень выраженности общего уровня жизнестойкости и ее компонентов у респондентов эмпирического исследования (рис. 1, 2). По результатам констатирующего этапа у большей части экспериментальной группы (ЭГ) пожилых людей наблюдается низкий уровень жизнестойкости (ср. балл 61), в то время как в контрольной группе (КГ) средний балл соответствует 100 % высокому уровню жизнестойкости (ср. балл 107).

Низкий уровень жизнестойкости у пожилого человека может быть связан с отсутствием лично значимых целей, чувствительностью к мелочам и подверженностью стрессу. Высо-

кий уровень жизнестойкости позволяет пожилым людям легче переносить тревогу при выборе неизвестного, справляться со стрессами и оставаться активными в решении жизненных задач [6, с. 121–122]. Помимо этого, отдельные компоненты жизнестойкости ЭГ находятся в преобладании средних и низких уровней, что характерно для людей, ощущающих себя отвергнутыми, вне жизни, и это подтверждает концепция Мадди. В контрольной же группе преобладание низких показателей не выявлено, поскольку этому поспособствовал критерий отбора.

Рис. 1. Степень выраженности жизнестойкости и ее компонентов в ЭГ на констатирующем этапе (ср. балл)

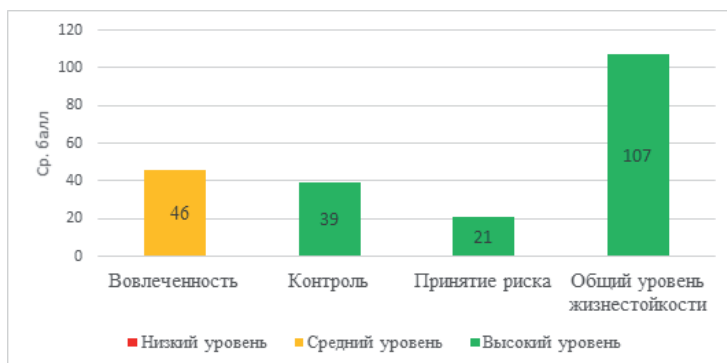

Рис. 2. Степень выраженности жизнестойкости и ее компонентов в ЭГ по первичной диагностике (ср. балл)

С помощью методики СПА Роджерса — Даймонда было возможно выявить интегральные показатели, в их числе адаптивность и ее механизмы. Анализ данных по отдельным группам позволил выявить (табл. 2): из числа лиц ЭГ все показатели находятся в преобладании средней степени выраженности, в т. ч. и «адаптивность» (ср. балл 47), что указывает на способность эффективно функционировать в социальной среде, но также может указывать на трудности, требующие внимания, ведь оптимальная адаптивность предполагает высокую степень удовлетворенности и самоутверждения, что может быть не достигнуто в полной мере всеми членами группы при среднем уровне адаптивности. Как раз в контрольной группе средний балл участников (ср. балл 65) соответствует высокому уровню выраженности адаптивности, что говорит о высоком качестве взаимодействия с окружающей средой и способности реализовывать свои внутренние ресурсы. Для КГ все остальные показатели разделяют средние и высокие уровни.

Таблица 2

**Степень выраженности адаптивности и ее механизмов
ЭГ и КГ констатирующего этапа**

Показатель	Группа	Ср. балл	Степень выраженности
Адаптивность	ЭГ	47	Средняя
	КГ	65	Высокая
Самопринятие	ЭГ	48	Средняя
	КГ	61	Высокая
Принятие других	ЭГ	51	Средняя
	КГ	57	Средняя
Эмоциональная комфортность	ЭГ	46	Средняя
	КГ	60	Средняя
Интернальность	ЭГ	54	Средняя
	КГ	61	Высокая
Стремление к доминированию	ЭГ	43	Средняя
	КГ	59	Средняя
Эскапизм	ЭГ	17	Средняя
	КГ	11	Средняя

Для исследования взаимосвязи и подтверждения гипотезы о том, что уровень жизнестойкости содействует повышению уровня адаптивности, был проведен анализ ранговой корреляции Спирмена (табл. 3, 4). Так, например, результаты данных констатирующей и контрольной диагностик ЭГ показывают взаимосвязь между жизнестойкостью и адаптивностью, а также между адаптивностью и компонентами жизнестойкости: чем ниже стремление действовать в стрессовых ситуациях, тем ниже адаптивные способности.

Таблица 3

Наличие взаимосвязи между жизнестойкостью и адаптивностью ЭГ первичной диагностики

Показатель	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Адаптивность	0,639646	0,581858	0,412163	0,618705
Жизнестойкость	1,000000	0,826087	0,710383	0,554497
Вовлеченность	0,826087	1,000000	0,561905	0,483688
Контроль	0,710383	0,561905	1,000000	0,568979
Принятие риска	0,554497	0,483688	0,568979	1,000000

Таблица 4

Наличие взаимосвязи между жизнестойкостью и адаптивностью ЭГ первичной диагностики

Показатель	Жизнестойкость	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Адаптивность	0,712593	0,737936	0,331907	0,590753
Жизнестойкость	1,000000	0,908824	0,705300	0,702484
Вовлеченность	0,908824	1,000000	0,715231	0,710775
Контроль	0,705300	0,715231	1,000000	0,678995
Принятие риска	0,702484	0,710775	0,678995	1,000000

То есть группа людей пожилого возраста из тех, кто обладает низкой жизнестойкостью, имеет низкие способности к адаптации к изменениям в жизни, таким как потеря близких, изме-

нения в здоровье или социальные условия. Л. И. Иванкина и др. авторы указывают в своем исследовании, что пожилые люди, обладающие высоким уровнем жизнестойкости, чаще находят способы справляться с трудностями, проявляют гибкость в новых обстоятельствах и сохраняют оптимистичный взгляд на жизнь [7, с. 119–123].

По итогам проведенной развивающей работы, включающей в себя цикл из 14 занятий, цель которых состояла в повышении жизнестойкости и адаптивности пожилых людей, на контрольном этапе были получены результаты, которые свидетельствуют о наличии положительной динамики испытуемых ЭГ: если до проведения программы на констатирующем этапе жизнестойкость имела низкий уровень выраженности (ср. балл 61), то после проведения на контрольном этапе — средний уровень выраженности (ср. балл 69). Для КГ жизнестойкость и ее компоненты остались в прежней степени выраженности — высокой (рис. 3, 4). При этом, если на начальном этапе все участники имели высокий уровень жизнестойкости, на заключительном 2 человека перешли на средний уровень, что может быть связано с естественной динамикой событий, например, семейными конфликтами или ухудшением здоровья. Это показывает, что даже при высокой начальной устойчивости возможны временные колебания, однако большинство сохраняет высокий уровень, что подчеркивает необходимость постоянной поддержки и профилактики.

Рис. 3. Степень выраженности жизнестойкости и ее компонентов ЭГ вторичной диагностики (ср. балл)

По результатам повторного тестирования адаптивности также наблюдается положительная динамика (табл. 5). В КГ все показатели диагностики остались без явных изменений. Для ЭГ по всем показателям методики средние баллы увеличились, в т. ч. и по «Адаптивности», которая как на этапе первичного тестирования, так и на вторичном имеет среднюю степень выраженности в ЭГ, при этом стала несколько выше (с 47 до 56 ср. балл). Эти изменения подчеркивают положительное влияние на развитие адаптивных навыков и общую психологическую устойчивость группы.

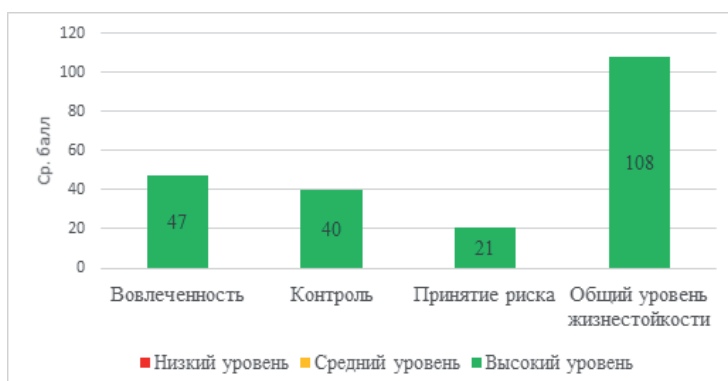

Рис. 4. Степень выраженности жизнестойкости и ее компонентов КГ вторичной диагностики (ср. балл)

Таблица 5

Степень выраженности адаптивности и ее механизмов ЭГ и КГ вторичной диагностики

Показатель	Группа	Ср. балл	Степень выраженности
1	2	3	4
Адаптивность	ЭГ	56	Средняя
	КГ	64	Высокая
Самопринятие	ЭГ	56	Средняя
	КГ	62	Высокая
Принятие других	ЭГ	55	Средняя
	КГ	59	Средняя

Окончание табл. 5

1	2	3	4
Эмоциональная комфортность	ЭГ	51	Средняя
	КГ	61	Высокая
Интернальность	ЭГ	59	Средняя
	КГ	62	Высокая
Стремление к доминированию	ЭГ	48	Средняя
	КГ	61	Средняя
Эскапизм	ЭГ	14	Средняя
	КГ	9	Низкая

Для большей достоверности данных стоит обратиться к статистической обработке и анализу. По результатам сравнительного анализа данных КГ и ЭГ вторичной диагностики по критерию U Манна — Уитни выявились статистически значимые различия между группами по шкалам «стремление к доминированию», «эскапизм», «жизнестойкость», «вовлеченность», «контроль» и «принятие риска», т. е. участники ЭГ были менее уверены в себе, менее активны в социуме, менее устойчивы к стрессу и менее склонны к принятию риска (табл. 6). После программы показатели ЭГ улучшились, но остались ниже показателей контрольной группы. По остальным показателям значимых различий выявлено не было, что свидетельствует о сближении групп.

Таблица 6

Результаты выявления различий жизнестойкости и адаптивности по U-критерию Манна — Уитни ЭГ и КГ вторичной диагностики

Показатель	Сум. ранг ЭГ	Сум. ранг КГ	p-уров.
1	2	3	4
Адаптивность	375,5000	444,5000	0,356848
Принятие себя	373,0000	447,0000	0,322801
Принятие других	390,5000	429,5000	0,606661
Эмоциональная комфортность	342,5000	477,5000	0,069683
Интернальность	414,0000	406,0000	0,924537
Стремление к доминированию	281,0000	539,0000	0,000500
Эскапизм	505,5000	314,5000	0,009767
Жизнестойкость	214,0000	606,0000	0,000000

Окончание табл. 6

1	2	3	4
Вовлеченность	272,0000	548,0000	0,000194
Контроль	242,0000	578,0000	0,000005
Принятие риска	274,0000	546,0000	0,000236

Результаты сравнительного анализа по критерию Уилкоксона для ЭГ до и после воздействия (табл. 5) отражают наличие статистически значимых различий по всем исследуемым шкалам методик. Это подтверждает, что проведенная программа оказала значительное влияние на участников, поскольку показатели после её завершения явно изменились по сравнению с исходными данными. Такие изменения свидетельствуют об эффективности вмешательства, так как результаты до и после проведения программы демонстрируют положительную динамику. Кроме того, качественный подход также выявил наличие положительных изменений в психологическом состоянии участников, что подтверждает общую положительную тенденцию и эффективность проведенной работы.

Таблица 7

Результаты сравнения жизнестойкости и адаптивности по критерию Уилкоксона ЭГ первичной и вторичной диагностик

Показатель	<i>p</i> -уров.
Адаптивность	0,000089
Принятие себя	0,000089
Принятие других	0,000233
Эмоциональная комфортность	0,000089
Интернальность	0,000738
Стремление к доминированию	0,000089
Эскапизм	0,000089
Жизнестойкость	0,000089
Вовлеченность	0,000089
Контроль	0,000120
Принятие риска	0,000132

Таким образом, полученные результаты демонстрируют явное улучшение в адаптивности и жизнестойкости участников,

что может быть связано с успешной реализацией программных мероприятий. Разработанная программа способствует развитию компонентов жизнестойкости и адаптивности. Комплекс развивающих занятий приводит пожилых граждан к пониманию, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Гипотеза о том, что использование тренинговой развивающей психологической программы будет способствовать повышению показателей уровня жизнестойкости (вовлеченность, контроль и принятие риска) и их адаптивности в преодолении жизненных трудностей у лиц пожилого возраста, находит свое подтверждение.

Заключение. Проведенное эмпирическое исследование показало, что уровень жизнестойкости является одним из ключевых факторов успешной адаптации пожилых людей к трудным жизненным ситуациям и стрессовым воздействиям. Констатирующий этап выявил значительные различия между контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группами по показателям жизнестойкости и адаптивности, причем у КГ эти показатели находились на высоком уровне, а у ЭГ — на среднем или низком. Проведение тренинговой программы способствовало значительному повышению уровня жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) у участников ЭГ, что отразилось и на улучшении их адаптивности, самопринятия, интернальности и эмоционального комфорта на контрольном этапе.

Полученные статистически значимые корреляции между показателями жизнестойкости и адаптивности подтверждают прямую связь этих психологических характеристик пожилых людей. Следовательно, такие личностные характеристики, как вовлеченность, чувство контроля и готовность принимать риски, способствуют повышению способности преодолевать жизненные трудности и эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям, что подтверждает гипотезу исследования.

Практическая значимость работы заключается в обосновании эффективности специализированных тренинговых программ, направленных на повышение жизнестойкости и адаптивности пожилых людей, особенно в учреждениях социального обслуживания с отделениями дневного пребывания. Использование таких программ способствует не только снижению риска

формирования негативных когнитивных и эмоциональных состояний, но и развитию навыков саморегуляции, уверенности в себе и социальной активности [8, с. 42–50]. Это существенно повышает психологическую устойчивость и способствует социальной интеграции пожилых граждан, улучшая психологическое благополучие, качество жизни и их социальную интеграцию.

Перспективы дальнейших исследований связываются с расширением выборки, углубленным изучением механизмов жизнестойкости и адаптации, внедрением программ для различных групп пожилых людей с учетом индивидуальных психологических особенностей и социальных условий. Дальнейшая разработка методов повышения жизнестойкости позволит улучшить эффективность работы психологов и социальных работников, а также оптимизировать профилактическую, консультативную и психотерапевтическую помощь пожилым людям, что будет способствовать укреплению их психологического благополучия и жизненного комфорта.

Таким образом, результаты исследования подтверждают важность жизнестойкости как внутреннего ресурса успешной адаптации к возрастным и социальным изменениям и обосновывают необходимость развития соответствующих программ поддержки в социальной сфере.

Список источников

1. Басов И. А. Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 5–14.
2. Тодовьянская О. В. Перспективы исследования феномена жизнестойкости в психологии // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 65–67.
3. Вербина Г. Г. Толерантность-интолерантность к старению с позиций современной социальной психологии // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 3. С. 214–217.
4. Левкова Т. В., Ленкина Е. Ю. Актуализация копинг-стратегий личности, переживающей возрастную кризис // Постулат. 2021. № 5. С. 34–37.
5. Капидинова С. Б., Закусило Д. С. Проблема адаптации пожилых людей к условиям новой социальной среды // Форум молодых ученых. 2018. №3 (19). С. 202–204.
6. Микуц О. В. Три составляющие жизнестойкости // МНИЖ. 2015. № 5–3 (36). С. 121–122.

7. Иванкина Л. И., Аникина Е. А., Клемашева Е. И., Касати Ф. Стратегии жизнестойкости пожилых людей // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). С. 119–123.

8. Попова Т. А. Взаимосвязь показателей повседневного стресса, свойств личности и отношения к себе в пожилом возрасте // Вестник ПГГПУ. Психологические и педагогические науки. 2023. № 1. С. 42–50.

9. Ральникова И. А. Динамика адаптивности мужчин и женщин, переживающих переломные события, в процессе психологической коррекции // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 2 (36). С. 170–176.

10. Садыков Р. М. Социальное обслуживание пожилых лиц на дому: организация, принципы и виды // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2–2 (89). С. 106–109.

11. Тунгусова Е. В. Исследование жизненной стратегии и отношения к старости у сотрудников предпенсионного и пенсионного возрастов // Медицина. Социология. Прикладные исследования. 2021. № 3. С. 114–120.

References

1. Basov I.A. The relationship between the meaning of life and subjective well-being in late life. *Psichologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and current research]. 2018. Vol. 7. No 5A. Pp. 5–14. (In Russ.)

2. Todovyanskaya O. V. Prospects for Researching the Phenomenon of Resilience in Psychology. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2021. No 47 (389). Pp. 65–67. (In Russ.)

3. Verbina G. G. Tolerance and intolerance to aging from the perspective of modern social psychology. *Obzor pedagogicheskikh issledovanij* [Overview of pedagogical research]. 2021. Vol. 3. No 3. Pp. 214–217. (In Russ.)

4. Levkova T. V., Lenkina E. Yu. Actualization of coping strategies for individuals experiencing an age-related crisis. *Postulat* [The postulate]. 2021. No 5. Pp. 34–37. (In Russ.)

5. Kapidinova S. B., Zakusilo D. S. The problem of elderly people adapting to the new social environment. *Forum molodyh uchenyh* [Forum of Young Scientists]. 2018. No 3 (19). Pp. 202–204. (In Russ.)

6. Mikuc O. V. The three components of resilience. *MNIZH* [ISRJ]. 2015. No 5–3 (36). Pp. 121–122. (In Russ.)

7. Ivankina L. I., Anikina E. A., Klemasheva E. I., Kasati F. Resilience strategies for the elderly. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Vectors of Well-Being: Economics and Society]. 2020. No 4 (39). Pp. 119–123. (In Russ.)

8. Popova T. A. The relationship between indicators of everyday stress, personality traits, and self-esteem in old age. *Vestnik PGGPU. Psichologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of PSUHE. Psychological and Pedagogical Sciences]. 2023. No 1. Pp. 42–50. (In Russ.)

9. Ral'nikova I. A. Dynamics of adaptability in men and women experiencing life-changing events during psychological correction. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Scientific and pedagogical review]. 2021. No 2 (36). Pp. 170–176. (In Russ.)

10. Sadykov R. M. Social Services for the Elderly at Home: Organization, Principles, and Types. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2024. No 2–2 (89). Pp. 106–109. (In Russ.)

11. Tungusova E. V. Research on life strategies and attitudes towards old age among pre-retirement and retirement-age employees. *Medicina. Sociologiya. Prikladnye issledovaniya* [Medicine. Sociology. Applied research]. 2021. No 3. Pp. 114–120. (In Russ.)

Сведения об авторах

Пензина Дарья Евгеньевна, магистрант 1-го курса направления «Социально-гуманитарные технологии работ с молодежью и детьми», Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167000, Сыктывкар, Коммунистическая, д. 25)

Евсеева Антонина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, преподаватель, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167000, Сыктывкар, Коммунистическая, д. 25)

Information about the authors

Daria E. Penzina, 1st year Master's student of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Psychology in the social sphere (25, Kommunisticheskaya str, Syktyvkar, 167000, Russia)

Antonina N. Evseeva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, lecturer at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (25 Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Russia, 167000)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 22.01.2026

Научная статья / Article

УДК 37.018+257

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-168>

**Педагогическая функция приходской среды
как воспитательной системы: от наблюдения
к интеграции**

Максим Алексеевич Санников

Институт развития образования им. К. Д. Ушинского, Ижевск, Россия
rector@ushinsky-iro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6155-0581>

Аннотация. Современное общество сталкивается с кризисом традиционных институтов воспитания, что актуализирует поиск альтернативных сред, способных формировать устойчивые духовно-нравственные ориентиры у детей и подростков. В условиях цифровизации и ценностной дезориентации особую значимость приобретают сообщества, сочетающие межпоколенческую преемственность, сакральные практики и деятельностное включение в традицию. Несмотря на очевидный педагогический потенциал приходской среды, в научной литературе она редко рассматривается как целостная воспитательная система, а её функции и механизмы воздействия остаются недостаточно изученными. Большинство исследований фокусируются на формальных аспектах религиозного образования, упуская из виду организационное влияние литургической жизни, общинного взаимодействия и неформальных практик. Целью данного исследования является выявление и обоснование педагогических функций приходской среды как самостоятельной воспитательной системы, интегрирующей институциональные, коммуникативные и поведенческие механизмы формирования личности. Эмпирическая база исследования включает 350 воспитанников воскресных школ и 35 педагогов из 12 приходских Ижевской и Удмуртской епархий. Применялись качественные (наблюдение, кейс-анализ программ, полуструктурированные интервью) и количественные (авторская методика «АксиоДиагностика+», тесты моральных дилемм Л. Колберга и ценностных ориентаций М. Рокича) методы, а также статистическая обработка данных (*t*-критерий, корреляционный анализ). Результаты исследования подтвердили три ключевые функции приходской среды: институциональную (устойчивость ценностной трансляции), коммуникативную (межпоколенческий диалог) и поведенческую (практическое воплощение нравственных норм). Установлено, что ре-

гулярное участие в литургической жизни коррелирует с повышением уровня духовно-нравственного развития ($r = 0.76$), а программы, сочетающие наставничество и социальное служение, демонстрируют прирост поведенческих показателей на 18 %. Выявлены значимые различия в моральных суждениях между воспитанниками приходской среды и контрольной группой: 38 % детей из приходов достигли постконвенционального уровня этических оценок (против 12 % в контрольной группе). Вклад исследования заключается в систематизации педагогического потенциала приходской среды, что расширяет теоретические представления о неформальных воспитательных системах. Практическая значимость работы связана с возможностью интеграции приходских практик в светское образование при сохранении их аутентичности. Полученные данные открывают перспективы для дальнейшего изучения средового подхода в воспитании, особенно в контексте преодоления разрыва между поколениями.

Ключевые слова: приходская среда, духовно-нравственное воспитание, воскресная школа, аксиолого-антропологическая реконструкция, педагогические функции, ценностные ориентации, межпоколенческое взаимодействие, аксиологическая модель, церковная община, воспитательные системы

Для цитирования: Санников М. А. Педагогическая функция приходской среды как воспитательной системы: от наблюдения к интеграции // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 168–190. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-168>

The pedagogical function of the parish environment as an educational system: from observation to integration

Maksim A. Sannikov

Ushinsky Institute for the Development of Education
Izhevsk, Russia

rector@ushinsky-iro.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6155-0581>

Abstract. *Modern society is facing a crisis of traditional educational institutions, which is driving the search for alternative environments capable of fostering sustainable spiritual and moral values in children and adolescents. In the context of digitalization and value disorientation, communities that combine intergenerational continuity, sacred practices, and active engagement with tradition are becoming especially important. Despite the obvious pedagogical potential of the parish environment, it is rarely considered in the academic literature as a holistic educational system, and its functions and mechanisms of influence remain understudied. Most studies focus on the formal as-*

pects of religious education, overlooking the organic influence of liturgical life, community interaction, and informal practices. The purpose of this study is to identify and substantiate the pedagogical functions of the parish environment as an independent educational system integrating institutional, communicative, and behavioral mechanisms for personality development. The empirical base of the study includes 350 Sunday school students and 35 teachers from 12 parishes of the Izhevsk and Udmurt dioceses. Qualitative (observation, case study analysis of programs, semi-structured interviews) and quantitative methods (the author's "AxioDiagnostics+" methodology, L. Kohlberg's moral dilemma tests, and M. Rokich's value orientation tests) were used, as well as statistical data processing (t-test, correlation analysis). The study's results confirmed three key functions of the parish environment: institutional (sustainable value transmission), communicative (intergenerational dialogue), and behavioral (practical implementation of moral norms). Regular participation in liturgical life was found to correlate with increased levels of spiritual and moral development ($r=0.76$), while programs combining mentoring and social service demonstrated an 18% increase in behavioral indicators.

Significant differences in moral judgments were revealed between children in the parish environment and the control group: 38% of children in the parish environment achieved a post-conventional level of ethical judgment (versus 12% in the control group). The study's contribution lies in systematizing the pedagogical potential of the parish environment, expanding theoretical understanding of informal educational systems. The practical significance of the study lies in the possibility of integrating parish practices into secular education while maintaining their authenticity. The findings open up prospects for further study of the environmental approach to education, particularly in the context of bridging the generation gap.

Keywords: *parish environment, spiritual and moral education, Sunday school, axiological and anthropological reconstruction, pedagogical functions, value orientations, intergenerational interaction, axiological model, church community, educational systems*

For citation: Sannikov M. A. The pedagogical function of the parish environment as an educational system: from observation to integration. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 168–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-168>

Введение. Современное российское общество находится в состоянии сложных социокультурных трансформаций, затрагивающих прежде всего сферу воспитания. В условиях духовной и нравственной нестабильности, дефицита устойчивых смыслов и утраты коллективной идентичности всё более очевидной становится потребность в опоре на институции, обладающие

воспитательным потенциалом, способным к восстановлению ценностного ядра личности. Как отмечает Н. В. Гречанникова [1], в условиях геополитических вызовов особую актуальность приобретает формирование гражданской устойчивости через социально-воспитательные среды, интегрирующие традиционные ценности. Данный подход демонстрирует концептуальную близость с приходской средой, где ценностная трансляция осуществляется не через формальные программы, а через органичное включение в общинную жизнь и сакральные практики, обеспечивая глубину усвоения духовно-нравственных ориентиров.

Как отмечает А. В. Ромина [2], современные подростки, испытывая перегрузку цифровыми стимулами и дефицит навыков самоорганизации, оказываются особенно уязвимы к ценностной дезориентации. В этом контексте приходская среда предлагает не просто альтернативу «хронофагам» (поглотителям времени), но и целостную систему ритмов и практик, где временная дисциплина естественно вытекает из духовных смыслов. По мнению Д. Р. Баталова [3], современные школы сталкиваются с кризисом воспитательного потенциала, проявляющимся в росте буллинга и деформации ценностных ориентиров. В этом контексте приходская среда предлагает альтернативную модель профилактики девиаций через формирование духовной общности и нравственных оснований межличностных отношений.

Как подчёркивал Н. Д. Никандров [4], одним из ключевых вызовов современности является именно дефицит устойчивых воспитательных институций, способных формировать целостную личность. В условиях фрагментации идентичности и разрыва поколений именно религиозные сообщества могут восполнить данный дефицит. Эта мысль перекликается с идеями К. Д. Ушинского [5], который подчёркивал, что «воспитание, лишённое религиозной основы, не достигает своей цели», ибо только духовные традиции обеспечивают преемственность нравственных идеалов между поколениями.

Современная школа в условиях цифровой трансформации сталкивается с кризисом воспитательных технологий [6]. В этом контексте приходская среда предлагает принципиально иную модель воспитания — не через формальные педагогические технологии, а через органичное включение в ценностно-

насыщенную общинную жизнь. Схожие принципы обосновывал С. А. Рачинский [7], создатель сельских церковно-приходских школ, чья педагогическая система строилась на «триединстве храма, школы и общины». Он доказал, что совместное участие детей и взрослых в литургической жизни создаёт «нравственный иммунитет» против разрушительных влияний.

В свою очередь О. А. Михалькова, Д. Р. Галина и Ю. С. Оранская [8] констатируют, что современные воспитательные системы достигают эффективности лишь при органичном сочетании формальных и неформальных элементов. При этом, как показывают исследования С. В. Клейн, Д. А. Эйфельд, Н. В. Никифорова [9], ключевым фактором устойчивого развития детей является не только ценностная среда, но и комплекс условий. Примечательно, что аналогичный интеграционный подход демонстрирует и светская педагогика, исследованная Е. Н. Маковой и К. Г. Петровым [10].

Однако, в отличие от проектно-ориентированных моделей, приходская среда обеспечивает не просто внешнее сотрудничество, а глубинную ценностную интеграцию через ритм литургической жизни и межпоколенческое общение. Исторический опыт церковно-приходских школ Пензенской губернии XIX–XX вв. подтверждает эффективность такой интеграции. Как отмечает П. В. Колесников [11], даже в условиях ограниченных ресурсов эти школы формировали устойчивые нравственные ориентиры через систематическое включение детей в сакральные практики.

В свою очередь А. Н. Рыжов [12] отмечает, что историческая трансформация приходских училищ в XVI–XVII вв. демонстрирует ключевую закономерность: устойчивость воспитательно-го потенциала религиозного образования напрямую зависит от сохранения органичной связи с традиционными ценностями и формами общинной жизни. Европеизация образовательных моделей во второй половине XVII века, сопровождавшаяся внедрением схоластических методов, временно ослабила этот потенциал, что подтверждает опасность механического заимствования внешних форм без учёта духовных оснований.

Этот опыт демонстрирует, что приходская среда как воспитательная система обладает уникальным потенциалом трансляции ценностей через проживание традиции. Приходская среда — устойчивое, локальное сообщество, формирующееся во-

круг православного храма и обладающее потенциалом системной педагогической значимости.

Приход традиционно рассматривается как центр литургической и пастырской жизни, однако его роль в процессах внеинституционального воспитания остаётся в педагогике недостаточно осмысленной. При этом именно в приходе складываются уникальные условия для формирования духовно-нравственного опыта ребёнка: в процессе участия в богослужении, совместной молитве, приобщении к таинствам, трудах на благо общины происходит неформальное воспитательное воздействие. Философско-педагогические основания такого подхода были разработаны В. В. Зеньковским [13], который раскрыл механизм превращения внешних религиозных практик во внутренние ориентиры: через участие в таинствах и общинной жизни ребёнок усваивает «не идею добра, а само добро как жизненную реальность».

Несмотря на очевидную воспитательную насыщенность приходской жизни, в научной педагогике она редко рассматривается как самостоятельная воспитательная система. Внимание исследователей чаще сосредоточено на институциональных формах воспитания, в то время как роль религиозных сообществ остаётся в тени. Такая фрагментарность оценки приводит к недооценке как механизмов влияния среды, так и возможностей её педагогической интеграции.

В этой связи актуальным становится вопрос: может ли приход рассматриваться не только как духовная, но и как педагогическая система? Принимая во внимание, что приходская среда обладает институциональной устойчивостью, ценностной насыщенностью и высокой степенью вовлечённости, следует признать её потенциальную значимость как системного ресурса формирования нравственных ориентаций.

В контексте культурологического подхода следует отметить вклад Л. Н. Щурковой и О. С. Газмана, осмысливших воспитание как процесс культурной и духовной инициации. Деятельностный аспект опирается на труды Е. Н. Якиманской и В. В. Зайцева, в которых подчёркивается значение включённости ребёнка в значимую социальную и ценностную практику. Указанные подходы легли в основание интерпретации приходской среды как среды реального делания, сопричастности и духовного взросления.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составляет авторская концепция аксиолого-антропологической реконструкции (ААР). В её логике приходская среда рассматривается не только как социальный феномен, но как целостная онтоаксиологическая система, обладающая внутренне структурированным аксиологическим ядром (традиционные христианские ценности) и соответствующей антропологической моделью (человек как образ Божий, призванный к обожению и служению). Данное эмпирическое исследование ставит целью не просто описать функции этой среды, но верифицировать её воспитательный потенциал как системы, выявив механизмы трансляции ценностного ядра и реализации антропологической модели в конкретных педагогических практиках и коммуникативных формах.

Методы исследования, теоретическая база. Исследование опиралось на комплексную методологическую стратегию, сочетающую качественные и количественные методы для всестороннего изучения педагогической функции приходской среды. Эмпирическую базу составили 350 воспитанников воскресных школ (150 мальчиков, 200 девочек) в возрасте 9–14 лет ($M = 11,5$; $SD = 1,8$) и 35 педагогов 28–54 лет ($M = 41,2$; $SD = 7,1$) из 12 городских и сельских приходов Ижевской и Удмуртской епархии.

Качественная составляющая исследования включала систематическое наблюдение за участием детей в богослужениях и приходской жизни, кейс-анализ 24 типичных заданий авторских общеразвивающих программ «Священная история и православная культура: познание через деятельность» для воспитанников 8–10 лет, «Церковь и человек: богослужение, вера, жизнь» для воспитанников 11–13 лет и «Православный мир и современность: богословие, миссия, служение» для воспитанников 14–17 лет, а также полуструктурированные интервью с педагогами и духовниками по методике В. А. Ядова [14], направленные на выявление механизмов ценностной трансляции и особенностей педагогического взаимодействия. В ходе интервью особое внимание уделялось следующим ключевым вопросам:

1. Какие элементы приходской жизни, по вашему мнению, наиболее эффективно способствуют духовно-нравственному развитию детей?

2. Как проявляется динамика ценностных ориентаций у воспитанников в процессе их включения в общинную жизнь?

3. Какие педагогические стратегии вы используете для адаптации церковных традиций к возрастным особенностям детей?

4. Как в вашей практике сочетаются формальные образовательные методы и неформальное воспитательное влияние приходской среды?

5. Какие трудности возникают при интеграции детей в литургическую жизнь прихода и как они преодолеваются?

Количественная часть исследования базировалась на авторской методике «АксиоДиагностика+», оценивающей три уровня духовно-нравственного развития: когнитивный (знание нравственных норм), эмоционально-ценностный (личностное принятие ценностей) и поведенческий (реализация ценностей в деятельности). Это инструмент для фиксации результатов педагогической трансляции ценностного ядра в сознание и деятельность. Для верификации результатов усвоения аксиологического ядра применялись адаптированный опросник «Моральные дилеммы» Л. Колберга [15] и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в модификации Д. А. Леонтьева [16], что обеспечило надёжность полученных данных в выявлении иерархии терминальных и инструментальных ценностей.

Теоретическая основа исследования объединила аксиологический (М. Вебер, Г. Риккерт, А. Г. Здравомыслов, В. П. Зинченко), культурологический (Е. В. Бондаревская, С. В. Кульнева, Л. Н. Щуркова, И. Ф. Герbart, Э. Дюркгейм), деятельностный (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, П. Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев) и святоотеческий (святители Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Златоуст) подходы, позволившие рассмотреть приходскую среду как целостный воспитательный феномен.

Статистическая обработка включала применение t-критерия Стьюдента, корреляционного анализа по Пирсону и контент-анализа качественных данных, что обеспечило триангуляцию методов и достоверность выводов. Такой комплексный подход позволил не только зафиксировать проявления педагогической функции приходской среды, но и выявить механизмы её воздействия на духовно-нравственное развитие детей.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ эмпирических данных позволил выделить три ключевые педагогические функции приходской среды. Первая функция — институциональная — проявляется в устойчивости приходской среды как воспитательного института, обладающего собственными формами социализации и механизмами ценностной трансляции. Приход выступает не только как духовный центр, но и как неформальная образовательная структура.

Вторая функция — коммуникативная — выражается в живом взаимодействии участников общины, в котором ребёнок включается в систему межпоколенческих связей, осваивая нормы христианской этики. Как показывают Н. А. Жукова и Г. В. Чиганова [17], диалоговые практики становятся ключевым ресурсом личностного становления. В приходской среде этот принцип реализуется через межпоколенческое общение, где сакральные практики создают среду для глубинного диалога. Как отмечает Т. Г. Боргоякова [18], внеклассная деятельность способствует формированию коммуникативного опыта. Этот подход перекликается с приходской средой, где коллективные практики развивают навыки кооперации. Коммуникация в приходе формирует представления о взаимной ответственности и служении.

Третья функция — поведенческая — связана с регулярным участием детей в литургической жизни, таинствах и трудах. Именно в этих формах нравственные ценности обретают практическое воплощение, формируя устойчивую привычку к добру. Полученные данные подтвердили эффективность педагогических программ, где деятельность воскресных школ включает духовно-просветительские модули, социальное служение и наставничество. Эти программы демонстрируют потенциал интеграции содержания, формы и среды.

Это согласуется с трактовкой Е. Н. Волкова, рассматривающего духовную практику как способ внутренней трансформации. Л. М. Митина выделяет ценностную среду как педагогическую конфигурацию, в которой формируется личностный смысл действия.

В рамках программ были зафиксированы проявления ключевых духовно-нравственных ценностей: веры, надежды, любви, смирения, послушания, милосердия и ответственности. Эти ценности проявляются в мотивации и действиях детей.

Исследование выявило значимую зависимость между качеством педагогического сопровождения и результатами воспитанников ($r = 0.82$, $p < 0.001$). В приходах с системным подходом показатели на 23 % выше (58 ± 2.9 против 45 ± 3.1 , $t = 4.78$, $p < 0.001$). Особенно эффективными оказались программы (см. табл. 1), включающие:

1. Межпоколенческое наставничество (+18 % к поведенческим показателям);
2. Практико-ориентированные формы (+15 % к эмоциональному компоненту);
3. Индивидуализированный подход (+12 % к когнитивному развитию).

Таблица 1

Эффективность различных педагогических подходов (%)

<i>Подход</i>	<i>Прирост показателей (%)</i>	<i>p-value</i>
Межпоколенческое общение	18 ± 2.1	<0.01
Социальное служение	15 ± 1.8	<0.05
Индивидуальные беседы	12 ± 1.5	<0.05
Групповые дискуссии	9 ± 1.2	>0.05

При применении диагностической методики «АксиоДиагностика+» удалось зафиксировать выраженную динамику по всем трём уровням воспитательного результата. На когнитивном уровне наблюдалось осознанное знание детьми ключевых понятий нравственности, ориентация на ценности веры, милосердия, послушания и ответственности. Эмоционально-ценностный уровень, связанный с сердечной настроенностью, проявлялся в высокой степени эмпатии, уважительном отношении к ближнему и готовности к сопереживанию. Поведенческий уровень, отражающий добродетельную активность, обнаружился в готовности к участию в церковной жизни, послушаниях, социальной помощи и добровольных трудах. Анализ гендерных различий показал, что девочки демонстрируют более высокие результаты в эмоционально-волевой сфере (58 ± 4.1 балла против 52 ± 3.8 у мальчиков, $p < 0.05$), тогда как мальчики превосходят в поведенческих проявлениях (56 ± 3.5 против 53 ± 3.2 , $p < 0.05$). Возрастная динамика (см. табл. 2) отражает прогресс в когнитивном компоненте: если у 9-летних средний балл со-

ставляет 11.2 ± 1.8 , то к 14 годам он достигает 13.8 ± 1.2 ($F=8.34$, $p < 0.01$).

Таблица 2

Возрастная динамика показателей (в баллах)

<i>Возраст</i>	<i>Когнитивный</i>	<i>Эмоциональный</i>	<i>Поведенческий</i>
9 лет	11.2±1.8	12.4±2.1	10.8±1.9
10 лет	11.8±1.6	12.9±1.8	11.5±1.7
11 лет	12.3±1.5	13.2±1.6	12.1±1.5
12 лет	12.9±1.4	13.6±1.4	12.8±1.3
13 лет	13.4±1.3	13.9±1.3	13.2±1.2
14 лет	13.8±1.2	14.1±1.1	13.7±1.1

Комплексная структура приходской среды, включающая в себя богослужебный, образовательный, трудовой и коммуникативный компоненты, демонстрирует высокий потенциал как интегрированная воспитательная система, способная формировать целостные духовно-нравственные ориентиры у детей.

Результаты диагностики по методике «АксиоДиагностика+» подтвердили высокую эффективность приходской среды в формировании духовно-нравственных ценностей. Как показано в таблице 3, у 68 % воспитанников воскресных школ выявлен продвинутый уровень развития по когнитивному и эмоционально-волевому компонентам, что существенно превышает показатели в контрольной группе (32 %, $p < 0.01$). Особенно выраженные различия наблюдались в поведенческом блоке: 72 % воспитанников приходской среды демонстрировали устойчивые модели нравственного поведения против 28 % в контрольной группе ($\chi^2 = 24.6$, $p < 0.001$).

Таблица 3

Распределение уровней духовно-нравственного развития воспитанников (%)

<i>Компонент</i>	<i>Уровень</i>	<i>Приход- ская среда</i>	<i>Контроль- ная группа</i>	<i>p-value</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Когнитивный	продвинутый	68	32	<0.01
	базовый	25	45	
	начальный	7	23	

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Эмоциональ- ный	продвинутый	65	30	<0.01
	базовый	28	48	
	начальный	7	22	
Поведенческий	продвинутый	72	28	<0.001
	базовый	22	42	
	начальный	6	30	

Корреляционный анализ выявил сильную взаимосвязь между регулярностью участия в литургической жизни и уровнем духовно-нравственного развития ($r = 0.76$, $p < 0.001$). Наибольший прогресс наблюдался у воспитанников, посещающих воскресную школу более 2 лет — их средний балл вырос с 42 ± 3.2 до 54 ± 2.8 ($t = 5.67$, $p < 0.001$).

Для углублённого анализа духовно-нравственного сознания воспитанников была применена методика «Моральные дилеммы» Л. Колберга. Исследование выявило значимые различия в уровне моральных суждений между воспитанниками из приходской среды и контрольной группой (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение уровней морального сознания воспитанников воскресной школы по Л. Колбергу (%)

Уровень развития	Характеристика	Приходская среда	Контрольная группа	p-value
1	2	3	4	5
Постконвенциональный	ориентация на универсальные этические принципы (справедливость, милосердие)	38	12	<0.001
Конвенциональный	следование нормам общины/законам	45	33	<0.05

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
Преконвенциональный	эгоцентризм, ориентация на наказание/поощрение	17	55	<0.001

Анализ морального сознания воспитанников по методике Л. Колберга выявил статистически значимые различия между группами. В приходской среде 38 % детей продемонстрировали постконвенциональный уровень моральных суждений (против 12 % в контрольной группе, $p < 0.001$), что проявлялось в аргументации, основанной на принципах жертвенной любви («Капитан должен спасти команду, даже ценой жизни — это подвиг») и абсолютной ценности человеческой жизни («Вальжан не виноват — он боролся за жизнь сестры»). Характерным примером служит ответ 13-летнего мальчика: «Совість — это голос Бога в сердце. Даже если закон строг, милосердие важнее».

Религиозный контекст оказал существенное влияние на моральные ориентации: 72 % воспитанников приходской среды апеллировали к библейским заповедям («Не укради», «Возлюби ближнего»), тогда как в контрольной группе преобладали утилитарные суждения («Нельзя красть, иначе посадят в тюрьму»). Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь между постконвенциональным уровнем и показателями по шкале «Милосердие» в «АксиоДиагностика» (14.2 ± 1.1 из 15, $p < 0.01$), а также отрицательную корреляцию с преконвенциональным уровнем ($r = -0.68$, $p < 0.001$).

Типичные ответы на дилемму о Вальжане иллюстрируют эти различия: 14-летняя девочка из приходской группы аргументировала: «Нет, потому что он искупил вину добрыми делами. Бог прощает кающихся», тогда как 10-летний мальчик из контрольной группы отвечал: «Да, иначе самого моряка накажут». Особенно показательно, что 85 % детей с постконвенциональным уровнем регулярно участвовали в обсуждении притч на занятиях воскресной школы (против 23 % в контрольной группе, $\chi^2 = 31.4$, $p < 0.001$), что подтверждает роль межпоколенческого диалога в формировании сложных этических оценок, ориентированных на высшие духовные ценности.

Полученные данные убедительно свидетельствуют, что приходская среда способствует переходу от внешнего контроля (страх наказания) к внутренней мотивации (совесть как «со-весь» с Богом), формируя способность к автономным моральным суждениям, основанным на универсальных этических принципах. Эти результаты полностью согласуются с выявленными ранее коммуникативной и поведенческой функциями приходской среды.

Применение методики ценностных ориентаций М. Рокича (см. табл. 5) выявило значимые различия в иерархии ценностей между воспитанниками приходской среды и контрольной группой. Анализ терминальных ценностей показал, что для детей из приходской среды наиболее значимыми (ранги 1–6) оказались: любовь (2.3 ± 0.8), счастливая семейная жизнь (3.1 ± 1.2), счастье других (4.5 ± 1.4), тогда как в контрольной группе лидировали здоровье (2.8 ± 1.1), материально обеспеченная жизнь (3.4 ± 1.3), уверенность в себе (4.1 ± 1.5). Различия статистически значимы ($p < 0.01$ по t-критерию Стьюдента).

Таблица 5

Средние ранги терминальных ценностей в группах (в баллах)

Ценность	Приходская среда	Контрольная группа	p-value
Любовь	2.3 ± 0.8	5.7 ± 1.2	<0.001
Счастливая семейная жизнь	3.1 ± 1.2	6.4 ± 1.5	<0.01
Счастье других	4.5 ± 1.4	8.2 ± 1.7	<0.01
Здоровье	5.2 ± 1.3	2.8 ± 1.1	<0.05
Материальная обеспеченность	7.8 ± 1.6	3.4 ± 1.3	<0.001

В инструментальных ценностях воспитанники приходской среды продемонстрировали приоритет чуткости (3.2 ± 1.1), ответственности (2.9 ± 0.9), терпимости (4.1 ± 1.3), в то время как контрольная группа выделила независимость (3.5 ± 1.2), образованность (3.8 ± 1.4), эффективность в делах (4.3 ± 1.5). Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь между участием в литургической жизни и ценностями «ответствен-

ность» ($r = 0.72$) и «чуткость» ($r = 0.68$), а также отрицательную корреляцию с «высокими запросами» ($r = -0.61$).

Характерно, что 78 % воспитанников приходской среды включили «терпимость» и «чуткость» в топ-6 значимых ценностей (против 32 % в контрольной группе, $\chi^2 = 25.7$, $p < 0.001$). При этом «непримиримость к недостаткам» оказалась среди отвергаемых ценностей (ранг 15.2 ± 2.1) у приходских детей, что согласуется с православной концепцией снисхождения к человеческим слабостям. Пример типичного ответа: «Важно сначала увидеть бревно в своём глазу, чем соринку в чужом» (девочка, 12 лет).

Полученные данные подтверждают формирование в приходской среде особой аксиологической модели, где доминируют ценности жертвенной любви, ответственности перед Богом и ближними, терпимости, что полностью соответствует выявленным ранее институциональной и поведенческой функциям приходской среды. Эти результаты дополняют картину целостного воздействия приходской среды на ценностное становление личности, демонстрируя гармоничное сочетание терминальных и инструментальных ценностей, ориентированных на служение и духовное совершенствование.

Результаты исследования позволяют рассматривать приходскую среду как современную воспитательную систему. В отличие от институциональных форм (педагогические классы, кванториумы), приход представляет собой более целостную среду, где воспитание осуществляется через непрерывное погружение в традицию, духовную практику и живое сообщество. Это обеспечивает органичную связь онтологических оснований, аксиологического ядра (традиционные ценности) и антропологической модели (человек в общине), что соответствует логике целостных онтоаксиологических систем, изучаемых методом аксиолого-антропологической реконструкции.

Педагогические классы сохраняют школьно-урочную модель, а их воспитательный потенциал зависит от мотивации и личностной поддержки. Кванториумы создают условия для проектной деятельности, но их аксиологическая основа остаётся светской и не связана с целостным мировоззренческим становлением [19]. В терминах аксиолого-антропологической реконструкции им не хватает целостного аксиологического ядра и

глубинной, традиционно укоренённой антропологической модели.

На этом фоне приходская среда проявляется как уникальное пространство, где происходит синтез ценностных констант, педагогического авторитета и литургического ритма жизни. Она воспитывает через ритм церковного года, сопричастность традиции и опыт служения. Выявленные эмпирически три функции среды (институциональная, коммуникативная, поведенческая) выступают каналами естественной педагогической трансляции её аксиологического ядра в личностный опыт.

Как отмечают А. С. Богданова и Н. Д. Петухова [20], системы для одарённых детей делают акцент на персонализированном подходе. Приходская среда предлагает синтез индивидуального наставничества и коллективной духовной практики. С. Н. Калинина [21] указывает, что принципы организации воспитательной среды в дошкольных учреждениях перекликаются с естественной педагогикой прихода. Этот параллелизм подтверждает универсальность среднего подхода.

Р. У. Ариффулина, Т. К. Беляева и Л. В. Белогорская [19] отмечают, что инновационные форматы стремятся к формированию ценностных ориентиров, но их основа остаётся инструментальной. Приходская среда предлагает глубинное ценностное присвоение через сакральные практики. Как показывают А. А. Кобозева, А. С. Сухарев и Е. В. Кирпичёва [22], моделирование воспитательных систем в светском образовании часто сводится к формальному проектированию. В отличие от этого, приходская среда демонстрирует естественную целостность воспитательного процесса, где проектный синтез (как этап реконструкции) уже изначально воплощён в самой структуре общинной жизни.

Ценности в приходе проживаются через регулярное участие в жизни общины, что формирует понимание нравственного выбора. Данная практика может быть осмыслена в логике «педагогике сопричастности» А. В. Караковского [23]. Это соответствует этапу педагогической трансляции в методологии реконструкции, когда ценности аксиологического ядра (*caritas*, *synergia*) воплощаются в конкретных формах взаимодействия.

Коллективный характер воспитания в приходе формирует опыт сопричастности и взаимопомощи. Это позволяет говорить о приходе как о субъекте воспитания. Такое понимание согласо-

ется с позицией В. С. Безруковой. Л. В. Байбородова [24] подчёркивает, что педагогическая среда способна стать «третьим педагогом». Приход выступает как активная педагогическая инстанция, реализующая антропологическую модель «синергичного человека» (*synergia*), где развитие происходит в со-действии с другими и с Богом.

Коллективная природа приходской жизни дополняет индивидуальный подход. Приходская среда предлагает синтез соборного и персонализированного начал. Коллективизм, на который обращает внимание И. И. Атисков [25], является условием позитивного воспитательного результата. Приходская среда реализует этот принцип через практику совместной жизни, труда и богослужения, формируя устойчивое нравственное ядро личности.

Таким образом, приходская среда демонстрирует высокую степень педагогической эффективности, заключающуюся не столько в прямой трансляции знаний или моделей поведения, сколько в создании целостного контекста, в котором ценности обретают личностную значимость. В работах А. Н. Дорохова и В. А. Слостёнина [26] подчёркивается, что воспитательное пространство эффективно тогда, когда оно структурировано на принципах добровольного включения, смысловой насыщенности и взаимодействия субъектов на равных. Приход как воспитательная система в полной мере соответствует этим критериям, формируя поле для нравственного выбора и совместной ответственности. Эмпирические данные исследования подтверждают, что приходская среда функционирует как живой пример успешной аксиолого-антропологической реконструкции «в действии», где философско-богословские категории (образ Божий, синергия, соборность, аскеза) естественным образом транслируются в педагогическую реальность. Этот контекст не навязывает, но приглашает — через пример, участие, со-действие. В результате ребёнок оказывается включён в воспитательное пространство, в котором формирование добродетели является не абстрактной целью, а естественным продолжением жизни в верующем сообществе.

Заключение. Исследование подтверждает, что приходская среда обладает выраженной педагогической функцией, формируя устойчивую систему духовно-нравственного воспитания вне рамок формального образования. Это согласуется с её

рассмотрением в логике аксиолого-антропологической реконструкции как целостной онтоаксиологической системы, где аксиологическое ядро (ценности — вера, надежда, любовь) неразрывно связано с антропологической моделью (человек как образ Божий в общине). Установлено, что педагогический потенциал среды проявляется в трёх взаимосвязанных функциях: институциональной, коммуникативной и поведенческой. Через регулярное участие в литургической и приходской жизни у воспитанников формируются нравственные ориентиры, ценностные установки и практические навыки. Эмпирически выявленные функции выступают конкретными механизмами педагогической трансляции, обеспечивающими усвоение ценностного ядра и реализацию антропологической модели через действие (*synergia*), аскезу и служение.

Выводы открывают перспективу интеграции приходов в общее воспитательное пространство региона. Речь идёт о создании координированной системы взаимодействия церковных приходов, воскресных школ и образовательных учреждений в рамках единой аксиологической платформы. Такая интеграция актуальна в условиях дефицита воспитательного ресурса. Данный процесс может быть осмыслен как масштабирование успешной модели «естественного» проектного синтеза, присущего приходской среде, в более широкий образовательный контекст. Однако важно сохранить органичную природу приходской среды, избегая излишней формализации. Исторический опыт показывает, что механическое перенесение церковных практик в светские институты без учёта их сакральной основы может привести к утрате воспитательного потенциала. Это подтверждает ключевой принцип аксиолого-антропологической реконструкции: педагогическая трансляция должна сохранять внутреннюю связь с онтологическим и аксиологическим источником, обеспечивая не внешнее заимствование форм, а содержательную преемственность. Необходим баланс между системным взаимодействием и сохранением аутентичности.

Следует отметить ограничения исследования. Во-первых, выборка имела региональную локализацию (Ижевская и Удмуртская епархия), что ограничивает экстраполяцию результатов. Во-вторых, для оценки устойчивости эффекта требуются лонгитюдные исследования. Несмотря на это, полученные

результаты позволяют утверждать, что приходская среда обладает признаками самостоятельной воспитательной системы и заслуживает внимания педагогической науки и практики. Проведённая работа служит важным эмпирическим обоснованием для дальнейшей разработки методологии аксиолого-антропологической реконструкции, демонстрируя её объяснительный потенциал при анализе реально действующих воспитательных систем.

Список источников

1. Гречанникова Н. В. Социально-воспитательная среда образовательной организации как педагогическое условие формирования гражданской устойчивости студентов // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. № 1 (103). С. 120–132. DOI: 10.21510/18173292_10310.21510_2024_103_1_120_132. EDN: MNURFJ.

2. Ромина А. В. Технология тайм-менеджмента как средство самоорганизации подростков во внеурочной воспитательной среде // Научный альманах. 2021. № 4–1 (78). С. 206–213. EDN: LUMKBX.

3. Баталов Д. Р. Модель профилактики буллинга среди младших школьников в воспитательной среде общеобразовательной организации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 267–275. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-267-275. EDN: NGHВРА.

4. Никандров Н. Д. Воспитание ценностей: российский вариант. М.: Магистр, 1996. 99 с.

5. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1988. Т. 1. 416 с.

6. Мухаметзянова Ф. Ш., Зияева Г. А., Исланова Н. Н. Школа как открытая воспитательная среда в эпоху цифровой трансформации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1. С. 68–74. EDN: RIZDC.

7. Рачинский С. А. Сельская школа. М.: Педагогика, 1991. 173 с.

8. Михалькова О. А., Галина Д. Р., Оранская Ю. С. Воспитательная система как сложное психолого-педагогическое явление в образовательной системе // Научные дискуссии. 2025. Т. 5. № 1. С. 26–29. EDN: WJJWRH.

9. Клейн С. В., Эйсфельд Д. А., Никифорова Н. В. Типологизация российских регионов по комплексу факторов среды обитания, учебно-воспитательного процесса и здоровья школьников // Анализ риска здоровью. 2021. № 4. С. 82–91. DOI: 10.21668/health.risk/2021.4.09. EDN: RPKPVS.

10. Макова Е. Н., Петров К. Г. Инновационная система развития современного школьника на основе организации комплексного сетевого взаимодействия в учебно-воспитательном процессе // Вестник Луганского го-

сударственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Образование. 2024. № 3 (120). С. 74–81. EDN: YISGIO.

11. Колесников П. В. Организация учебно-воспитательной деятельности в церковно-приходских школах Пензенской губернии XIX–XX вв. // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2021. № 3 (21). С. 69–77. EDN: JTZLIY.

12. Рыжов А. Н. Трансформация воспитательного потенциала религиозного образования в приходских училищах XVI–XVII вв. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2022. № 32. С. 113–116. EDN: KGPBМI.

13. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Шк.-Пресс, 1996. 271 с.

14. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: ОМЕГА-Л, 2009. 567 с. EDN: QOJERT.

15. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 103–112.

16. Психологические тесты : в 2 т. / под ред. А. А. Карелина. М.: ВЛАДОС-Пресс, 2007. Т. 1. 311 с.

17. Жукова Н. А., Чиганова Г. В. Диалог как ресурс становления личности школьников в современном воспитательном процессе // Непрерывное образование. 2024. № 2 (48). С. 44–54. EDN: UIQFIL.

18. Боргоякова Т. Г. Организация внеклассной воспитательной работы как условие формирования коммуникативного опыта младших школьников // Вопросы педагогики. 2020. № 6–1. С. 62–66. EDN: PONCWB.

19. Арифюлина Р. У., Беляева Т. К., Белогорская Л. В. Воспитательный потенциал педагогического кванториума в системе допрофессиональной подготовки обучающихся профильных классов психолого-педагогической направленности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72–3. С. 20–22. EDN: DPPNGB.

20. Богданова А. С., Петухова Н. Д. Воспитательные отношения и взаимодействие субъектов воспитания как условие создания воспитательной среды для одарённых детей // Вопросы педагогики. 2025. № 3–2. С. 27–30. EDN: VCWIVJ.

21. Калинина С. Н. Воспитательная среда как фактор развития нравственной личности ребёнка // Образование в Кировской области. 2021. № 3 (59). С. 51–54. EDN: TIROGN.

22. Кобозева А. А., Сухарев А. С., Кирпичёва Е. В. Формирование готовности будущих педагогов к работе по моделированию воспитательной системы образовательной организации как психолого-педагогическая проблема // Наука и образование. 2020. Т. 3. № 2. С. 222. EDN: IMUQIK.

23. Караковский В. А., Новикова Л. И. и др. Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем. М.: Новая школа, 1998. 426 с.

24. Байбородова Л. В. Психолого-педагогический класс в воспитательной системе образовательной организации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (167). С. 17–22. EDN: GAPZGD.

25. Атисков И. И. Коллективизм как основа воспитательного и образовательного процесса для школьников // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 4. С. 26–31. DOI: 10.5281/zenodo.11121703. EDN: JRWACR.

26. Слостенин В. А., Чижаква Г. И. Введение в педагогическую аксиологию : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 192 с.

References

1. Grechannikova N. V. Socio-educational environment of an educational organization as a pedagogical condition for the formation of civic resilience of students. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan]. 2024. No 1 (103). Pp. 120–132. DOI: 10.21510/18173292_10310.21510_2024_103_1_120_132. EDN: MNURFJ. (In Russ.)

2. Romina A. V. Time management technology as a means of self-organization of adolescents in extracurricular educational environment. *Nauchnyj al'manah* [Scientific Almanac]. 2021. No 4–1(78). Pp. 206–213. EDN: LUMKBX. (In Russ.)

3. Batalov D. R. Model of bullying prevention among primary school children in the educational environment of a general education organization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. 2023. Vol. 28. No 2. Pp. 267–275. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-267-275. EDN: NGHBPА. (In Russ.)

4. Nikandrov N. D. *Vospitaniyecennostej: rossijskij variant* [Education of values: Russian version]. Moscow: Magistr, 1996. 99 p. (In Russ.)

5. Ushinsky K. D. *Pedagogicheskie sochineniya : v 6 t.* [Pedagogical works : in 6 vol.]. Comp. by S. F. Egorov. Moscow: Pedagogika, 1988. Vol. 1416 p. (In Russ.)

6. Mukhametzhanova F. Sh., Ziyaeva G. A., Islamova N. N. School as an open educational environment in the era of digital transformation. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]. 2024. No 1. Pp. 68–74. EDN: RIZDC. (In Russ.)

7. Rachinsky S. A. *Sel'skaya shkola* [Rural school]. Moscow: Pedagogika, 1991. 173 p. (In Russ.)

8. Mikhail'kova O. A., Galina D. R., Oranskaya Yu. S. Educational system as a complex psychological and pedagogical phenomenon in the educational system. *Nauchnye diskussii* [Scientific Discussions]. 2025. Vol. 5. No 1. Pp. 26–29. EDN: WJWRH. (In Russ.)

9. Klein S. V., Einfeld D. A., Nikiforova N. V. Typology of Russian regions based on a set of factors of the living environment, educational process and health of schoolchildren. *Analiz riska zdorov'yu* [Health Risk Analysis]. 2021. No 4. Pp. 82–91. DOI: 10.21668/health.risk/2021.4.09. EDN: RPKPVS. (In Russ.)

10. Makova E. N., Petrov K. G. Innovative system of modern schoolchild development based on the organization of comprehensive network interaction in the educational process. *Vestnik Lugansko gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie* [Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series: Pedagogical Sciences. Education]. 2024. No 3 (120). Pp. 74–81. EDN: YISGIO. (In Russ.)

11. Kolesnikov P. V. Organization of educational activities in church-parish schools of Penza province in the 19th–20th centuries. *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoj Dухovnoy Seminarii* [God's Field. Bulletin of Penza Theological Seminary]. 2021. No 3 (21). Pp. 69–77. EDN: JTZLIY. (In Russ.)

12. Ryzhov A. N. Transformation of the educational potential of religious education in parish schools of the 16th–17th centuries. *Ezhegodnaya bogoslovs-kaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of Orthodox St. Tikhon Humanitarian University]. 2022. No 32. Pp. 113–116. EDN: KGPBMI. (In Russ.)

13. Zenkovsky V. V. *Problemy vospitaniya v svete khristianskoj antropologii* [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Moscow: Shkola-Press, 1996. 271 p. (In Russ.)

14. Yadov V. A. *Strategiya sociologicheskogo issledovaniya: opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye social'noy real'nosti* [Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality]. 4th ed. Moscow: OMEGA-L, 2009. 567 p. EDN: QOJERT. (In Russ.)

15. Methodology for assessing the level of development of moral consciousness (L. Kohlberg's dilemmas). *Diagnostika emocional'no-nravstvennogo razvitiya* [Diagnostics of emotional and moral development]. Ed. by I. B. Dermanova. St. Petersburg, 2002. Pp. 103–112. (In Russ.)

16. *Psihologicheskie testy : v 2 t.* [Psychological tests: in 2 volumes.]. Ed. by A. A. Karelin. Moscow: VLADOS-Press, 2007. Vol. 1. 311 p. (In Russ.)

17. Zhukova N. A., Chiganova G. V. Dialogue as a resource for the formation of schoolchildren's personality in the modern educational process. *Nepreryvnoye obrazovanie* [Continuing Education]. 2024. No 2 (48). Pp. 44–54. EDN: UIQFIL. (In Russ.)

18. Borgoyakova T. G. Organization of extracurricular educational work as a condition for the formation of communicative experience of primary schoolchildren. *Voprosy pedagogiki* [Pedagogical Issues]. 2020. No 6–1. Pp. 62–66. EDN: PONCWB. (In Russ.)

19. Arifulina R. U., Belyaeva T. K., Belogorskaya L. V. Educational potential of pedagogical quantumium in the system of pre-professional training of students of specialized psychological and pedagogical classes. *Problemy sovremennogo peda-*

gogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]. 2021. No 72–3. Pp. 20–22. EDN: DPPNGB. (In Russ.)

20. Bogdanova A. S., Petukhova N. D. Educational relations and interaction of subjects of education as a condition for creating an educational environment for gifted children. *Voprosy pedagogiki* [Pedagogical Issues]. 2025. No 3–2. Pp. 27–30. EDN: VCWIVJ. (In Russ.)

21. Kalinina S. N. Educational environment as a factor in the development of a child's moral personality. *Obrazovanie v Kirovskoj oblasti* [Education in Kirov Region]. 2021. No 3 (59). Pp. 51–54. EDN: TIROGN. (In Russ.)

22. Kobozeva A. A., Sukharev A. S., Kirpicheva E. V. Formation of future teachers' readiness to work on modeling the educational system of an educational organization as a psychological and pedagogical problem. *Nauka i Obrazovanie* [Science and Education]. 2020. Vol. 3. No 2. P. 222. EDN: IMUQIK. (In Russ.)

23. Karakovskiy V. A., Novikova L. I. *Vospitanie! Teoriya i praktika shkol'nykh vospitatel'nykh sistem* [Education! Theory and practice of school educational systems]. Moscow: Novaya shkola, 1998. 426 p. (In Russ.)

24. Baiborodova L. V. Psychological and pedagogical class in the educational system of an educational organization. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2022. No 4 (167). Pp. 17–22. EDN: GAPZGD. (In Russ.)

25. Atiskov I. I. Collectivism as the basis of educational process for school-children. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin]. 2024. No 4. Pp. 26–31. DOI: 10.5281/zenodo.11121703. EDN: JRWACR. (In Russ.)

26. Slastenin V. A., Chizhakova G. I. *Vvedenie v pedagogicheskuyu aksiologiyu* [Introduction to pedagogical axiology]. Moscow: Akademiya, 2003. 192 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Санников Максим Алексеевич, иерей, ректор Института развития образования им. К. Д. Ушинского (Россия, 426052, г. Ижевск, ул. Бalezинская, д. 80)

Information about the author

Maxim A. Sannikov, priest, Rector of the Ushinsky Institute for the Development of Education (80, Balezinskaya St., Izhevsk, 426052, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.08.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 11.12.2025

Научная статья / Article

УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-191>

**Специфика работы со студентами поколения Z
в языковом педагогическом институте**

Елена Владимировна Сердюк

Сыктывкарский государственный университет имени

Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

serdukelena@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-9401-7266>

Аннотация. Известно, что овладение иностранным языком невозможно без совместной работы студента и преподавателя. Ответственность каждой стороны возрастает, если иностранный язык изучается не для бытовых целей, а для профессиональной деятельности. Практика показывает, что подходы к обучению студентов-будущих учителей иностранных языков на младших и старших курсах языкового педагогического института имеют специфику. Возраст студентов первого и второго курсов позволяет отнести их к так называемому цифровому поколению, поколению Z. Из всех характеристик цифрового поколения в статье выбраны те, которые оказывают влияние на процесс обучения иностранным языкам. Цель данного исследования — раскрыть общие черты поколения Z, которые способствуют успешному освоению иностранного языка студентами педагогического направления, а также предложить практические рекомендации по подготовке студентов первого и второго курсов к работе по специальности. Статья имеет прикладной характер, она обобщает опыт преподавания английского языка в Институте иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Поэтому методами исследования, кроме анализа соответствующей литературы, являются изучение, наблюдение и обобщение вузовской практики. Результатом исследования является характеристика комплекса методов и приемов, которые успешно применяются для обучения студентов младших курсов. Приемы разнообразны и охватывают не только учебную, но и внеаудиторную деятельность. К ним относятся обучение иноязычной речи на основе функционально-познавательного подхода, который позволяет преподавателю управлять формирующейся речью студентов; повышение мотивации обучающихся через поощрение, что ведет к уменьшению тревожности студентов цифрового поколения; прием драматизации, который дает возможность продемон-

стрировать свои таланты; метод проектов, где для достижения общего результата надо работать в команде; а также профессионально ориентированные упражнения, выполнение которых уже на первом и втором курсах педагогического института придает практическую направленность учебной деятельности. Исследование представляет интерес для преподавателей иностранных языков, кураторов академических групп на первом курсе вуза и методистов, занимающихся проблемой обучения иноязычной устной речи.

Ключевые слова: цифровое поколение, профессиональное обучение иностранному языку, языковое педагогическое образование, функционально-познавательный подход

Для цитирования: Сердюк Е. В. Специфика работы со студентами поколения Z в языковом педагогическом институте // Человек. Культура. Образование. 2026. № 1. С. 191–204. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-191>

Specifics of Working with Generation Z Students in a Linguistic Pedagogical Institute

Elena V. Serdyuk

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
serdukelena@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-9401-7266>

Abstract. *It is known that mastering a foreign language is impossible without the joint efforts of both student and teacher. The responsibility of each party increases if the foreign language is studied not for everyday purposes but for professional activities. Practice shows that approaches to teaching future teachers of foreign languages at junior and senior courses in a linguistic pedagogical institute have specific features. The age of first- and second-year students allows them to be classified as part of the so-called digital generation or Generation Z. Among all characteristics of this digital generation, those that influence the process of learning foreign languages are selected in this article. The aim of this study is to reveal common traits of Generation Z that contribute to successful acquisition of a foreign language by students majoring in pedagogy, as well as to offer practical recommendations on preparing first- and second-year students for their future profession. This article has an applied nature, summarizing experience in teaching English at the Institute of Foreign Languages of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Therefore, methods of research include analysis of relevant literature, studying, observing, and generalizing university practice. The result of the study is a description of a set of methods and techniques successfully used for teaching younger course students. These techniques are diverse and cover not only classroom instruction but also extracurricular activities. They include teaching foreign*

speech based on a functional-cognitive approach, which enables the teacher to manage the developing speech of students; enhancing motivation through encouragement, leading to reduced anxiety among members of the digital generation; the technique of dramatization, providing opportunities to demonstrate talents; project-based method, where teamwork is required to achieve collective results; and professionally-oriented exercises, whose implementation already during the first and second years gives practical orientation to educational activity. This study will interest foreign language teachers, academic group tutors, and methodology specialists dealing with the problem of teaching oral foreign-language skills.

Keywords: *digital generation / Generation Z, professional language training, linguistic pedagogical education, functional-cognitive approach*

For citation: Serdyuk E. V. Specifics of Working with Generation Z Students in a Linguistic Pedagogical Institute. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 1: 191–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-1-191>

Введение. Все виды профессионального обучения в Российской Федерации регламентируются образовательными стандартами. Федеральные государственные образовательные стандарты содержат требования к результатам освоения образовательной программы, к ее структуре, а также к условиям ее реализации. Данные требования предполагают организацию обучения с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся. Отметим, что в настоящее время в вузах наблюдается тенденция к уменьшению часов аудиторной работы при сохраняющемся требовании к качеству обучения. В таких условиях учет индивидуальных особенностей при проведении занятий по овладению иностранным языком становится трудновыполнимым, а иногда и нереалистичным. Кроме того, на современном этапе развития общества, технологии и информационной среды происходит быстрая смена обучающих концепций и парадигм, новаторские приемы вчерашнего дня сегодня кажутся безнадежно устаревшими. В данных быстро меняющихся условиях обучения логично предположить, что процессы учения и научения должны базироваться на чем-то более стабильном и предсказуемом, чем индивидуальные особенности. Такой универсальной базой предлагаем считать характеристики обучающихся, описанные в «теории поколений», которая возникла в США в конце XX века. Теория поколений была разработана американскими исследователями Уильямом Штраусом и Нилом Хау [1]. Теория базируется на общих принципах социологии

и психологии развития личности, которые применимы ко многим странам мира, включая Россию. Хотя культурные особенности разных стран влияют на формирование особенностей каждого поколения, основные тенденции, выделенные У. Штраусом и Н. Хау, находят отражение и вне специфики американского общества. Российские педагоги могут использовать теорию поколений как инструмент для разработки эффективных образовательных методик. Учет когнитивных и эмоциональных особенностей обучающихся разного возраста и понимание специфики восприятия и поведения представителей разных поколений помогают избежать конфликтов и создать благоприятную атмосферу сотрудничества между преподавателем и студентом. Использование теории поколений помогает российским педагогам лучше понимать потребности и ожидания современных студентов, учитывать их предпочтения и развивать креативные образовательные стратегии.

Научная новизна исследования заключается в смещении акцентов с традиционной установки на индивидуально-ориентированное обучение иностранным языкам на обоснованный учет общих групповых характеристик и потребностей современных студентов, позволяющий оптимизировать процесс усвоения материала в рамках реальных временных рамок занятия.

Значимость исследования заключается в предложении преподавателям проверенных методик взаимодействия со студентами поколения Z, учитывающих характерные особенности и образовательные потребности представителей данной возрастной категории.

Цель работы — выделить общие черты поколения Z, которые студенты демонстрируют на занятиях по иностранному языку на младших курсах языкового института, и предложить эффективные приемы работы с учетом особенностей обучающихся юношеского возраста.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- определить, какие черты личности студента как представителя *цифрового поколения* будут оказывать тормозящее влияние на становление иноязычной речи на языковом факультете;
- выяснить, какие черты поколения Z будут опорой для преподавателя иностранного языка в процессе развития различных видов речевой деятельности и формирования речевых навыков;

- описать действенные методы и приемы обучения студентов первого-второго курсов педагогического направления.

Методы исследования, теоретическая база. Тема данной работы имеет междисциплинарный характер. Это позволяет привлекать широкий спектр источников и результаты исследований в различных областях:

- в области психологии и психиатрии, где изучаются ценности современных подростков (Д. Б. Эльконин, А. А. Реан, А. С. Буреломова, Л. И. Очирова, Д. А. Подольский); проблемы индентичности (Э. Эриксон, И. П. Дьяченко); отношение молодежи к образованию (Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова); работа мозга в эпоху Интернета (Г. Смолл, Г. Ворган);

- в области социологии, где теория поколений рассматривается как инструмент развития трудового потенциала (И. М. Гурова, С. Ш. Евдокимова); анализируются особенности взаимоотношений со старшим поколением (Ю. А. Левада, Т. Шанин, В. В. Радаев); изучается человек в период смены поколений (И. М. Савельева, А. В. Полетаев);

- в области маркетинга и экономики, где показаны основные этапы развития подростков как потребителей (С. В. Шадрина); приводятся факторы экономической социализации старших подростков (И. В. Ермакова);

- в области педагогики и методики обучения, где излагаются эффективные приемы работы с детьми (В. А. Сухомлинский, И. Ф. Харламов, Г. М. Коджаспирова, М. Монтессори); даются советы по управлению девиантным поведением детей (Е. А. Стребелева, В. К. Зарецкий); представлены алгоритмы работы над различными видами речевой деятельности на уроке иностранного языка в школе и вузе (Е. И. Пассов, Г. В. Рогова, И. Л. Бим, Е. Н. Соловова).

С учетом цели и поставленных задач были использованы следующие методы исследования: общенаучный — анализ и систематизация литературы по проблеме, а также методы в области педагогики и методики — изучение, наблюдение и обобщение вузовской практики.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторы теории поколений (Н. Хоув и В. Штраус) отходят от традиционного понятия поколения как «одновременно живущих людей (особей) близкого возраста» [2, с. 613]. Создатели утверждают, что поколения отличаются друг от друга прежде всего ценностями, сформированными в период детства. В работе использовано определение термина *поколение* М. Б. Глотова: «Поколение — объектив-

но складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [3, с. 45].

Современные студенты (все, кто родились в первые десять лет XXI века) принадлежат поколению Z, «цифровому поколению». Термин «цифровое поколение» (Digital Native — досл. англ. «цифровой абориген») был предложен американским публицистом Марком Пренски для обозначения людей, которые с самого рождения находятся в сфере цифровых технологий [4]. Психологи, социологи, педагоги отмечают общие черты представителей «цифрового поколения». После пандемии коронавируса кураторами Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета было принято решение наблюдать за физическим и психоэмоциональным состоянием студентов первого и второго курсов (около 450 человек за 4 года). В ходе целенаправленного наблюдения были выделены характеристики студентов, наиболее ярко проявляющиеся на занятиях по иностранному языку:

- студенты отлично разбираются в технологиях, но испытывают трудности с оценкой поведения человека, не могут спонтанно ответить на вопрос о характере героя текста, не видят причин поведения героев. На занятиях по иностранному языку полезно в качестве текста-образца давать студентам текст-рассуждение проблемного характера. Такой образец стимулирует умение анализировать ситуацию, формировать аргументированные выводы, оценивать альтернативы и выбирать наиболее оптимальный вариант;

- студенты имеют виртуальных друзей. Уже перестали вызывать удивление высказывания типа: *Я хочу рассказать о своем лучшем друге. Он живет в Хабаровске. Мы с ним никогда не встречались, но дружим уже давно.* Опыт онлайн-общения успешно используется в работе над проектами студентов, когда совместная деятельность может осуществляться дистанционно, независимо от пространственного расположения участников;

- для студентов характерно «клиповое» мышление, они воспринимают информацию небольшими дозами, не понимают длинные тексты. Объемные фабульные тексты необходимо разбивать на части и предъявлять материал дозированно, короткими фрагментами;

- студенты испытывают проблемы с концентрацией внимания, не могут подолгу заниматься одним делом, отвлекают-

ся на телефон, слушают преподавателя и одновременно пишут в чатах. На занятии требуется постоянная смена видов упражнений и форм работы: индивидуальная, фронтальная, парная, групповая;

- мотивация студентов зависит от интереса. Рутинная, кропотливая работа над постановкой английского произношения интереса не вызывает. Эффективным средством повышения мотивации могут выступать профессионально ориентированные учебные задания, специально разработанные для закрепления предметных компетенций;

- скудный объем оперативной памяти препятствует быстрому прогрессу в обучении. Все изучение иностранного языка базируется на работе кратковременной и долговременной памяти. В последнее время студентам тяжело даются задания типа *Назовите предметы мебели в комнате по одному предложению от каждого студента, повторяться нельзя*. Это задание элементарного уровня сложности. Студенты не могут его выполнить, так как не могут запомнить кто что сказал. Представители «цифрового поколения» лучше воспринимают визуальный ряд, чем аудиальный, поэтому при выполнении заданий по картинке студенты могут зачеркивать предметы мебели, которые были уже названы;

- студентам младших курсов свойственны крайний индивидуализм, эгоцентричность, жажда похвалы и признания. Они любят быть в центре внимания, на сцене, поэтому с интересом участвуют в конкурсе драматизаций;

- студенты инфантильны, не стремятся действовать самостоятельно, ждут напоминания от преподавателя или куратора. Они могут прийти на занятия не в тот корпус университета, потому что им никто не сказал, куда надо идти. Установки к заданиям и инструкции для студентов «цифрового поколения» должны быть четкими, краткими, предпочтительно в письменном виде;

- студенты любят творческие задания, в которых им представляется возможность проявить свои таланты. На младших курсах у студентов наблюдается высокая степень вовлеченности и мотивации к участию в фонетических конкурсах и конкурсах чтецов на различных иностранных языках, что обусловлено потребностью в самовыражении, развитии творческого потенциала и получении социального одобрения.

- студенты очень открытые, свободно делятся своими проблемами. Они могут рассказать, что испытывают панические

атаки, принимают антидепрессанты или имеют проблемы с самоидентификацией. Кураторам надо с вниманием относиться к таким вопросам и вовремя информировать родителей обучающихся.

В Институте иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина студенты-будущие учителя иностранных языков получают классическое педагогическое образование. На младших курсах обучение в рамках дисциплины «Английский язык: практика устной и письменной речи» ведется с использованием учебника под редакцией В. Д. Аракина «Практический курс английского языка». Он рекомендован Министерством высшего образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для педагогических вузов по специальности «Иностранные языки». С самых первых занятий студенты изучают английский язык для его преподавания в образовательных организациях в качестве учителя. Поэтому профессионально ориентированные упражнения должны быть неотъемлемой частью процесса обучения в вузе.

Учитывая особенности студентов младших курсов как цифрового поколения, специфику предмета «Английский язык: практика устной и письменной речи» и цели подготовки будущих учителей иностранных языков, можно предположить, что образовательный процесс на первом-втором курсах языкового педагогического института должен реализовываться системно и взаимосвязано. Опишем приемы и методы, которые успешно используются в обучении студентов направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки: Иностранный язык (английский) и Иностранный язык (немецкий / французский / испанский / китайский)» Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина:

1. Обучение устной речи на основе функционально-познавательного подхода. Функционально-познавательный подход был создан профессором Б. П. Годуновым в научно-методической лаборатории Коми государственного педагогического института. Положения подхода зафиксированы в трудах членов лаборатории: В. М. Гурленова, Л. К. Никоновой, Г. Я. Ложкиной, З. М. Шениной, Д. И. Шуляк, Т. А. Головень и др. Ключевое положение подхода — тезис «о единстве лингвовербальных актов и познавательных процессов ... то есть когда функциональное и познавательное составляют две стороны одного явления» [5, с. 5]. Обучение осуществляется на текстовой основе. Это не

означает механическое воспроизведение предложений текста-образца студентами. Текстовые источники используются для порождения собственных целостных англоязычных текстов с привлечением учебного и жизненного познавательного-речевого опыта студентов.

Большинство текстов учебника В. Д. Аракина являются сюжетными. Уже в разделе *Коррективный курс* студенты знакомятся с семьей доктора Сэндфорда, его родственниками, его домом и образом жизни. Учитывая «клиповое» мышление студентов, представляется нецелесообразным работать над объемными текстами. Информация должна подаваться дозированно и постепенно. Выполнение функциональных грамматически ориентированных заданий на сравнение, расширение, аналогию, содержательную трансформацию, перестановки внутри текста нацеливают студентов на привлечение сведений о действующих лицах и событиях изучаемого и ранее изученных текстов. Так рождаются собственные фабулы студентов. Они строятся на хорошо освоенном содержательном и языковом материале, однако «требуют перекомбинирования и новокомбинирования элементов содержания и грамматических средств его выражения в соответствии с достаточно сложными мыслительными операциями» [5, с. 2]. Помимо образовательных, работа с текстом решает воспитательные и развивающие задачи: развивает фантазию и воображение (*Представьте, что семья доктора Сэндфорда отдыхает сейчас в деревне / на море. Чем занимается каждый член семьи?*); приучает к внимательному, вдумчивому чтению. Функциональные грамматически ориентированные упражнения помогают студентам преодолевать фрагментарность и поверхностность мышления; развивает самостоятельность и уверенность в своих силах.

2. Метод проектов. На младших курсах конкурс проектов является заключительным этапом в изучении нескольких лексических тем: *Мой рабочий день, Еда, Путешествия и виды транспорта*. Приведем пример: в конце лексической темы *Еда* студенты получают задание придумать и представить на английском языке ресторан. Презентация должна включать описание местоположения и интерьера ресторана, меню, рецепт фирменного блюда с использованием изученных грамматических конструкций и лексики. Работа организуется в группах. Проект развивает креативное мышление, умение аргументированно выражать мысли, анализировать материал и применять полученные знания на практике. В конкурсе всегда есть победитель, которо-

го определяет преподаватель, принимая во внимание языковую правильность и структурную логичность выполненного проекта. Также большое мотивирующее влияние оказывает номинация «Приз зрительских симпатий», которую присуждают сами студенты. Для них решающими являются красочность презентации, креативность идеи, наличие необычных творческих находок в оформлении проекта. Работа над проектом всегда является коллективной и учит студентов-первокурсников взаимодействовать в группе, договариваться, принимать совместные решения и, в целом, способствует развитию коммуникативных навыков, необходимых в профессии учителя. Кроме того, при выполнении проекта преподаватель погружает студентов поколения Z в особое мотивационное состояние *Успех моей команды зависит от качества моего труда*, что формирует у обучающихся чувство ответственности и осознание собственной значимости.

3. Прием драматизации. Прием драматизации имеет глубокие исторические корни. В исследованиях последних лет инсценирование и драматизация классифицируются как «методы литературного образования учащихся» [6, с. 47], как средство «формирования музыкально творческих способностей детей» [7, с. 31], как «источник самореализации индивида» [8, с. 77], как яркая зрелищная, активная форма работы с детьми [9], как неотъемлемый элемент социоигровой педагогики [10]. В Институте иностранных языков традиционным стал конкурс драматизаций на втором курсе. Подготовка к проведению конкурса занимает весь первый семестр второго года обучения. Студенты-второкурсники готовят драматизации по теме *Болезни и их лечение*. Студенты поколения Z ценят возможность творческого самовыражения. Творческое начало каждого активизируется благодаря возможности экспериментировать с различными образами, ситуациями и способами взаимодействия. Вся работа по написанию сценария постановок, распределению ролей, представлению драматизаций на сцене, звуковому и световому сопровождению осуществляется студентами самостоятельно. Зрителями выступают студенты первого курса Института иностранных языков, а также приглашенные гости: школьники и учителя английского языка г. Сыктывкара. Значение приема драматизации в становлении личности студента «в ее субъективной значимости для личности, в обеспечении условий ее роста, в реализации потребности в оценке, признании, уважении» [8, с. 77]. Это помогает поддерживать интерес к предмету, активизировать творческую активность обучающихся, способствует их взрослению.

4. Признание как способ повышения мотивации. Как показывает практика преподавания в вузе, студенты поколения Z очень ранимы. Для поступления в Институт иностранных языков абитуриенты должны сдать единый государственный экзамен по английскому языку на высокие баллы, который является экзаменом по выбору, поэтому в своем классе и в школе обучающиеся часто являются лучшими в английском языке на фоне своих одноклассников и могут отвечать спонтанно, без предварительной подготовки дома. Адаптация к требованиям языкового педагогического института дается современным студентам тяжело: многие начинают плакать на занятии, когда преподаватель исправляет их ошибки, или проявляют агрессию на замечания. Справиться со стрессом и тревогой студентам помогают различные способы повышения мотивации, предложенные кураторами института: публичная похвала, поощрение успехов, организация конкурсов и соревнований между группами как в учебной деятельности, так и во внеаудиторное время. В Институте иностранных языков на младших курсах организуются следующие мотивирующие мероприятия: фонетический конкурс чтения англоязычной поэзии, конкурс чтения на французском языке, конкурс чтения немецкоязычной поэзии, конкурс проектов *The Best Menu*, конкурс драматизаций, конкурс на самое интересное оформление комнаты в общежитии. Здесь важно создание комфортной атмосферы доверия и поддержки, позволяющей студентам чувствовать себя уверенно.

5. Профессионально ориентированные упражнения. Современным студентам важно понимать и принимать цель своего образования — стать учителем иностранных языков. Эта профессия требует ответственности, самодисциплины, аккуратности, пунктуальности, терпения. Профессионально ориентированные упражнения направлены на развитие элементарных умений, необходимых будущему учителю иностранного языка. Для этого используются не только тексты из учебника В. Д. Аракина, но и материалы из школьных учебников по английскому языку. Приведем примеры таких упражнений:

- составьте вопросы по тексту;
- составьте верные / неверные утверждения к тексту с ориентацией на определенные грамматические явления;
- адаптируйте текст для обучающихся определенного класса, заменяя один грамматический материал другим;
- подберите к тексту наглядный материал;

- проверьте работу своего товарища, укажите ему на его ошибки;
- выберите вербальные / невербальные опоры для составления монолога / диалога учащимися;
- помогите учащимся составить высказывание по тексту на основе опор, ключевых слов, картинок.

В ходе выполнения профессионально значимых упражнений студенты также учатся преодолевать страх публичных выступлений, выразительно читать, говорить громко и четко, исправлять ошибки других. Установка на профессиональное использование языка дает студентам первого и второго курсов ощущение значимости своей деятельности, формирует у них чувство «взрослости», учит самоконтролю и рефлексии, способствует развитию критического мышления.

Заключение. В исследовании представлен функционально-познавательный подход к обучению иностранному языку студентов поколения Z, что является важным дополнением к существующим образовательным концепциям. Обучение на младших курсах должно заложить основу для профессионального использования иностранного языка. Анализ поведения, мотивации и образовательных потребностей современных студентов первого и второго курсов позволил выделить ряд ключевых аспектов, необходимых для эффективной подготовки будущих учителей:

- лингвистические действия и когнитивные процессы в ходе обучения иностранному языку взаимосвязаны, функциональные и познавательные компоненты должны рассматриваться как взаимодополняющие элементы единого целого;
- организация систематических мероприятий направляет учебную активность студентов цифрового поколения в русло будущей профессии, обеспечивает высокую степень мотивации и вовлеченности студентов в учебный процесс;
- использование комплекса научно обоснованных приемов способствует преодолению возрастных ограничений и формированию профессиональной компетентности студентов.

Полученные результаты позволяют рекомендовать внедрение разработанной методики в практику образовательной деятельности Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина и продолжить изучение эффективности данного подхода среди старшекурсников с целью повышения качества профессиональной подготовки учителей иностранных языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. URL: <https://archive.org> (дата обращения: 12.05.2025).
2. Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Глотов М. Б. Поколение как категория социологии. URL: <https://naukarus.com/pokolenie-kak-kategoriya-sotsiologii> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Prensky M. *Teaching Digital Natives: Partnering for Real Learning*. URL: <https://marcprensky.com/wp-content/uploads/2013/04/Prensky-TEACHING-DIGITAL-NATIVES-Chapter1.pdf> (дата обращения: 22.11.2025).
5. Годунов Б. П. Функционально-познавательный подход к обучению иностранным языкам как педагогической специальности : статьи и доклады. Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. 130 с.
6. Балан Э. С., Иванов Н. Н. Роль инсценирования и драматизации в литературном образовании школьников // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3 (60). С. 47–50.
7. Гареева А. И. Развитие музыкально-творческих способностей младших школьников средствами музыкально-игровой драматизации // Проблемы педагогики. 2016. № 1 (12). С. 31–34.
8. Сукало А. А. Самодеятельное творчество: к вопросу о категориальном аппарате исследования феномена // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1. С. 71–80.
9. Ежов П. Ю. Интерактивные средства театрализации в системе формирования творческих способностей младших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12604> (дата обращения: 11.05.2025).
10. Гребенкин А. В. Театральная педагогика вчера и сегодня. URL: <http://theater111.ru/science03.php> (дата обращения: 11.05.2025).

References

1. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. Available at: <https://archive.org> (accessed:12.05.2025).
2. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Available at: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: 15.03.2025). (In Russ.)
3. Glotov M. B. *Pokolenie kak kategoriya sotsiologii* [Generation as a Category of Sociology]. Available at: <https://naukarus.com/pokolenie-kak-kategoriya-sotsiologii>. (accessed: 15.03.2025). (In Russ.)
4. Prensky M. *Teaching Digital Natives: Partnering for Real Learning*. Available at: <https://marcprensky.com/wp-content/uploads/2013/04/Prensky-TEACHING-DIGITAL-NATIVES-Chapter1.pdf> (accessed: 22.11.2025).
5. Godunov B. P. *Funkcional'no-poznavatel'nyj podhod k obucheniyu inostrannym yazykam kak pedagogicheskoy special'nosti : statyi i doklady* [Function-

al-cognitive approach to teaching foreign languages as a pedagogical specialty : articles and reports]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute Press. 2010. 130 p. (In Russ.)

6. Balan E. S., Ivanov N. N. The Role of Staging and Dramatization in Literary Education of Schoolchildren. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2009. No 3 (60). Pp. 47–50. (In Russ.)

7. Gareeva A. I. Development of Musical and Creative Abilities in Primary School Children Through Means of Music-Play Dramatization. *Problemy pedagogiki* [Problems of Pedagogy]. 2016. No 1 (12). Pp. 31–34. (In Russ.)

8. Sukalo A. A. Amateur Creativity: On the Issue of Categorical Framework for Studying the Phenomenon. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. 2006. No 1. Pp. 71–80. (In Russ.)

9. Ezhev P. Yu. Interactive Theatre Techniques in the System of Developing Creative Skills in Primary School Students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern Problems of Science and Education]. 2014. No 2. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12604> (accessed: 11.05.2025). (In Russ.)

10. Grebenkin A. V. *Teatral'naya pedagogika vchera i segodnya* [Theater Pedagogy Yesterday and Today]. Available at: <http://theater111.ru/science03.php> (accessed: 11.05.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе

Сердюк Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Россия, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55)

Information about the author

Elena V. Serdyuk, Candidate of pedagogical sciences, Assistant Professor of the English department of the Institute of foreign languages, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 11.12.2025